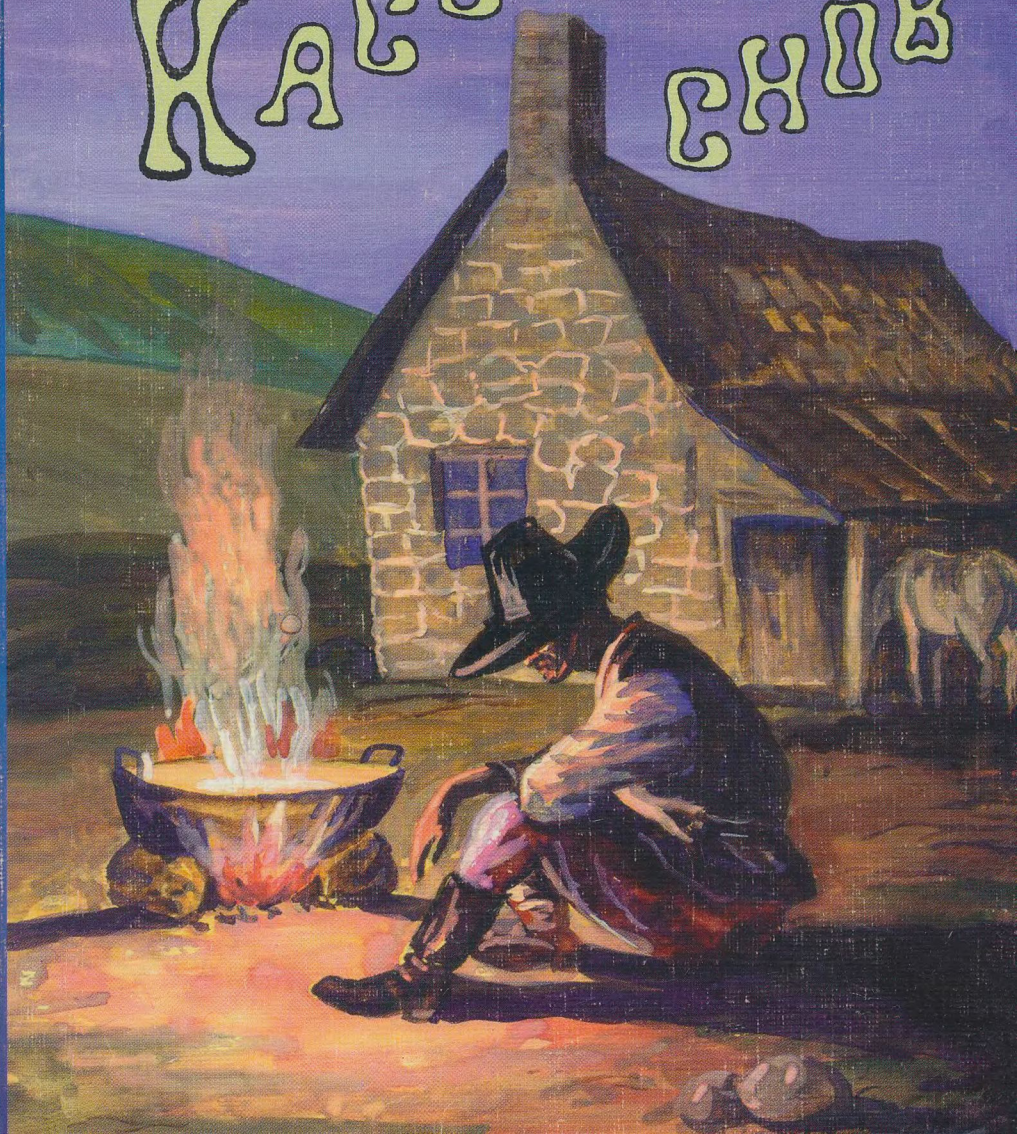

Новелла Матвеева

КАССЕТА СНОВ

Новелла Матвеева Кассета снов

Новелла Матвеева

КАССЕТА С НОВ

«АПАРТ»
1998
МОСКВА

ISBN 5 - 86109 - 017 - 3

© Н.Матвеева 1998

© Е.Носов, обложка 1998

© А.Митяшева, иллюстрации к пьесам 1998

© Н.Матвеева, рисунки 1998

© Р.Матвеев, рисунки 1998

© «АПАРТ», оформление 1998

Предсказание Згла

Пьеса в двух действиях

*Свободная фантазия
по мотивам повести Александра Трина
«Алле паруса»*

1973 - 1978 гг.
Москва

Иллюстрации Анастасии Митяшевой

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЭГЛЬ - сказочник.
ЛОНГРЕН - моряк.
АССОЛЬ - его дочь.
ГРЭЙ - капитан «Арамеи».

Экипаж «Арамеи»:

ЛЕТИКА.
АТВУД.
ПАНТЕН.
СИГБИ.
БАНГОК.
СИНКРАЙТ.

Музыканты:

ЦИММЕР.
ДУС.
ТЮЛИП.
РУПЕРГ.
БРУКС.

Жители Каперны:

УГОЛЬЩИК.
МАРГА - вдова.
МЕННЕРС - лавочник.
ХИН МЕННЕРС - его сын.
ТРАКТИРЩИК.
БУФЕТЧИЦА.
ХОПС - мясник.
НИЩИЙ.
ПОМОЩНИК НИЩЕГО.
ПЕРВЫЙ РЫБАК.
ВТОРОЙ РЫБАК.
ТРЕТИЙ РЫБАК.
ПЕРВЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ.
ВТОРОЙ ПОСЕТИТЕЛЬ.
ЧЕЛОВЕК С ТОНКИМ ГОЛОСОМ.
ПОЛИЦЕЙСКИЙ.
РЫБАКИ И ИХ ЖЁНЫ
ЛАВОЧНИКИ И ИХ ЖЁНЫ.
ДЕВУШКИ И ПАРНИ.
ТОЛПА: ГОРОЖАНЕ И ПРИЕЗЖИЕ.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Перед занавесом

*Звучит музыка «Песни Грея», но пока без слов.
Входит Эгль. Приподняв шляпу, кланяется.*

ЭГЛЬ. Я - Эгль, - собиратель песен и сказок. В поисках песен и сказок, с вашего позволения, и занесло меня в эту глушь. Но странное дело: сказок здесь не рассказывают - песен здесь не поют... Не песней же называть безобразный рёв, который слышу я иногда за плетнями! Если бурчание в брюхе - песня, то я отступаю. Но я почему-то всегда считал, что искусство расположено выше. *(Одну руку ко лбу, другую - к сердцу. Потом воздевает обе).* Если нож и вилка суть музыкальные инструменты, то чем, хотел бы я знать, режут они здесь ветчину? Играть на котле, на кастрюле, на вертеле? - хватит! А то я зажарю гуся на огне вдохновенья! Ага! Ещё денёк погуляю тут... - чем случай не шутит! Вдруг да и настоящую песню услышим... Да и запишем... А нет - так и налегке уйдём. Но, старина Эгль... Что-то удерживает тебя здесь? Что-то удерживает. А? Хоть сейчас мог бы податься прочь, старый бездельник... Голову ли тебе напекло, дюны ли тебя закружили? Рыбацкий посёлок молчит, - подавиться ему рыбьей костью! И что-то страшное слышится тебе в его молчании... Прочь! Прочь! *(Пьёт воду, отстегнувши флягу).* «Прочь» - а сам не уходишь... Голову ли тебе напекло? - дюны ли тебя закружили?

Уходит, незаметно для себя самого уводя занавес, на котором, может быть, изображены - небрежными полужольтцами - жёлтые дюны в лазури. Быть может, Эгль немного, что ли, запутывается в занавесе. И вряд ли он знает, что, уводя занавес, открывает нечто новое в судьбах.

Картина первая

Глубина внутренности трактира. Вечер. Керосиновые лампы. Шум ветра и голос Эгля уже за сценой. «Дюны что ли - а?.. Ещё денёк побуду, а там...» Начинает заунывную игру во-льщик. Посетители сидят за трапезой. Три девушки и трое парней, стоя друг против друга, запевают с притопыванием.

ПАРНИ.

Бесприданница-красавица (-вица, -са-вица, -са-вица)

Курносенький носок.

Если хочешь мне понравиться (-вица, нра-вица, ца-ца-ца)

Заштопай мне носок (мне носок)...

*Дружно сняв по одному башмаку, поднимают ноги на
уровень девичьих лиц.*

ДЕВУШКИ.

У соседа-дармоеда (-еда-да, -еда-да, да, да)

Замечательный кабан!

Пятачком копнул, каналья (-налья-на, -налья-на, на)

Вырыл денег целый жбан (жбан-н, жбан-н...)

ПАРНИ.

У нашего борова (-рова-рова, борова, ва, ва)

Никакого норова:

Подожду ему щетину (-тину-тин, -тину-тин, -тину-тин)

То-то будет здорово!

Посетители смеются. По заднему плану сцены, в тени, заслонив, как бы защищая скрипку, прокрадывается Эгль.

ЭГЛЬ. Не здесь, Эгль, старина! Нет, не здесь. *(Никем не замеченный, исчезает через чёрный ход).*

ДЕВУШКИ.

Ничего не остаётся (ничего, ничего, во, во, во!)

Если сварить петуха!

Ножки, крылышки, мордашка (-дашка-шка, -дашка-шка)

Остальное - потроха!

ПАРНИ.

Шут солдата обманул (-манул-манул, -нул-нул)

Ему голову пригнул;

Для потехи (вот так смехи! -мехи-ме, -мехи-ме, ме, ме)

В бочку с дёгтем окунул!

ПЕРВЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ *(замерев над какой-то сплетней,*

затем выпрямляется и машет рукой, другому). ...Э, старина, наше дело - сторона...

ВТОРОЙ ПОСЕТИТЕЛЬ. Я же люблю потолковать о том о сём!..

Входят трое Рыбаков. Несут на брезенте полёживающего с трубкой в зубах Меннерса.

ПЕРВЫЙ РЫБАК.

Вот лавочника Меннерса,

ВТОРОЙ РЫБАК.

Вот лавочника Меннерса,

ТРЕТИЙ РЫБАК.

Вот лавочника -

ВСЕ ТРОЕ.

То есть Меннерса несём.

ТРАКТИРЩИК.

А на что он мне? За что такая мне награда?

Вот о чём хотел бы я вас очень попросить:

Их сюда ко мне приносить не надо.

А наоборот: надо уносить!

ПЕРВЫЙ РЫБАК.

Хозяин, просим не пенять

ВТОРОЙ РЫБАК.

И, всё же, Меннерса принять!

ТРЕТИЙ РЫБАК.

Нисколько этот лавочник не пьян!

ПЕРВЫЙ РЫБАК.

Но сын его рассказывал,

ВТОРОЙ РЫБАК.

Что лодку он отвязывал

ТРЕТИЙ РЫБАК.

И вывалился в синий океан!

Меннерс принимает то отдыхающие, то бездыханные позы, в зависимости от того, что о нём при нём говорят. Но впрочем и в самом деле в нём есть какая-то тревожность и временами неподдельное вертлявое беспокойство.

РЫБАЧКИ И ЛАВОЧНИЦЫ.

Ай-ай-ай-ай! Ты гляди, какая страсть!

Ишь, до чего ж ведь неожиданная напасть!

ТРОЕ РЫБАКОВ.

Вот думаем, куда его,

Вот думаем, куда его,

Вот думаем, куда его покласть...

Укладывают Меннерса на лавку.

ВТОРОЙ РЫБАК. Насилу откачали его! Ничего... Поглядел немножко... Но - вот видите? - опять в беспамятстве...

ТРЕТИЙ РЫБАК. И даже не столько он захлебнулся, - а ведь больше-то испугался. Очень оробел перед океаном!

ПЕРВЫЙ РЫБАК. Я полагаю так, что открытый океан не есть бакалейная лавка. Понятно, к морю привычка нужна. Без привычки пропадёшь, и сам не заметишь.

ТРАКТИРЩИК. Влейте ему вина, да поскорее!

БУФЕТЧИЦА. Голову-то, голову-то - поддержите кто-нибудь!

ВСЕ (*выглядывая друг из-за друга, иные - залезая на стулья*).
Пьёт? Не пьёт... Пьёт! Не пьёт!.. (*И т.д.*)

ТРАКТИРЩИК. Глотнул. Открыл глазки. Ну-ну... Хе-хе...

ПЕРВЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ. Пьёт... Не пьёт больше.

ТРАКТИРЩИК. Находились в состоянии сна, а почти полкувшина - как не бывало! (*Буфетчице*). Запиши-ка на его счёт, Нэн. А то отрицать будет... когда проснётся...

МНОГИЕ (*наперебой*). Он протягивает руки! Ему нужен весь кувшин. Да заплатит он вам! Нищий он, что ли...

ТРАКТИРЩИК. Знали мы таких: купит во сне, а продаст наяву... Да ещё втридорога... Мы, быть может, и сами таковы, а потому верить в долг не обязаны!

МЕННЕРС. Я с це...

ВСЕ. Глотни!

МЕННЕРС. Я с це...

ВСЕ. Хлебни!

МЕННЕРС.

Я с цепи шлопку снял.

Но поскользнулся я...

ВСЕ. Глотни!

МЕННЕРС.

И в море я упал!

Златого детства дни!

Кто скажет: где они?

Не повторятся никогда

Те незабвенные года.

ВСЕ. Глотни! Хлебни! Глотни!

Входит Угольщик и садится в стороне.

МЕННЕРС.

Суровый шквал барашки гнал,

Ревел сердитый вал...

Напра...

ВСЕ. Глотни!

МЕННЕРС. ...сно я

ВСЕ. Хлебни!

МЕННЕРС.

...народ на помощь звал.
А, между прочим, на молу
Стоял матрос Лонгрэн.

ВСЕ. Лонгре-ен?!

МЕННЕРС.

Я ждал, что он меня спасёт
От грозных перемен.

ВСЕ. А он? Не спас?

МЕННЕРС.

Держи карман!
Ведь помню, как сейчас:
Кричу «прости», прошу спасти...

ВСЕ. А он? Не спас?

МЕННЕРС.

Не спас.
Драгого детства дни!
Увы, - пришли-ушли...
Ах, не вернутся никогда
Те незабвенные года!

ВСЕ. Утешься! Ляг! Вздремни!

ВДОВА МАРТА (с вязаньем, у огня).

А я не верю, что Лонгрэн
Так зол, жесток и груб!
Быть может, Меннерс, против вас
Лонгрэн имеет зуб?

МЕННЕРС.

Признаться, был когда-то грех;
Я лез к его-о-о жене.
Но разве должен я за то
Кормить акул на дне?
... И сплю я в море, там где дно, -
По мне течёт вода...
Подите, позовите-ка
Полицию сюда!
Святого детства дни!
Попробуй - их верни!.. (и т.д.)

Все, подхватив припев, ведут вокруг Меннерса хоровод.

ПЕРВЫЙ РЫБАК. А что! И правда: пойдём позовём полицию!

УГОЛЬЩИК (с места). Силён враг рода человеческого. Но угольщик - всё понимает!

МАРТА (Первому рыбаку). А причём тут полиция, дружок?

ПЕРВЫЙ РЫБАК. Как «при чём»? Или не видите: Меннерс-лавочник помешался?

ВТОРОЙ РЫБАК. Ведь его, можно сказать, полтора суток по волнам кидало...

ПЕРВЫЙ РЫБАК. А помешать ему помешаться мог только Лонгрен. Да не сделал он этого. Дело нечисто. Значит, полиция нужна. Пойдём, Нок.

УГОЛЬЩИК (*вставая*). Так, сошёл с ума, говорите? Пьян! Пьян ваш Меннерс, и не более того! Пьян, да и лжёт!

БУФЕТЧИЦА. Пьян сам, чёрный угольщик!

УГОЛЬЩИК.

Да и как ему не лгать?

Эк вы к нему пристали!

Не успели откатать -

Снова накачали!

БУФЕТЧИЦА. Поди, чёрный угольщик, умойся!

ТРАКТИРЩИК. А потом мы вас, возможно, выслушаем, а возможно, что и вытолкаем-с, дорогой сударь! Да, да. Смотря по расположению нашему!

УГОЛЬЩИК. ...А ведь рассудить, так, вы недостойны даже лизнуть языком колесо моей тележки! Но я предсказываю вам время, когда вы очень даже будете просить об этом! Да! «Голубчик чёрный угольщик, - скажете вы... (я не могу вам даже изобразить, какими противными голосами!) - голубчик чёрный угольщик, - то есть белоснежный ты наш (потому что и уголь твой - белоснежный!) Видишь ли... Мы хотим во что бы то ни стало... это... лизнуть то есть колесо!»

«Не поз-во-лю! - отвечу я вам тогда страшным голосом. - Не поз-во-лю! И не потому, что это страшное легкомыслие с вашей стороны, дамы и господа, а потому что непосвящённые вы!»

ПОСЕТИТЕЛИ (*наперебой*). Что? Как?! Что он сказал?! Смотри-ка ты, поговори ещё!..

БУФЕТЧИЦА. Я и говорю: пусть умоется.

УГОЛЬЩИК. Лонгрен? Он не похож на вас, а этим всё сказано. Э, да что и толковать-то с вами! Разве вы что-нибудь понимаете? Ведь вы же не моряки. И не угольщики! (*Махнув рукой, садится*).

ОДИНОКИЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС (*очень слабый и тонкий*). А... а... а если и правда лавочник был нетрезвый? Разве не у нас на глазах выпил Меннерс?

МАРТА (*продолжая вязать, певуче*). И разве не из наших рук?

УГОЛЬЩИК (*опять вставая*). Вот ему возьми, да и покажись, будто на молу стоял кто-то... Похожий на Лонгрена лицом и фигурой. (*Садится*).

МЕННЕРС.

Лон-гре-на видел на мо-лу
Мой сын, послушный мне.
Отец чуть-чуть не в норме, - да!
Но сын в своём уме-е!

(Пускаясь танцевать).

И пускай вдова говорит слова
И угольщик воду мутит:
Мой сын, мой Хин, мой Хин, мой сын
Что угодно за мной подтвердит.

ВСЕ *(кроме Угольщика, Марты и Человека с тонким голо-сом).* Драгого детства дни...

Допевая припев, водят вокруг Меннерса хоровод. Входит Рыбак с Полицейским.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ *(вглядываясь в хоровод).* Куда вы меня, к лешему, привели?

ВСЕ *(наперебой, бессвязно).* Меннерс утонул! Меннерса от-качали!.. Меннерс выпил... Заплакал... Сошёл с ума. Он очень несчастлив... И это всё Лонгрэн! Бог покарает его!..

ПОЛИЦЕЙСКИЙ *(записывая).* Что? Но Лонгрена ведь нет среди вас? Впрочем, всё на свете выясняется в участке. *(Трактирщику).* Вот, получите.

ТРАКТИРЩИК. Что это-с?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Вызов. Явиться тебе в участок. По делу об утоплении тобой моряка Лонгрена. А это - передать лавочни-ку Меннерсу, когда он будет здесь. *(Подозрительно качнувшись, но устояв).* Впрочем, Меннерсу не обязательно брать с собой лавочника. Свидетели будут выловлены, а тело приведено к присяге. Честь имею. Капрал Слаттон. *(Уходит, напевая).*

Сидит кошка на заборе,
Воробей клюёт зерно,
А инспектор контрабанду...
Тра-ра-рам, пиф-паф, гоп-гоп...

(Тяжко утанцовывает, лавируя между столами и небреж-но аккомпанируя себе из револьвера, который разряжает в потолок).

Иго-го, пум-пум, бах-бах,
Люли-люли, трах-тах-тах,
Лампы-дримцы, хрю-хрю-хрю,
Тпру! (А, чтоб вас!..) Фью-фью-фью.
Не стирай, капрал, портянки
И не вешай их сушить;

В это самое мгновенье
Тебя могут задушить.

(Входит Лонгрэн. Капрал, выходя, отдаёт ему честь. Трактир встречается Лонгрэна молчанием. Голос Капрала за сценой).

... Цнака-цнака, ням-ням-ням.
Пли! Ату их! Бам-бам-бам...

Топот его и ритмическая пальба затихают за свистом ветра.

ЛОНГРЕН. Налей, хозяин.

ТРАКТИРЩИК *(долго молча вытирает кружку).* Сколько же вам?

ЛОНГРЕН. Двести.

(Взяв кружку).

Ты долго думал, прежде чем налить.

ТРАКТИРЩИК.

Задумался... При виде вашей чести...

И есть о чём!

ЛОНГРЕН *(возвращая кружку).* Спасибо.

ТРАКТИРЩИК *(сухо).* Рад служить.

УГОЛЬЩИК *(в мёртвой тишине).* Здравствуй, Лонгрэн.

ЛОНГРЕН *(в мёртвой тишине).* Добрый вечер, Филипп.

УГОЛЬЩИК. Заметил ты, как тихо? И - безлюдно?

ЛОНГРЕН. Да. Человека нынче встретить трудно.

МАРТА *(не отрываясь от вязания).* Ну, зачем же так, Лонгрэн? Свет не без добрых людей. Надо только уметь уживаться с ними...

ЛОНГРЕН. А, и вы здесь? Ну, ладно, прощайте. *(Уходит, слегка лишь коснувшись своей матросской шапочки).*

БУФЕТЧИЦА. Деревенщина, а не моряк! Моряки - они обходительные...

ТРАКТИРЩИК. Не моряк! Как есть сухопутный островитянин! Потому часто - хе-хе... - сидит на мели!

УГОЛЬЩИК *(встаёт со всем шумом, скрипом, кряканьем, кряхтеньем, на какие только способен).*

Отчего кричат бараны? Отчего режут быки?

Это наш мясник на бойне изучает языки!

(Разведя руками, танцует перед всем трактиром: неуклюже, но экономно и с едкостью). ...Силён враг рода человеческого! Но Угольщик - всё понимает! *(Уходит, хлопнув дверью).*

Конец первой картины

Перед занавесом

Вбегают музыканты. Худые, плохо одетые. Циммер - скрипач, Дус - флейтист, Тьюлип - гитарист, трубач Руперт и Брукс - барабанищик. По их следам летят рваные галоши, помидоры и т.п. Музыканты заслоняются локтями, инструментами, болезненно прыгают через камни, бьющие по ногам. Затишье: останавливаются, запоздало сделав вид, что им всё нипочём.

ТЮЛИП (*перебирая струны*). А я и не думал бежать!

ДУС. Да ну? А мне показалось - ты весь превратился в пятки!
(*Изображает это на флейте*).

РУПЕРТ. Ну, разве не вероломство - бить музыкантов во время игры? Но будь я проклят, если буду помнить об этом дольше одной минуты... (*Играет на трубе*).

ЦИММЕР. Ах! В этом жалком городишке, в этой... Богом забытой зелёной луже - не понимают истинного искусства! (*Настраивает скрипку*).

Брукс, немой, сделав свирепое лицо, срывает гнев на барабанах.

ТЮЛИП (*поёт, тихо себе подыгрывая*).

На берегу сиротливом
Пахло вечерним приливом.
Близился волн сердитый накат.

ДУС. Струна дребезжит!.. Подтяни-ка повыше... (*Подыгрывает ему*).

Ветер принёс по утёсам

ТЮЛИП.

Маску с малиновым носом...

ВСЕ ВМЕСТЕ.

Где-то вдали шумел маскарад,
Где-то вдали шумел маскарад.

ТЮЛИП.

На маскарадные звуки
Шли, простирая к ним руки,
Два музыканта, -

ЦИММЕР.

Два скрипача...

ТЬЮЛИП.

Если гостям маскарада

ДУС И РУПЕРТ.

Сладкую музыку надо,

Вот она, скрипка, -

ЦИММЕР.

Здесь, у плеча...

Вот она скрипка,

Вот она скрипка,

ВСЕ.

Вот она скрипка, -

Здесь, у плеча!

ДУС. Удивительное явление природы этот наш Тююлип! Ведь плут и наглец, каких свет не видал! А запоёт, так, ей-богу: даже совсем ещё свежую низость простишь... «Пой, не умолкай» - хочется сказать ему словами старых поэм. Ибо время песни - единственное время, когда он не лжёт, а когда пальцы его на струнах, - они хоть не в чужих карманах.

ТЬЮЛИП. Заменя язык флейтой!

РУПЕРТ. Ребята, не надо ссориться!

ЦИММЕР. Дус! Дус! Ты - опять? - Потихше! Не спорьте и не мешайте разучивать...

ТЬЮЛИП.

... Так, мимо кромки прибора,

Шли горемычные двое

В тёмную ночь, на свет фонарей...

ВСЕ ВМЕСТЕ (*медленно уходя*).

Жизнь, улыбнись музыкантам!

Светом своим незакатным

Ты озари их, слава, скорей...

(*Издалека*).

Ты озари их,

Ты озари их,

Ты озари их, слава, скорей...

Занавес поднимается

Картина вторая

Слева небольшой дом с садом. Справа, за плетнём, изгиб дороги, оттенённый отдельным деревом. Вдали, в глубине - море. На скамье перед домом сидит Лонгрэн. Тихо досвистывая мотив музыкантов, словно они здесь только что проходили, мастерит игрушечный корабль. Из дома, таща корзину таких же игрушек, выходит Ассоль.

ЛОНГРЕН (*замечая Ассоль, начинает петь, работа при этом продолжается*).

Набивайте ванты, эй!

АССОЛЬ (*подхватывая песню*).

Набивайте ванты, эй!

ЛОНГРЕН.

Набивайте ванты, ребяга, веселей!

АССОЛЬ (*подойдя и рассматривая его работу*).

А как задуют муссоны, ра-ра-ра...

ЛОНГРЕН.

Сменятся, значит, сезоны, ра-ра-ра!

ВМЕСТЕ (*Ассоль поёт очень серьёзно, с большим воодушевлением, без тени дерзкой балованности или кокетства. Она должна петь для себя, а не на публику. И для Лонгрена, - может быть, вопросительно таращась на него, исполняя песню исто-во, как ритуал*).

Люди Флинта полезут на стены морей,

На лазурные стены морей...

ЛОНГРЕН.

Не страшен нам ни дьявол, ни дым пороховой...

АССОЛЬ.

Во какие ссадины у нас на руках!

ВМЕСТЕ.

Над нашим поведением качают головой

Приличные люди на всех материках.

АССОЛЬ.

Но ты, суперкарго-арго-арго, не смотри

Что в трюме-рюме-рюме...

ЛОНГРЕН (*подмигнув*).

... - запрягано внутри!

ВМЕСТЕ.

Не грузим мы золото, не грузим серебро,

А грузим только синее

Павлинье перо!

АССОЛЬ. Что у тебя? Это ты тоже дашь мне с собой?

ЛОНГРЕН. Это шлюп, Ассоль. Да, если хочешь.

АССОЛЬ. А это у него крюйс-марсель?

ЛОНГРЕН. Эй-нет! Это крюйс-брамсель, дочка. Ты видишь? Он выше...

АССОЛЬ. Гм... Ну, значит, я снова села на мель. Но не слишком ли долго мы тут выбираем шкоты? Если ты его закончил, то давай. (*Шлюп кладут в корзину*). Пойду, пожалуй. Ну, прощай, будь умницей. Смотри, веди себя хорошо!

ЛОНГРЕН. Да уж так и быть, постараюсь. Хотя трудновато бывает иной раз не пройти колесом и не... Стоп! Что-то сегодня мне не хочется отпускать тебя, Ассоль! Слушай, иди-ка ты в дом и запришь на ключ, вот что. (*Помолчав*). А я сам схожу в город и продам игрушки.

АССОЛЬ. Тебе же сеть починить надо, - ты говорил!..

ЛОНГРЕН. Гм... (*Раздумывает*).

АССОЛЬ. Нет, нет, - ты отпусти, а уж я не пропаду! Сегодня птиц много, а когда птицы, - ничего плохого не происходит. (*Входит, прислушиваясь, Марта с бельевой корзиной*).

ЛОНГРЕН. Крепко завинчено! Ну, птицы, так птицы! Лети с ними, соловей! Да, гляди, не наступай им на пятки. И зайди к Филиппу. Слышишь? За Филиппа-Угольщика держись!

МАРТА. Лонгрен!

АССОЛЬ. Ну, конечно, я захвачу с собой Филиппа. Ты за него не бойся. (*Уходит по дороге, напевая*).

Не грузим мы золото, не грузим серебро,
А грузим только синее павлинье перо...

Скрывается из виду.

МАРТА. Сосед Лонгрен! Боже правый! Вы отпустили её одну?!

ЛОНГРЕН (*заметив её*). Не беда. Дитя уже выросло и, видите ли, больше не нуждается в присмотре. Добрый день. Давно хочу спросить: а сколько я задолжал вам за услуги, соседка?

МАРТА. Ах, Лонгрен... Не для того я нянчила крошку Ассоль, чтобы под конец обобрать её до нитки...

ЛОНГРЕН. Знаю, что вы добры. Бог воздаст вам за это. Но и я не таков, чтобы оставить вас с носом. Этому не бывать!

МАРТА. Та-та-та-та-та! Нельзя быть таким сердитым!

ЛОНГРЕН. Разве я сказал что не так?

МАРТА. Вы всё сказали так, как надо. Но вы слишком хмурый и такой нелюдим! Ну куда это годится? С вами, Лонгрен, и так весь город не разговаривает.

ЛОНГРЕН. Вернее будет сказать, - весь посёлок.

МАРТА. Нет, уж позвольте всю правду: вас не любят! Ассоль по вашей, да, да, - по вашей вине растёт без подруг, друзей... Боже мой! Крошечное дитя, едва видимое от земли, распевает какие-то... какие-то дикие, хриплые, совершенно разбойничьи песни... Ой, нехорошо это всё! Ой, нехорошо!

ЛОНГРЕН. Разве у моей дочки голос хриплый, сударыня? Ну, нет, вы ошибаетесь: это голос чистый, будто у жаворонка или у какой лесной пташки малиновки! А песни - что ж... Это совсем не плохие матросские песни, сударыня, и сочиняли их в старину честные люди. *(Помолчав)*. В молодости я и сам их певал. И теперь иногда... пою...

МАРТА. Вы не так меня поняли, сосед. Дело ведь вовсе даже не в этом...

ЛОНГРЕН. Так в чём же?

МАРТА. О, Лонгрен... *(После паузы)*. Уж не прогневайтесь, но... Вы не умеете жить! *(Помолчав и не дождавшись ответа)*. Скажите, а правда ли, что Меннерс, когда тонул...

ЛОНГРЕН. Правда ли, что я его утопил? Это выдумка.

По дороге приближается молодой Нищий. Устраивается на траве, и, разложив вокруг себя - звездой - шапку, мешок, костыль, - прислоняется к плетню спиною. Из лонгренова двора его не видно.

НИЩИЙ. А ну-ка, послушаем: молчун знаменитый - что скажет?

ЛОНГРЕН. ... А что не стал выручать его, хоть и видел: ему, Меннерсу, крышка, - так и верно: не стал.

НИЩИЙ *(усмехаясь)*. Каждое слово молчуна - хлеб для бедного человека!

ЛОНГРЕН. ...Пришёл я, - как сейчас помню, - в тот вечер домой, и говорю моей девочке: «Чёрную игрушку сделал я, Ассоль!» *(После паузы)*. Но лучше сказать, так, просто не сделал белую.

МАРТА. О! Я вас очень хорошо понимаю! Конечно, и Меннерс - человек со странностями... Кажется... Кажется, он мечтал пригляднуться покойной Мери?

ЛОНГРЕН. Если бы только это! *(После молчания)*.

В дальнем плавании был я, соседка, в дальнем, да...*

А как раз в эту пору пришла в дом нужда.

А матросу положено плавать круглый срок...

Ничего я не знал. А и знал бы - доплыть не мог!

(Закуривая).

Потому - понимаете сами! - путь далёк...

* - Все выделенные строки не поются, а лишь проговариваются.

НИЩИЙ. Ну, это ещё не хлебные слова... Ты хлебное, хлебное говори!

ЛОНГРЕН.

Да и писем не слала мне Мери, моя жена:
Всё старалась, бедняга, судьбу побороть одна.

До того было туго - хоть жить на свете брось!

И... за помощью к Меннерсу ей пойти пришлось.

МАРТА. Для малютки Ассоли просить-то пошла небось?

НИЩИЙ. Чтоб «малютке Ассоли» за шиворот соли! До чего недоходный разговор, я говорю, затеяли! Подслушивать даже совестно! Говорите хлебное! Может, я этим живу...

Нищий, вмешиваясь в происходящее, музыкального времени не занимает, так как в это время за сценой слышен «мычаний» с закрытыми ртами - без слов - хор.

МАРТА. Что же - Меннерс?

ЛОНГРЕН.

А Меннерс давай нагонять туман:

За любовь, - говорит - я согласен открыть карман,

За любовь, - говорит - я готов растрясти кошель,

С перепугу бежать ей пришлось без плаща в метель...

Был апрель. Но зловередный, промозглый был апрель!

НИЩИЙ. Сам ты зловередный... Нет, правда, - получается из этого разговора, что ты хороший, а Меннерс вроде как дрянь. Когда вся округа давно уже наоборот решила! (*Сплюнув!*) И потом... я не за то хотел взять! А совсем за другое. Я за молчание хотел взять - вот что! Но об чём молчать, коли тайны нет, а кругом - только одна добродетель? Ну и аспид же этот Лонгрэн! Я, прямо, не ожидал!

ЛОНГРЕН.

Подобрали её рыбаки на дороге в Лисс:

Только зубы стучали, да руки у ней тряслись.

Всю пробредила ночь. А наутро она ушла

Далеко-далеко от людского добра и зла...

НИЩИЙ. Всё равно нехорошо из-за мёртвого тела живого человека топить.

ЛОНГРЕН.

Говорят, помешался Меннерс, когда тонул.

Да не я в ту бурю в пучину его столкнул,

Эх, не я ему мстил за несчастный моряцкий дом,

Это море судило его своим судом.

Это море судило его своим судом,

Чтобы небу далёкому всё рассказать о том.

МАРТА. Ах, Лонгрэн, я так вам сочувствую! Но я человек

прямой и скажу честно: не люблю, когда топят людей, умеющих жить.. А Меннерс, что ни говорите, практический человек: торгует себе потихонечку, и покупатели им довольны. *(Не дожидаясь ответа)*. Ну нельзя быть таким, сосед! Ведь все мы живём на людях... и надо прощать им их маленькие недостатки! Ну, будьте же веселей! Довольно вам хмуриться! Живому бы и думать вам о живом! А ведь вы, - признайтесь! - вы всё ещё любите Мери?

ЛОНГРЕН. Ну, про это мы толковать не будем. *(Хочет закрыть перед ней калитку)*.

МАРТА *(не заметив этого, приближается)*.

О, не горюй, не печалься!
Не склоняйся к руке головою;
Раны сердца, поверь, заживают,
Рвы земли зарастают травой!
Всё пройдёт...

НИЩИЙ *(вскочив и хлопнув себя по лбу)*.

Я уж бегал глядеть! Заросли уж!
Заросли уж, клянусь головою!
Всё пройдёт!..

МАРТА.

Хороша была Мери,
Как при месяце сад шелестящий,
Но ушла, так как жить не умела,
Стала ангелом, тенью скользящей.

НИЩИЙ.

Стала тенью, зря воду мутящей,
Стала - тень на плетень наводящей!

МАРТА. Всё пройдёт!

НИЩИЙ *(из-за плетня, вновь подключаясь)*. Всё пройдёт!

Спускается в небольшую крапивную впадину, где, заслонённый плетнём и тёмным большим деревом, танцует. «Песню Марты» Нищий дружески разоблачает мимикой и телодвижениями, гримасничает, кривляется, подбрасывает и ловит костыль...

МАРТА.

Ты суровостью многих пугаешь,
Но друзей ты, печалясь, печалишь.
Оглянись! Не увидишь ли пару
Глаз, готовых глядеть на тебя лишь?
Всё пройдёт!

НИЩИЙ *(в сторону Марты)*.

Дура, корова такая ж!
Что ж ты ручки-то в ход не пускаешь?

Ты, гляди, зазеваешься вовсе,
А тогда мимо рта моего всё
Всё пройдёт! -
И кусок пирога, да,
Что на свадьбе у этого гада
Съел бы я, покутил бы на славу,
И с собой прихватил бы по праву
Твой сундук...

МАРТА.

...Или рук
Не найдётся на свете
Для тебя лишь трудиться готовых!
Чтобы пламень играл вечерами
В очаге на поленьях дубовых?

НИЩИЙ (*в сторону Лонгрена, с возмущённым жестом*).

Так почто ж ради дохлых и хворых
Гонишь в шею живых и здоровых?!

ЛОНГРЕН (*ещё более - в пространство*).

Песен не петь. Не хмурить
Важно при этом брови,
Слово своё не вставить
В речь моряков о море, -
Реи не смей брасопить!
Дело морское бросить!

Не для того ли эти
Встретил моряк потери,
Чтобы, забыв о море,
Так же забыть о Мери?
Разве земля и воды
Вместе так мало стоят?

Мери моя!
Священно для меня
Кресло твоё
В каморке у огня.
Мери моя!
Спокойна будь в раю:
Я не забуду
Мери мою!

Неуловимым движением выставляет Марту и уходит в дом. В это время Нищий, успевший и закусить и соснуть под плетнём, просыпается от собственного, неожиданно грянувшего храпа.

НИЩИЙ (*вскочив*). Где? Чего?.. А что? - ведь они оба вдовые.

Особенно она... (*Подглядывает в щёлочку*). Но когда же у них там дело сладится? Даже уже скучно стало. Тьфу, аспид какой! Н-да... Когда я сказал про него «аспид», то как в водку глядел!

На дорожку, навстречу Нищему, закрыв лицо фартуком, выходит Марта.

МАРТА. Ах, какой стыд! А я-то думала, что могу ещё нравиться...

НИЩИЙ (*подскакивает к ней*). Можешь!

МАРТА. Ах! (*Убегает*).

НИЩИЙ (*оставшись один*). Дела! (*Зевнув, зовёт*). Лонгрен!
А, Лонгрен!

ЛОНГРЕН (*выходя из дома*). Чего тебе?

НИЩИЙ.

Хозяин!

Летом и зимой

Брожу я

По миру с сумой,

И от того, что нищета плетётся сзади,

Прошу: подайте мне, скитальцу, Христа ради!

(Лонгрен с готовностью засовывает руку в карман, но застывает в изумлении при дальнейших словах Нищего).

Для пропитанья и житья -

Подай мне два твоих ружья.

Напоминаю: два ружья

Оба.

Подай в плетёнке мне вина,

И (оттого, что жизнь одна) -

К нему должна быть ветчина, -

Много!

(Вдали - незримый хор нищих, подхватывающих последние слова всех куплетов. Например: «Много, много, много, много»).

Исполни бедный мой каприз:

Преподнеси ты мне, как приз,

Твой кошелек зелёный из

Плимуга,

А в кошельковой глубине

Пусть будут деньги для mine:

Сейчас без денег как-то не

Принято!

(Вдали хор: «Принято, принято, принято...»).

Сюда пришёл я неспроста,
А чтоб хорошего холста
Заполучить себе, Христа
Ради.

(Вдали: «Ради, ради, ради, ради...»).

С фасаду справно я одет,
Но если сильно светит свет,
То никакого виду нет
Сзади.

Повёртывается перед Лонгреном.

ЛОНГРЕН. О чём ты говоришь, нищий?

НИЩИЙ. Ни об чём я не говорю, но я всё слышал. Вот тут, у плетня и сидел всё время. Тоже - не запретишь человеку сидеть, где он хочет. Неужто для тебя это ещё спорный вопрос? Так, вынеси же мне, что я перечислил, и всё останется между нами.

ЛОНГРЕН. Что «между нами»-то, путешественник?

НИЩИЙ. Ещё ругается!

Ружья, тогда уж ладно, ладно,
Не давай (давай, давай).
Ружья, тогда уж, ладно, не давай;
Гони с деньгою кошелёк,
Жратвой наполненный кулёк,
И чарку пополнее наливай!

(Отступает).

Ружьё другое (ладно, ладно!) не давай (давай, давай)
(На бочки с порохом должна быть экономия).
Гони с деньгою кошелёк,
Жратвой наполненный кулёк,
И чарку пополнее наливай!

(Отступает ещё дальше).

Жратвы тогда уж ладно, ладно, не давай, (давай, давай).
И без того моя крутла физиономия,
Гони с деньгою кошелёк,
Почти пустой гони кулёк,
И до серёдки чарку наливай!

Деньгу тогда уж, ладно, ладно, не давай (давай, давай),
Деньгу тогда уж, ладно, не давай-давай,
Гони без денег кошелёк,
Пустым-пустой гони кулёк,
И попустее чарку...

(Отбежав, прислонясь к плетню, и свирепея под любопытным взгля-

дом Лонгрена). Ну! Чего не видал?! Ведь коли на то пошло, она честная дама! А ты её сманил да бросил, посягнув на её невинность! И даже ничего не хочешь дать за молчание!

ЛОНГРЕН. Слушай, ступай-ка отсюда, не то... Стыдно тебе - с такой здоровенной шеей - лгать и попрошайничать!

НИЩИЙ (*взвизгнув*). И табаку не дашь?! Ну, ладно... (*Отбежав*). Ты! Одинокий! Помешанный! Одичал тут со своей питалицей-то ненаглядной! Людского в тебе уже ничего не осталось! Утопил Меннерса? Утопил! Сманил вдову Марту? Сманил, ничего не скажешь! А жениться на ней теперь кто будет? Я? Я, да? Не верил я, когда все говорили, что ты нелюдим! Речь уже забыл человеческую! Господи! Жи-вуть! - ни одеть, ни обувь, ни прохожему человеку подать! Мне куш был бы на свадьбе, а он и свадьбу расстроил, - отшельник, нечистая сила! И хоть мне не привыкать к таким подлюстям, но где лёгкое возмещение? Убытки одни!.. Что ж... Побегу-ка я в город, и пусть весь город узнает про твои дела. Не хотел, чтоб я молчал за грош несчастный, так я на фунт наговорю!.. Поди дороже обойдётся, мужлан неотёсанный!

На крик Нищего, уже к середине его речей, собираются зеваки. Продолжая кричать, Нищий убегает, и одна половина зевак устремляется за ним, другая остаётся. Лонгрэн спокойно уходит в дом. Один из зевак бросает ему вслед камень. Наклоняются за камнями и прочие зевачи. Лонгрэн выходит с ружьём и разряжает его в воздух. Зеваки разбегаются. Отбросив ружьё, Лонгрэн долго стоит молча и опустив голову.

Конец второй картины

Перед занавесом

Снова входят музыканты. У Брукса забинтована голова. У Дуса рука на перевязи. У Тьюлипа завязан глаз. Циммер хромает. Руперт на ходу зашивает рукав. Поют с закрытыми ртами, как если бы и не кончали петь с тех пор, как мы их видели.

ТЬЮЛИП.

...Если ж гостям маскарада...

РУПЕРТ.

Сладкую музыку надо....

ДУС.

Вот она, скрипка, вот она, скрипка,

ЦИММЕР.

Вот она, скрипка, здесь, у плеча...

РУПЕРТ. А здорово ты его отделал, Дус! Толстого, который плеснул в тебя пивом.

ДУС. Разумеется, он не ожидал ничего подобного от бедного незаметного флейгиста.

ЦИММЕР. О, музыка! Сколь высока ты и сколь попираема!

Брукс бьёт в барабан.

ДУС. Музыка нехороша тем, что музыканту в драке приходится жалеть пальцы. Тем самым позволяешь другим наглицать. Пальцы-то бережёшь, а теряешь зато в пылкости и непримиримости...

ЦИММЕР. ...Которые не меньше, чем пальцы, нужны человеку искусства. Да, выбор, мой друг, не широк! Либо играй ты без пальцев, если можешь, либо они целы, но ты сохранил их путём унижения. А это скажется на твоей игре, друг мой! Инструмент будет петь, как та дудка, что выросла на могиле тайно убитого младенца. «Меня здесь убили!» «Меня здесь убили!» ...Ты прав! Выхода нет.

ДУС. Выход есть! Можно, скажу я вам без утайки, не потерять в бою ни пальцев, ни бессмертной души. А поступиться лишь музыкальным инструментом. Правда, он бьёт не больно...

РУПЕРТ. ...Зато звучно. Сразу слышно, кто оглушил и кого... Кто? Человек искусства, возвышенный и непримиримый...

ДУС. Кого? Низкого подлеца и негодяя! Ибо ежели бедный музыкант жертвует любимейшим и последнейшим (скрипкой,

барабаном или гитарой), то, значит, его до этого довели. А ты что молчишь, Тьюлип?

ТЮЛИП (*перебирая струны*). Я не молчу, я сочиняю.

ЦИММЕР. Увы, увь! Всю жизнь пыгаюсь я соединить эти вот рваные панталоны с независимостью характера. И что же? За шестьдесят лет химических опытов - ни одной удачи! Боюсь, дети мои, придётся нам уходить из этих краёв...

ДУС. Уйти? В самую ярмарку?! Ведь на ней будут не только здешние дураки, но съедутся также из других городов!

РУПЕРТ. Утешил.

ДУС. Из других городов съедутся то есть умные люди. Читай, бить не будут. Гнать будут значительно меньше. Иногда... Иногда будут платить!

ТЮЛИП (*внезапно прижав струны*). Хоть поедим...

ЦИММЕР. Гм... «Поедим»? А знаете что? Вы, пожалуй, меня убедили! «Поедим»... Хорошо, в некотором роде, сказано, канальство! (*Записывает на завалившуюся бумажку*). «По-е-дим»... И какое красивое, какое звучное слово! - «По-е-дим»!

РУПЕРТ (*продолжая зашивание*).

Чтобы успеха добиться,

Надо слегка прифрантиться,

ТЮЛИП.

Шляпу начистить,

ЦИММЕР.

Фрак залагать...

ВСЕ ВМЕСТЕ.

У музыкантов, однако,

Не было шляпы и фрака...

ТЮЛИП.

Это фортуна шутит опять!

ВСЕ (*медленно уходя*).

Это фортуна, это фортуна,

Это фортуна шутит опять...

Занавес поднимается

Картина третья

Ярмарочная площадь. Столы под тентами и на открытых местах. Вдали карусели. За ними дымка моря. Со стороны моря сквозь толпу пробиваются музыканты. Поясок на них меньше. Вид весёлый. Гордо, с выражением беспечного процветания, оглаживают на себе лохмотья. На переднем плане два стола. За одним - мясник Хопс, лавочник с женой, рыбак с женой. С правой стороны стол пустует. Музыканты робко, готовясь играть, занимают за ним места. Много народа - местного и приезжего.

ПРИЕЗЖИЙ (*другому*). Обрати внимание, - но только незаметно, на этого музыканта.

Пиджак его умер. Жива лишь петлица.

И та - чтобы мог в ней цветок примоститься!

ДРУГОЙ ПРИЕЗЖИЙ. Да! Да! Вижу... Бедняга!

ДУС (*к своим*). Выше голову, ребята!

ХОПС (*косясь*). Никак снова пикивать пришли! Эти, и-с-флейтой!

ЛАВОЧНИК. И ведь ничем не проймёшь их...

ХОПС. Пронять нельзя, унять можно. У меня ведь не распоёшься...

ЛАВОЧНИК. Однако сейчас нет такой обстановки, чтобы их побить.

ВТОРОЙ ЛАВОЧНИК (*подходя и садясь*). А я придумал! Их перепеть надо!

ХОПС. Что ж... Вот как затянут своё, тогда и мы своё грохнем.

ВСЕ. Грохнем! Грохнем!..

ЛАВОЧНИЦА. Туда же - «со свиным рылом - и в калашный ряд!»! Пискуны тонконогие...

ДУС. Христиан Циммер, не обращай на них внимания!

ХОПС. А новость не слышали?

ВСЁ ЕГО СТОЛ. Нет! Нет! А что? Какую?

ХОПС. Пришёл, говорят, в наши края странный такой странник. Худой, как бы сто лет не евши. И ничего ему не надо - вот что самое страшное! Только песен послушать. Волоса длинные, тоскливые, на плеча висят... И тетрадку держит перед собой. Это - чтобы, значит, записывать, если песня покажется хороша. А глянет - так и пронзит тебя до пяток! Как думаете: к добру или к худу?

РЫБАК. Ты у нас умный, Хопс, - тебе видней.

ЛАВОЧНИЦА. Ежели с усами, то к добру, а с бородой - то к худу.

РЫБАЧКА. А если бритый?

ЛАВОЧНИЦА. А если бритый, то, может, шпион знаменитый!

РУПЕРТ. Подтяни струну... Выше! Ещё выше! Нет, теперь ниже...

ТЮЛИП (*со вздохом*). Сам знаю. А канальски пахнет жареным мясом, ребята? А?

Брукс бьёт в барабан.

ЦИММЕР. Тише, Брукс... А мой нос говорит, что это рыба... С луком и с перцем... Свежая рыба, друзья!

ДУС. Тише, Брукс! Нюхать подано.

ЛАВОЧНИЦА. Так что же - песенник этот? Может, он вовсе и не колдун?

ХОПС. Как «не колдун»?! Тетрадку достанет, а записывать не станет. Сколько ему ни пой... Не так, говорит, вы поёте, как песок на берегу или как ветер в морской раковине... Так как же - «не колдун»? Тьфу, говорит, у вас, а не песни... Волшебник это, клянусь поросёнком! Колдун то есть - самый, что ни на есть доподлинный!

РУПЕРТ. Начнём?

ТЮЛИП.

При них?! Гм... Нет и нет!

А то... Как бы опять бока нам не намяли...

ДУС.

Ну, что я говорил?! Видали?!

И это называется - поэт!

Тряхнув головой, Тюлип ударяет по струнам.

ЛАВОЧНИК. И где же он теперь, этот длинноволосый?

ХОПС. Как ветром дуло! Откуда пришёл и куда ушёл - никто не знает... Так, как же «не колдун»? (*Вскочив*). Эй-эй-эй-эй! Они поют, играют! Заткнёмте-ка им рот!

РЫБАК. Нет! Хуже всего - это драться! Сядь-ка на место, Хопс, и не дури! Приезжих от нашей ярмарки не отпугивай!

Вокруг музыкантов собираются слушатели.

ДУС. Пой, пой, Тюлип! Не бойся! Мы поддержим!

ТЮЛИП. А я и не боюсь... Вот ещё! Какую?

ХОПС. Гляди! Их слушают! Народ собрался!

ЦИММЕР. «Рыцаря Торвальда», мой друг!

ДУС И РУПЕРТ. «Рыцаря Торвальда»!

Брукс выбивает эти же слова - ритмом - на барабане.

ТЮЛИП.

Когда к Торвальду, бойцу и скальду,
Пришла беда - напасть, беда и напасть,
Бойцу и скальду - пришлось Торвальду
На поле битвы пасть, на поле битвы пасть.
А сердце у скальда совсем не сталь,
И рука у скальда вовсе не сталь...

ЛАВОЧНИЦА (*толкнув мужа в бок*). Вспомни-ка на скорую
руку чего из наших попевок! Чтобы их перешибить...

ТЮЛИП.

Но лишь пробил его смертный час, час последний,
У недруга пощады просить он не стал.

ВСЕ МУЗЫКАНТЫ (*вместе*).

Но лишь пробил его смертный час, час последний,
У недруга пощады просить он не стал...

СТОЛ ЛАВОЧНИКОВ (*вразброд*). Пой, Хопс, пой, Хопс!
Уже встал, значит пой!

ХОПС (*стоя*). Сейчас... Вот вспомню слова... (*Треснув о стол
кулаком*). З-забыл, скотина! (*Садится*).

ЛАВОЧНИЦА (*снова толкнув мужа локтем*). Ну, что же ты,
пень! Пой нашу, им впоперёк!

ЛАВОЧНИК. Сейчас... Да не толкайся ты, шельма!.. Всю
память отшибла!

РЫБАК. Зачем человеку память, если ему и вспомнить нечего?!

ТЮЛИП.

Как жар, горел закат, и вот наступили
Окованной ногою Торвальду на грудь,

ВСЕ МУЗЫКАНТЫ.

Скажи, учтивый рыцарь, последний твой завет,
Чтоб доблестная воля сбылась когда-нибудь!

ТЮЛИП.

Передайте бойцам, моим собратьям,
Что без страха я принял конец,

ВСЕ МУЗЫКАНТЫ.

А добрым трубадурам, певцам передайте:
Пусть живут, как должен всегда жить певец!
А добрым трубадурам-певцам передайте:
Пусть живут, как должен...

ХОПС (*опять встав*). Вспомнил! Вспомнил!

У соседа-дармоеда (еда-да, еда-да, да, да, да)
Удивительный кабан:

Пятачком копнул, каналья,

СТОЛ ЛАВОЧНИКОВ.

...наля-на, -наля-на, на, на, на,

ХОПС.

Вырыл денег целый жбан!

ДВОЕ СЛУШАТЕЛЕЙ (*из толпы*). Эй, вы, чего надо? Пусть поют музыканты! Дайте послушать, в самом деле!..

ДВОЕ ДРУГИХ. Нет! Пусть поёт Хопс, наш мясник! У него лучше получается!

РЫБАК. Не лучше, Хопс, нет, не лучше!

ТЬЮЛИП.

Когда к Торвальду, бойцу и скальду...

ХОПС.

Шут солдата обманул -

(обманул, манул, манул, нул, нул, нул).

Ему голову пригнул,

СТОЛ ЛАВОЧНИКОВ.

Для потехи, - вот так смехи (мехи-ме, ме, ме)

В бочку с дёгтем окунул!

ПЕРВЫЙ МЕСТНЫЙ СЛУШАТЕЛЬ. Эй, лавочники, заткнитесь: не мешайте слушать музыкантов!

ВТОРОЙ МЕСТНЫЙ СЛУШАТЕЛЬ. Эй, музыканты, не довольно ли тянуть kota за хвост? Не мешайте слушать лавочников!

ПРИЕЗЖИЙ. Но музыканты первые начали! Зачем было им мешать?

ВТОРОЙ МЕСТНЫЙ СЛУШАТЕЛЬ. А ты, между прочим, кто такой будешь? Я тебя что-то раньше здесь не видал?

МОЛОДОЙ РЫБАК. Вы, вы, без рук! (*Пытается их разнять*).

ДУС И РУПЕРТ. Пой же, Тююлип. Ты, Тююлип, на это не смотри! Пой!

ЦИММЕР. Смелей, мой мальчик!

ЛАВОЧНИК. Не подкачай, Хопс!

ТРОЕ ИЗ ТОЛПЫ (*к музыкантам*). Играйте, играйте!

ХОПС (*к своим*). Снова слова забыл!

ЛАВОЧНИЦА. Тогда кружками, хоть кружками стучите! (*Лавочники стучат кружками*).

МУЗЫКАНТЫ (*среди нещадной кутерьмы*).

А сердце у скальда совсем не сталь.

И рука у скальда вовсе не сталь,

Но лишь пробил его смертный час, час последний,

У недруга пощады просить он не стал...

ЛАВОЧНИЦА (*дав мужу привычного тумака*). Вспоминай скорей! Чурбан! А то придём домой - уж ты у меня запоёшь! (*Сама, пронзительно*).

Ничего не остаётся,

Если сварить петуха - (ха, ха, ха, ха)!

МУЗЫКАНТЫ.

...Но лишь пробил его смертный час, час последний,
У недруга пощады просить он не стал...

СТОЛ ЛАВОЧНИКОВ.

...Ножки, крылышки, мордашка (дашка-шка, дашка-шка)!
Остальное - потроха!

ХОПС. (*встав, засучив рукава и надвигаясь на музыкантов*).

У акулы глаз открытый - (глаз-открытый-глаз-открытый-глаз),

ВСЁ ЕГО СТОЛ (*радостно*).

А у камбалы - косою (сой, сой, сой, сой)!

ХОПС.

Дай мне папины штгблеты (папины-ны, ны, ны, ны)!

ВСЁ ЕГО СТОЛ.

Не пойду же я босой!

Руперт трубит наступление. Брукс бьёт в барабан и становится впереди. Дус делает знамя из палки и старого пиджака. Циммер замыкает шествие, взяв скрипку подмышку и маршируя на месте.

МУЗЫКАНТЫ.

...Передайте бойцам, моим собратьям,

Что без страха я принял конец!

Оба отряда схватываются - с песней и улыбкой на устах.

Музыканты, сколько могут, заслоняют Циммера.

ТОЛПА. Разнимите их! Правильно! Бей, Хопс! Флейта и скрипка, мы за вас! Лавочник Лалли, не отставай! Нет, что творится!.. Христиан Циммер, вы уже немолоды... для таких пассажей...

ТЮЛИП. Эй! Перепоручи его Бруксу...

ЦИММЕР. Нет, нет! Пустите меня вперёд! Пустите меня, так сказать вперёд! Я им покажу! За мной! За музыку, ребята! За большую музыку! Вот тебе, гадина! Вот же тебе, гадюка! Это тебе за Гайдна! А это тебе, так сказать, за Глюка! Я стар, да, но я вам, в некотором роде, всю физиономию...

Падает. Музыканты поднимают его, ухитряясь в то же время драться, играть и петь. Драка, шедшая сперва в ритме песни лавочников, переходит на ритм «Песни Торвальда», из простой драки превращаясь в драку-танец, в котором лавочники, не теряя свирепого выражения лица, начинают делать против воли почти изящные и возвышенные жесты. Но затем «Песня Лавочников» снова звучит грозно, а «Песня Торвальда» почти стихает. Вбегают Эгль.

ЭГЛЬ (*подняв руку*). Кто пел? Кто играл? Или я брежу, или я слышал здесь настоящую музыку!

ГОРОЖАНИН. А кто пел, дяденька, без сержанта полиции теперь не разобрать...

Эгля оттесняет и поглощает дерущаяся толпа. Никто, кроме Горожанина, не успевает его заметить. Вбегает Нищий.

НИЩИЙ. Эй, вы! Пусяками вы тут занимаетесь! Бросьте-ка их пока и послушайте человека знающего! Да отцепитесь вы друг от друга, - или на завтра переложить нельзя? Стойте! Моя новость будет почище вашего!

Все останавливаются. Музыканты, пользуясь заминкой, отступают, заслоня Циммера. Дус, уходя последним и пятась, играет на флейте.

ТОЛПА. Ну, что ещё? Зачем? Что такое?

ПРИЕЗЖИЕ. Ну и нравы! Вот вам Каперна и её обитатели! Ноги моей больше здесь не будет! И моей ноги! И моей! И моей...

Презрительно фыркая, расходятся, подобрав свои сумки и плащи.

НИЩИЙ (*к оставшимся*). А про Лонгрена слышали? Про Лонгрена-то? Обманул ведь, шельма, вдову Марту! Обманул да и бросил!

ВСЕ. О-ох! Да что ты?

НИЩИЙ. Сам видел, как бросил. Она плачет, слёзы льются! Народ смотрит - все смеются.

ВСЕ. А-ах!

НИЩИЙ. И вот, значит, она плачет, - «утоплюсь», - говорит, «утоплюсь ведь»!

ВСЕ СРАЗУ. Да что ты? Да не может быть того! О, бедная Марта! Мало ему, что Меннерса утопил, прельститель окаянный! Выцарапать гляделки-то - вот женский совет! Что царапать по мелочам? - кольев-то натесать! Натесать по-мужски, натесать по-человечески, с горькою-натесать-улыбкой... Дверь ему разнесём, если выходить откажется!..

РЫБАК (*кладя руку на плечо Хопсу*). Не откажется, Хопс. Не откажется он выходить. И не стоит тесать, Хопс, колья... Да. Вот что я тебе скажу.

ГОЛОСА ИЗ ТОЛПЫ. А что их тесать? Вот они - колья! Становись на раздачу! (*Разбирают на колья ярмарочные палатки*). Кол тебе, кол - тебе, кол - тебе...

За сценой раздаётся приближающийся и поющий голос Ассоль. Разбор кольев продолжается под её пение.

ГОЛОС АССОЛЬ.

С канатами, дрожащими как струны,
В порту стояли кукольные шхуны;
Покачивали мачтами устало, -
Их буря в океане укачала..

ХОПС (*как раздатчик кольев*). Кол тебе, кол - тебе... (*Бегло*). Колтебе, колтебе, колтебе...

ГОЛОС АССОЛЬ (*всё ближе*).

Подплыли к ним четыре бригантины.
Их снасти были тоньше паутины.
Четыре корабля - четыре трюма,
И в первом трюме добрый фунт изюма...

ХОПС. Кол тебе... Кол тебе... Колтебе-колтебе-колтебе...

Входит Ассоль с корзиной игрушек.

АССОЛЬ.

А в тёмной глубине другого трюма
Сидела в клетке маленькая пума,
А в третьем...

Останавливается, удивлённая.

РАЗНЫЕ ГОЛОСА В ТОЛПЕ. Стойте! Его наследница идёт! Так и ешь! Наследница! Его дырявых башмаков и драной блузы. (*Смех*). Бог упаси - разорится он! Ведь пустит девчонку по миру с деревянной ложкой!... (*Смех*).

АССОЛЬ. Вот - корветы, фрегаты, бриги, галионы и другие корабли! Вот корветы, фрегаты, бриги, галионы... (*увидев над собой нависшие колья, ставит наземь корзину и слегка отступает*) ...и другие корабли...

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Эй, дочь висельника, Ассоль! Ярмарка не для голодранцев!

НИЩИЙ. А ну, покажи мне отцовы бирюльки... Надо проверить прочность товара...

АССОЛЬ. Пожалуйста, сударь! Но... так не играют! Нельзя его трясти!

НИЩИЙ. Гм... А где у него, спрашивается, паровой двигатель?

АССОЛЬ. Сударь, какой паровой двигатель? Отец мой ходил всегда на парусниках... Ох, что вы делаете? Этак же вы их всех разломаете! Отдайте! Нельзя его бросать!

НИЩИЙ. Пар парусам не помеха... Говорил я, что он не моряк? И как в водку глядел... Этакой рухляди наготовили, ведь не на что посмотреть!

АССОЛЬ. Отдайте! Отдайте... Это мои корабли!

НИЩИЙ (*рассеянно на неё глянув*). Твой?... Фьють! Вот! Будьте, дамы и господа, свидетелями! Видали, какое очковтира-тельство? И это называется «товар»! Фьють. Следующий фокус-мокус. Фьють! Але-гоп! (*Берёт всё ту же игрушку и, наконец, не без усилия, разбивает её*). Проба!

АССОЛЬ. Нельзя! Нельзя! Как... как ты смеешь? Ох! Что мне делать? Отдай! (*Плачет в голос, упав на корабли и заслоняя их собой*).

РЫБАК (*с жестом, к толпе*). Не дело, Хопс!

ХОПС (*из задних рядов*). Отвяжешься ли ты от меня, смола баркасная?

Громкий плач Ассоль переходит в рыдание. Нищий тянется оттащить её от корзины с игрушками. Рыбак делает резкое движение к Нищему. Быстро входит Эгль.

ЭГЛЬ. ... Могу поклясться, они были здесь! Я так явственно слышал скрипку! (*Останавливается*). Ба! Но здесь... кажется, уже какая-то другая музыка? Эй, что тут такое?

ХОПС (*протиснувшись вперёд, дико, указывая на Эгля*). Вот он! Вот он! Тот колдун! Да колдун же, вам говорят! Открещивайтесь, дурни! «Да воскреснет Бог и да расточатся врази его!» Сгинь! Сгинь! Сгинь! Изыди, нечистая сила!

Все отступают, пятась и опрокидывая столы, и с криком «колдун!» - разбегаются. Кто-то в суматохе пинает и перевёртывает корзину игрушек. Сцена пустеет. На ней остаются только Эгль и Ассоль.

ЭГЛЬ. Вот так штука! Игрушечное кораблекрушение! Маленькая плачущая девочка... И колдун - то есть я. Правда, я узнал об этом только сейчас, - но, тем более, не будем терять времени! Вижу и чувствую: нигде и никогда срочные «колдовские» меры ещё не были так необходимы! Ну да... Она уходит... И она разобьётся о первую чёрную стену... Из тех, что на каждом шагу встречаются на пути её... Или... нет: она вырастет... И страшное маленькое кораблекрушение вырастет вместе с ней! Надо спешить, Эгль, старина! Нельзя злой судьбе позволять такого злобного дурака валять! Ну-ка, скорей, мои воображаемые, но верные чары: Эмшило, Чемпило, Гоп! (*Подбирает и прячет за спиной уцелевшую игрушечную яхту с альми парусами*). Послушай-ка! (*Ассоль, вздрогнув, останавливается*). Как звать тебя, дитя?

АССОЛЬ. Ассоль.

ЭГЛЬ. Ассоль? (*Молчание*).

Подойти ко мне: я в твоих глазах

Вижу капли слёз...

В мире много зла. Но не надо всё

Принимать всерьёз:

Ты не верь земле, чёрствой и сухой, -
Верь волне морей!
Пусть она скользит, дразнит и грозит, -
Больше правды в ней!
...Пробегут года быстрой чередой,
Как в ручье вода...
Видишь, тот обрыв и простор морской?
Посмотри туда!
Там, в дали морской, ты увидишь блеск
Алых парусов...

(Вдруг показывает ей и высоко поднимает яхту-игрушку).

С берегов крутых (ровно в пять часов)
Ты завидишь их.
Это будет бриг из далёких стран,
Из других широт...
Ровно в пять часов от его бортов
Шлопка отойдёт.
И прекрасный принц, сказочный герой,
(Наречённый твой),
Весел и умён, строен и высок, -
Ступит на песок!
(...Слушай! Он затем только приплывёт,
Чтоб тебя спасти.
Если он тебя сразу не найдёт, -
Ты его прости!)
Ступит на песок, - радость на лице
Сильная, как боль, -
Скажет «Добрый день!» - спросит он: «А где
Тут живёт Ассоль?»
Не грусти, не плачь! Ясных глаз не прячь,
Слёзы с них сотри!
Верь моим словам: чаще по утрам
На море смотри!
Верь волне морей! Верь судьбе своей:
Час наступит твой!
Ты увидишь блеск алых парусов, -
Это за тобой!

По совершенно пустынной, хранящей следы сражения, ярмарочной площадке Эгль уводит Ассоль за руку. Ассоль снизу заглядывает ему в лицо. Оба медленно уходят туда, где море и карусели.

Конец первого действия

1973 год.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

На занавесе слова: «Прошло десять лет».

Площадка, замкнутая скалами. За ними мелькает море. Бурный закат. Бег рваных туч. На песке, без памяти, лежит Грэй. Возле хлопочет матрос Летика.

ЛЕТИКА. Капитан! Капитан Грэй!.. Силы небесные! - он жив...

ГРЭЙ (*приподнявшись*). ... Эй, на «Эспаньоле»! Скорее! Скорей! (*Снова забывается*).

ЛЕТИКА. ... Беспамятство это повторилось или теперь заснул? Боже, спаси нас от зла! Эк ведь его ударило!.. (*Влезает на скалу и вглядывается вдаль*). Имеем честь наблюдать рыбацкий посёлок! Так... (*Спрыгнув с выступа*). Надо звать на помощь. Бежим, Летика, в направлении домов и дыма... (*Вдали выстрелы*). Фью-у! Гуляет боцман со своими молодцами! (*Оттаскивает Грэя за плечи в укрытие скал*). Ладно, здесь они его не найдут! (*Убегает*).

Закат заметно меркнет. Входят Лонгрэн в полном морском снаряжении и взрослая Ассоль.

ЛОНГРЕН. ...Уж ясное дело. Многие в море ищут теперь капитана Смоллета. Но особенно ретиво ищет его один... Стоп! Ты слышишь?

АССОЛЬ. Это ветер, - только ветер... Ох! - ты рассказывай...

ЛОНГРЕН. А пожалуй, я уж и рассказал, Ассоль. Окончание же истории от нас с тобой не зависит. Да и пора мне.

АССОЛЬ. Ты непременно плывёшь? Лучше было меня отпустить на фабрику! А теперь... теперь...

ЛОНГРЕН. Ну, ну, веселей! Плавание ведь каботажное. В ясную погоду на горизонте - ты без труда разглядишь мою бороду и хитрый подмигивающий взгляд. Вот ты и развеселилась! Прощай же и ступай домой. Держись подальше, Ассоль, от злых и неумных.

АССОЛЬ. Да, да...

ЛОНГРЕН (*возвращаясь*). И навещай-ка ты, слышь, Угольщика Филиппа. За Филиппа-Угольщика держись!

АССОЛЬ. Не беспокойся, - уж я за ним пригляжу.

ЛОНГРЕН (*уже издалека*). Доканчивай шхуну, э-эй!

АССОЛЬ. Э-эй! К пятнице будет готова!..

ЛОНГРЕН (*голос его едва слышен*).

Не грузим мы золото,

Не грузим серебро...

АССОЛЬ. А грузим только синее... (*Влезает на выступ скалы и смотрит вслед Лонгрёну*). Пошёл к лодке. Сел, но не видно где... Вёсла плещут: плывёт... Ну вот! - он уплыл. (*Спрыгнув с уступа*). ...И теперь я одна. Не считая всех этих... (*схватив воздух рукой и медленно разжимая ладонь*) ...видений... (*«Видениям», с тихим смехом*). Вы, ясное дело, - молодцы... Но, сказать правду, ещё утром выглядели вы куда веселей... (*Быстро темнеет*). А! Вот так штука! След костра! Здесь до нас кто-то был... (*Пауза*). Ох, уголь остался! Два... Три. А море, как самая смиренная в деревне старуха, сгорбилося и притащило хворосту... Спасибо, сударыня! Трудно удержаться - и не раздуть. (*Дует на угли*). Нет, не могу раздуть. (*Некоторое время сидит, не двигаясь. Затем, достав из корзины игрушечную шхуну, нож, моток бечёвки и разложив всё это на плоском камне, работает*). Отличная скалистая комната! Вот так никогда бы и не вернулась в Каперну... (*Пауза*). Уже темно, однако... Того гляди - останешься без того, чем глядеть.

Плеск моря и свист ветра. И другие разнообразные звуки то с одной, то с другой стороны. Иные из них печальны, другие таят угрозу. Костёр вдруг всхлипывает сам собой, и от него бегут алые тени. Ассоль со страхом оглядывается на тёмные скалы. Станный, неровный, перебегающий, как шорох ветра, голос, чем-то похожий на голос Эля, говорит среди скал.

ГОЛОС.

Слушай! Не дрожи... Лучше мне скажи:

Как тебя зовут?

Подыми глаза! Видишь? - паруса

Алые плывут...

Верь волне морей, верь судьбе своей...

АССОЛЬ (*встаёт*). Господи! Что это?! Но всё тихо опять...

(Она обходит площадку, заглядывает в тьму между скалами. Затем, устроив игрушку на выступе скалы, вновь садится к огню. Тень игрушечной шхуны, падая на скалы, кажется гигантским кораблём. Глядя на эту тень, Ассоль поёт).

Время придёт - и в просторе морском
Странное судно сверкнёт лепестком, -
Дивно блестящее, как на цветах роса...

Медленно шар обогнув земной,
Сказочный принц приплывёт за мной:
Вспыхнут над гаванью алые паруса!

(Начинается дождь. В неучтённой Ассолью тени просыпается Грэй. В изумлении, слясь подняться, слушает песню Ассоль).

- Хочешь ли, - спросит, - на бриге моём
В дальние дали умчимся вдвоём?
- Нет, - я скажу, и рукой заслонюсь в ответ, -
К ярким прекрасным таким парусам
Трудно привыкнуть усталым глазам,
Слишком, - отвечу, - слепит меня яркий свет.

Яркие краски мне снова солгут!
Я только сумраку верить могу, -
В тёмных углах меня победила мгла...
Он поведёт, улыбаясь, плечом,
Скажет: «Не надо грустить ни о чём,
Странная! Странная! - ты ведь меня ждала!

(Дождь усиливается, но огонь разгорается ярче. Встав, Ассоль собирает свои вещи. Но за песней и дождём забывает на выступе ихуну-игрушку с алыми парусами. Уходит, напевая).

Значит, отставка ненастью и мгле!
Как на руках, на своём корабле
Я пронесу тебя над проливом Бурь...
Радости, счастью, удаче поверь...

(Уходит).

Яркого блеска не бойся теперь...

(Издалека).

Только глаза для начала чуть-чуть зажмурь...»

Грэй встаёт. Неверным шагом выходит на середину. Садится к огню и вдруг - замечает ихуну-игрушку. Подходит и берёт её.

ГРЭЙ. Земной... Нет, водный - залог небесного! Значит, не показалось! *(Подумав, прячет игрушку под плащ).* Живи у меня и, слышишь? - напоминай.

Быстро входит Летика.

ЛЕТИКА *(поражённый).* ...То есть... Слушаюсь, капитан. Но когда вы успели?!

ГРЭЙ (*тронув повязку на голове*). Догадываюсь, мне было плохо... (*Рассеянно*). Но меня оживил дождь, из-за которого она ушла. К сожалению, к большому сожалению...

ЛЕТИКА. Это вы о чём, капитан?

ГРЭЙ. Нет! Что за чудесное, странное место, Летика!

ЛЕТИКА. Слушаюсь, но... вам бы прилечь.

ГРЭЙ. До снов ли теперь... Летика, ты - откуда? Послушай, ведь это же остров фей!

ЛЕТИКА. Капитан - остров фей. Если, конечно, феи выглядят как толстые ведьмы без помела, визжат и выражают свои мысли посредством слов, изумляющих даже матроса. Я только спросил (а моя любезность вам известна), - «Как называется этот посёлок, сударыня?» - «Этот пощёлок наживается Каперна, а чеперь проваливай-ка отсюда: мы не черпим чужих!» - «Но, сударыня, я не спрашивал, на чём наживается ваш посёлок, я только спросил: как называется он?» Но она схватила, извольте видеть, некую безобразного вида лохань, и если б я не подпрыгнул... Тьфу! - говорю я, - тьфу тебе, скверная баба...

ГРЭЙ. Стой! Так ты говоришь - «Каперна»?

ЛЕТИКА. Капитан! Это слово досталось мне слишком дорогой ценой, чтобы теперь мне от него взять и отречься! (*Возясь по хозяйству*). Думал я, между прочим, что рыба эта никогда не готовится. Но вот и она! Здесь только камбала и навага, но...

ГРЭЙ. Ужинай сам. Я не голоден.

ЛЕТИКА. Чудно! А я, когда увидел огонь...

ГРЭЙ. Не я развёл его. (*Отвечая своим мыслям*). Видишь ли, здесь до тебя побывали...

ЛЕТИКА (*вскочив*). Боцман?

ГРЭЙ (*со смехом*). Боцман?! Боцман - нет... (*Пауза*). Слушай, а чего это ты так всполошился?

ЛЕТИКА. Я?! Ничуть. Кхи... Кхи... Не водоросли, а сухая перина! Вот, думаю, соснуть бы вам ввиду наступления позднего времени...

Жили рыбы, жили крабы, жил папаша осьминог...

Никогда, знаете ли, не бывал я таким сонным...

Так и жили бы, когда бы не попали в котелок...

Проклятая ведьма стоит десяти штормов! После такой встряски заснёшь и под пушечную колыбельную, а под голову - живого дикобраза. Бегущего и без наволочки, - и то не заметишь. Но я ей сказал: «Зенки твои», - говорю...

ГРЭЙ. Брось её, Летика. Не ты ли помянул боцмана?

ЛЕТИКА. Всего лишь к слову, капитан...

ГРЭЙ. Стой! Куда ты? (*Невольно берясь за голову*). Я ранен? Почему молчишь?!

ЛЕТИКА. Потому и молчу, что ранены.

ГРЭЙ. Вздор! Где боцман?

ЛЕТИКА. Эх, не ночной это разговор!

ГРЭЙ. Говори! Всё говори, - слышишь?!

ЛЕТИКА. Есть, капитан. Была буря. Но... совсем маленькая! Нет - почти ветерок... Бриз фактически!

ГРЭЙ. Скорей!

ЛЕТИКА. Забаламутил Бангок, подбив на это в какой-то степени г-на Синкрайта, в определённой мере Атвуда и отчасти Сигби.

ГРЭЙ. Сигби?!

ЛЕТИКА. ...и, некоторым образом весь экипаж. Капитан, содрав теперь повязку, вы осчастливите неприятеля, так как сказано «Люби врагов своих...»

ГРЭЙ. Молчи! Я, кажется, вспоминаю... Но дальше, Летика. Дальше!

ЛЕТИКА. Господи, спаси и помилуй нас, грешных! Бангок выстрелил. Немножко выстрелил! Самую малость. Что там! Дело прошлое... Далее «Арамея» получила... Да нет, не пробоину, а так... лёгкую течь. Вы упали и вас смыло волной. Осмелось доложить, к лучшему: сами бы вы нипочём не ушли с «Арамеи»!

ГРЭЙ. Надеюсь, ты в этом не сомневался?.. Проклятие! Я должен быть сейчас же на корабле, а боцман на виселице!

ЛЕТИКА. Немножко терпения, капитан, и господин боцман займёт подобающее ему высокое положение.

ГРЭЙ (*идёт и возвращается*). Ты упустил одно место, Летика, в своём рассказе. То место, где ты спас мне жизнь.

ЛЕТИКА. Чего не было, капитан, того не бывает. Я, правда, плыл за вами, и видел: на волнах вы очнулись. Потом я потерял вас из виду... И нашёл здесь, - к вечеру, после бури. Вы были без памяти. Но в дырах вроде Каперны, не водятся лекаря! Воротясь, увидел я с удивлением, что вы уже спасены! Всё же я испугался, приметив у вас огонь... (*Вдали выстрелы*). Вот они! Слышите? Почему я и раскидал тогда угли...

ГРЭЙ. Кто бы не спас мне жизнь, Летика, тому спасибо. Но эта жизнь презренна, покуда пираты хозяйничают на борту «Арамеи»! Скорей же на бриг, Летика! (*Хочет идти*).

ЛЕТИКА. Не хотел я вам говорить, капитан, так как вы ранены... Но... они её немножечко... увели.

Конец первой картины

Картина вторая

Прежнее место в скалах. Входят Грэй и Летика.

ГРЭЙ. ... и эта наглость...

ЛЕТИКА. Не от хорошей жизни, капитан. Без вас им судно не выправить. Пардон! Совесть не позволит им уйти на вашем бриге без вашего благословения... Но вот и они, легки на помине! О, как это мило с их стороны! Больше я не чувствую себя покинутым и одиноким!

ГРЭЙ. Эй, кто там?

Из-за скалы осторожно высовывается белый флаг, а затем появляются три головы Бангока, Синкрайта и Сигби.

ЛЕТИКА *(возясь с удочкой).*

Непосредственным посредством
Абордажного крюка
Я хозяйошку с наследством
Подцеплю наверняка.

БАНГОК. Господин капитан...

ГРЭЙ. Вы, смутьян, господин Бангок. Не смей обращаться ко мне. Но если ваша цель сообщить, где вы спрятали судно, я согласен слушать вас в течение одной минуты.

БАНГОК. Вы не так меня поняли... Я и не думал бунтовать, капитан. Понимаю, вышла глупость, но...

СИНКРАЙТ. Произошло недоразумение.

БАНГОК. Непогода, понимаете, з-затянулась, а это всегда бесит нормального человека.

СИНКРАЙТ. Во все века! Чернь сходит с ума! И даже кто познатнее...

БАНГОК. Мы действовали под диктовку урагана. И если...

ГРЭЙ. Если короче, бывший боцман? *(Подумав).* Хорошо. Что, не понравилось тебе на моём корабле?

БАНГОК. Капитан Грэй, у каждого человека есть мечта. У меня есть мечта. У Синкрайта есть мечта. *(Синкрайт хихикает).* Возможно, что есть мечта даже у Сигби. *(Сигби всхлипывает).* У вас, капитан, этой мечты - нет. *(Пауза).* Капитан Грэй! Никогда я не мог пожаловаться на ваше обращение, провиант и порядки, но мне противно грузиться... - как бы это выразиться? - ..лепестками чайных роз. *(Синкрайт гогочет).* Я моряк. Вы должны меня понять.

Летика, сменив музыкальный свист на обычный, протяжный, изумлённый, поднимается с корточек и чешет затылок.

ЛЕТИКА. Вот так так! Разве люди, которые терпят крушение, похожи на лепестки?

СИНКРАЙТ (*прислуживаясь к Бангоку*). Хуже!

БАНГОК. Руки мои истосковались по настоящей работе! И у меня слёзы выступают на глаза, когда я слышу, что у капитана Эскироса грузятся настоящим грузом! (*Слегка замаявшись*). Живыми быками, например...

ГРЭЙ. Я знаю, чем грузится Эскирос. Но не знал я, Бангок... Что же ты, нанимаясь ко мне, не предупредил, что ты пират?

БАНГОК. Тьфу! Как, то есть, «пират», капитан? Такие слова... (*Пауза*). Я пошёл к вам, потому что пошёл. И кого же не привлекает хорошая жизнь?! Но и самолучшая жизнь человеку нелегко, когда она достаётся...

ГРЭЙ. Нехорошим способом.

БАНГОК (*одновременно с Грэем*). Плохим путём.

ЛЕТИКА.

На чужую бригантину
Бросим взгляд умильный наш,
И теперь её за это
Можно взять на абордаж...

ГРЭЙ. Значит, Бангок, ты ущемлён морально?

БАНГОК. Только морально и нравственно, капитан.

Бангок пытается всадить нож в спину Грэя, но Летика предупреждает эту угрозу.

ГРЭЙ. Дивлюсь тонкости твоей души, бывший боцман! Но вот тебе мой ответ и заодно обещание: боцманами бангоками не грузиться впредь никогда.

Сигби и Синкрайт смеются.

БАНГОК. В чью пользу ржётё? Опять перепутали?!

ГРЭЙ. Больше вопросов нет? Итак, приведи сюда судно, которое ты украл. (*Одновременно увёртывается от Синкрайта, сделавшего внезапный прыжок*).

БАНГОК. М-мм... Я не то хотел сказать, капитан!

ГРЭЙ. Я же хотел сказать именно это. Чтобы к утру «Арамея» была на месте.

БАНГОК (*угрюмо-угрожающе*). Я не знаю, где «Арамея». Дело в том...

Грэй и Летика кружат, стараясь ни на миг не упустить из виду движений бунтовщиков.

ГРЭЙ. Значит, я буду иметь удовольствие встретиться с вами в суде.

БАНГОК. Ну-у, если так... Что ж... Грянем? (*Поёт, сперва - по бумажке, взятой у Сигби*).

У капитана Олафа

(То, что он крив - пустяки, не беда!)

Меди, железа, олова

Трюмы полны всегда!

Летика пускается кругом через всю середину сцены в прерывистую полуприсядку с энергическими приостановками и с поочерёдным резким выбрасыванием вперёд то одной, то другой руки, сжатой в кулак. Очевидно, что танцем этим Летика подчёркивает всю неопровержимость правоты следующих своих слов. Так возникает «Спор моряков и смутьянов».

ЛЕТИКА.

У кривого Олафа

В трюмах золото, а не олово!

Буду спрут и гадина я,

Если всё до конца не краденное!

БАНГОК, СИНКРАЙТ и СИГБИ (*повторяя два раза*).

Меди, железа, олова

Трюмы полны всегда.

СИНКРАЙТ.

А итальянец Вероккио

Между товаров, товаров иных

Возит из дальнего Токио...

БАНГОК.

Снадобье (кха!) для больных.

СИНКРАЙТ и СИГБИ (*исполнительно-подражательно закашливаясь, подхватывают*).

Снадобье (кха!), значит, снадобье - кха,

Снадобье - кха! - для больных.

БАНГОК (*толкая их*). Эй, попугаи! Повторяйте главное, а не случайное! Что за матросы, проклятые, ведь и поперхнуться не дают новому своему капитану!

ЛЕТИКА (*та же игра, тот же танец*).

Такого снадобья нам не надобно, нам не надобно,

Кто ещё не пропил ум, тем понятно, что это опиум!

Попутно - полёт и перехватывание кортиков, жестами, исполняемыми как танец.

БАНГОК.

Жизнь, повторяю, пропащая!

Где, капитан, твой широкий размах?

Знаю, что есть настоящая жизнь:

Жизнь на других кораблях...

СИНКРАЙТ и СИГБИ.

Жизнь, повторяю, пропащая совсем!
Где, капитан, твой широкий размах?
Знаю, что есть настоящая жизнь:
Жизнь на других кораблях...

СИНКРАЙТ.

Эх, не мадамское кружево,
Не табакерки с резьбой;

БАНГОК.

Эти оружием грузены,
Эти - скотом на убой!

СИНКРАЙТ и СИГБИ *(на мотив Летики).*

Эти - скотом на убой, скотом на убой, скотом на убой.
Эти - скотом на убой, скотом на убой, скотом на убой.

БАНГОК *(хрипло, ударяя себя в грудь и чуть не плача).*

Эти - на рынок невольничий
Из Эфиопской земли...

ГРЭЙ.

Вольничай, боцман, ни вольничай -
Знай, ты созрел для петли!

СИНКРАЙТ и СИГБИ. Знай, ты со... *(Спохватываясь, умолкают).*

Затем - танец Грэй и Летики - друг перед другом, - изящный, сдержанный, с опущенным вдоль туловища руками, танец типа греческого сиртаки.

ЛЕТИКА *(танцует).* Ничего, Сигби, вольно: руки по швам...
(Повёртываясь в танце).

Лежу в канаве в красе и славе - и вся история.

Кто не ворует, тот не мужчина, а инфузория.

Не это ли и хотел сказать господин Бангок?

ГРЭЙ *(так же - в танце - повёртываясь).* Это, Летика.

Сверхпримечательная картина!

Смотришь и веря глазам, и не веря,

Как безобразнейшая скотина

Изображает прекрасного зверя!

Музыка стихает. Танец кончается.

ГРЭЙ *(заканчивая мысль).* И нет, кажется, такой низости, которую нельзя романтикою овеять... Идём, Летика...

Грэй и Летика уходят.

БАНГОК. Ну? Чего это вы уставились в неопределённое пространство, хотел бы я знать? Бежим за ним! Да ведь мы же ему допеть не успели... Ещё ту часть...

СИНКРАЙТ. Стоит ли, капитан! И вообще - надо было стерпеть его ответ...

БАНГОК. Бегом за мной, говорю! (*Лезут на скалы в ту сторону, где скрылись Грэй и Летика*). Что же ты, Сигби? Пой, пока слышно! И пока не стемнело...

СИГБИ. Спел бы, но слёзы душат меня, господин боцман..

БАНГОК. Капитан, а не боцман, проклятье. Заруби себе это! В чью пользу слёзы? Не ты ли пел эти песни лучше всех, дурак? Ладно, сам спою, а тебе это запомню... (*Влезает на скалу и, упираясь одной рукой в колено, поёт, в предполагаемый след Грэю*).

Ветер шумит угрюмый, бродят валы морей...

Чем же ты грузишь трюмы? Ну, капитан Грэй?!

ГОЛОС ГРЭЯ (*издалека*).

Тенью качаемых рей,

Тихим теплом фонарей...

Гружу я в трюмы праздные души,

Ветер ночных пусьрей...

БАНГОК (*слезая со скалы*). Что ж... Пусть он надругался над моей мечтой, но как своих ушей не видать ему «Арамеи»!

Уходят. Свист ветра, крики чаек и всхлипывания кока Сигби, замыкающего шествие. Рассеянно, мягко - музыка заключительной песни Грэя.

Конец второй картины

Картина третья

Та же самая площадка, замкнутая скалами. Входит Ассоль.

АССОЛЬ.

...Если голос ветра
В скалах стиснут плотно,
Шёпоту и свисту
Веришь безотчётно.

Но пока я гадаю:
В чём он убеждает?
То, в чём он убеждает,
С ним же и пропадёт...

Я говорю с неизвестной судьбою, -
Звуки уносятся сами собою...
Рокот прибоя
Сердце тревогой томит!

Горьким становится воздух вечерний, -
Это наверно трубы Каперны;
В дали безмерной
Каменный уголь дымит...

Но вот и она, - Скалистая комната! А пшуха была здесь... Моя пшуха! Где же она?! (*Оглядывается выступ*). Ну вот! Так я и знала! А лучше сказать - ничего я не знала! (*Обходит площадку*). Ну да! Уж если её взяли, то, видно, всерьёз! (*Прислушивается*). Голоса и знаки... Я, собственно, не против, но... Некоторым из них здесь не место... из-за их совершенно бессовестного уныния! (*Опять послушав*). О!.. в скалах такие щели... ветер... протаскивает себя через них с таким свирепым писком... и с таким усилием... как тысяча полотенец через замочную скважину! Оттого и скрип, оттого и свист, и этот вот дующий шёпот: «Х-хоу», «Х-хоу», - тебе прямо в ухо... А ведь и вправду - ещё немного - и переубедит ведь! В чём угодно переубедит при таком напоре! Не водись за ним одного маленького недостатка: он сам не знает, в чём он убеждён. А в чём - **вы!**...

Но пока я гадаю:
В чём он убеждает -
То, в чём он убеждает...

Вот! Вот! Опять! Спорит, ручается и клянётся... Но ведь это почти слова! Так, вы желаете украсть мои мысли, господин Тайный Свистун?! Ах, напрасно это! У меня их и так сейчас только

две! Первая мысль: «Поскорей бы отец вернулся!» и вторая: «Жаль добрую шхуну...»

Тут вокруг Ассоль подымается угрожающий - не то обещающий, тревожный и многоскливый шум: словно бы миллионы невидимых песчинок завёртывают её в своей вихрь. Ассоль слегка подымает руки, точно колеблясь, заткнуть себе уши или схватиться за голову. Голос, похожий на голос Эгля, говорит в скалах.

ГОЛОС.

Это будет бриг из далёких стран,
Из других широт,
Ровно в пять часов от его бортов
Шлюпка отойдёт,
И прекрасный принц, - сказочный герой,
наречённый твой...

Махнув обеими руками, как бы сказав: «Не желаю и слушать!» - Ассоль медленно, словно по витым стенкам вихря, которые нашаривает, опускается на песок и сидит, склонив голову. Вихрь стихает. Входит Хин.

АССОЛЬ (вскочив). Хин Меннерс!

ХИН (оглядев скалы хозяйским оком). Ну и в дикие же места забралась ты, Ассоль!

АССОЛЬ. Что тебе здесь нужно?

ХИН. Давно хочу, Ассоль, с тобой поговорить. Но при людях мне трудно. Ведь я теперь трактирщик, и, видишь ли, берегу свою честь. Память отца...

АССОЛЬ. Говори, но только скорей. Я тороплюсь.

ХИН (после паузы). Если бы Лонгрен, твой отец, женился когда-то на Марте, вас теперь уважали бы в Каперне, как почтенную семью.

АССОЛЬ. Но отец не любил Марту и не любит теперь. Не понимаю... Через столько лет ты пришёл это поправить?

ХИН. Я-то, Хин Меннерс, готов признать тут некоторое недоразумение. Хотя другие говорят про это плохо... Но я не хочу в вашей семье повторения таких неприятностей. И я...

АССОЛЬ. Трудную ты взял на себя заботу. Отец и теперь не женится. Разве что Мери, моя мать, встанет из могилы.

ХИН. Не в нём дело, а в тебе, Ассоль. Видишь ли, я пришёл к выводу, что должен на тебе жениться. Только так и забудется вражда между нашими семьями. И должна же ты, - рассуди-ка ты здраво! - вернуться в общество! Я добр, я не могу видеть, как вы живёте от всех в стороне. Уж такой я человек, Ассоль, - я забываю зло.

АССОЛЬ. Но твоей добротой, Хин, я не могу воспользоваться. Я не собираюсь замуж.

ХИН (*после изумлённого молчания*). Неужели, Ассоль, ты не понимаешь, как я серьёзен, предлагая тебе руку, сердце и трактир? Да: руку, сердце и трактир! Подумай снова: ты бедна, а я в достатке. Тебя все считают помешанной из-за парусов цвета бордо, которые ты ожидаешь. А я не верю, когда говорят, что ты ожидаешь паруса цвета бордо, и отношусь к тебе так, словно ты в норме. Заметь к тому же, что ты не полностью в моём вкусе: ты слишком худа, а меня привлекают более полные дамы. И всё-таки...

АССОЛЬ. ... И всё-таки я не могу принять все эти жертвы, Хин. Я за тебя не выйду.

ХИН. Но почему? Почему?! Какая тому причина?!

АССОЛЬ. Видишь ли, Хин, у тебя нет музыкального слуха.

ХИН. А при чём (гром разрази всех женщин!) тут музыкальный слух? Когда я обслуживаю посетителей моего заведения, я превосходно без него обхожусь.

АССОЛЬ. Ты не прав. Музыкальный слух - необходимая вещь в домашнем хозяйстве.

ХИН. Неужели?.. Но мой папаша мне про это ничего не сказывал. Нет! Тут что-то не так! Я тебе не верю!

АССОЛЬ. Ну, в дальнейшем-то можно опять жить без слуха, если ты на этом настаиваешь. Но в свадьбу и, особенно перед свадьбой - тут уж без музыки - прямо никак!

ХИН. Что ж... Наймём музыкантов... Если это обойдётся недорого... (*Чешет затылок*).

АССОЛЬ. Опять ты не понимаешь! Сам жених должен петь, - сам.

ХИН. За свои же деньги? Положим. Но с чего ты взяла, что Хин Меннерс не запоёт?

АССОЛЬ. Попробуй спеть то, что ты здесь говорил, и увидишь, как плохо оно ложится на музыку.

ХИН. Что ж! Посмотрим! С какого места начать?

АССОЛЬ. Ну... Хоть там, где рука и сердце.

ХИН (*ставя ногу на камень и откашливаясь*). Я слышал, как пел испанский граммофон...

АССОЛЬ. Тем лучше. Тогда это будет серенада...

ХИН.

Своё достоинство унижая,
Рискуя честию своей по всем приметам,
«Будь мне женою!» - просил тебя я.
Ты отказала мне, фактически, даже в этом!
Хотя, фактически, отвергая
Моё законное по форме предложение,
Ты позабыла, что не имеешь
В приличном обчестве, допустим, положенья.

ME

Характер скверный, скрытный, нелюдимый
Тебе простил я, как-никак, на всё готовый, -
И что давно тебя привлекает
Дрянного паруса, допустим, цвет бордовый,

И что чудной, зловредный твой папаша,
Когда я бегал босиком, ещё мальчонка,
С моим папашей переругался
И утопил его, как всё одно - кутёнка!

Наружных данных твоих касаясь,
Я не отнёс бы их, допустим, сумму к плюсу:
Ты слишком тонкая с голодухи,
А мне упитанные более по вкусу.

А, между прочими, ты могла бы
В трактире Хина как-никак подхарчеваться:
Капернских женщин не превзошла бы,
Но стала справною и гладкой, может статься.

Тебя считают все умалишённой,
И это меткое, ты знаешь ли, подозреньё!
А я нормальной тебя считаю,
Шагаю против, так сказать, людского мненья.

Но ты, гляжу, и вправду бестолкова:
Я благодарности особой не встречаю
И сам не знаю: шута какого
Я руку, сердце и трактир тебе вручаю!

Ну что, Ассоль? Так ли уж противно я спел?

АССОЛЬ (*рисует на песке и забыв о нём*). Ты ещё здесь! Уходи.
Или... нет... Я сама лучше уйду... (*Поднимает свою вязанку хвоста*).

ХИН. Так. Выходит, Хину Меннерсу никакого и уважения?

АССОЛЬ. Я уже сказала: Хин Меннерс, оставь меня.

ХИН. Бордовые паруса? Э?

АССОЛЬ. Алые. (*Уходит*).

ХИН. Как есть дура!

Конец третьей картины

Перед занавесом

Входят Дус и Руперт. Прислушиваются.

ГОЛОС (*приближаясь со стороны*).

На том подворье скрипочка пиликает,
Она сердца забытые тревожит.
Кто пьёт без горя, тот его накликает,
Кто пьёт от горя, тот его умножит.

Шарманка-друг! Позвонче пой!
Живётся тут неплохо нам с тобой!
Шарманка-друг, не смей хрипеть:
Ну что нам стоит песенку допеть?

*Крутя ручку шарманки, переодетый в забавного старика,
входит Тьюлип.*

ТЮЛИП.

Но если видишь: выпить хочет кто-то,
При том моряк, при том - душа морская,
То как-то сразу петь, играть охота.
И веселиться, деньги презирая!
Шарманка-друг...

ДУС. Клянусь тысячей флейт, это неплохо, дружище!

РУПЕРТ. Теперь, по-моему, совсем хорошо...

ДУС. Но после первых восторгов я остыл. И спрошу у тебя,
Тьюлип. Неужели в твоём репертуаре не найдётся чего-нибудь поподлее?

ТЮЛИП (*с обидой*). Я делаю в этом направлении что могу...

ДУС. И что у тебя за лицо? Неужели ты неспособен выработать на нём хоть крупницу истинного непотребства?! Главное - заметь! - выражение рта. Давай за мной, - ну-ка... (*Корчит рожу*).

ТЮЛИП (*самолюбиво*). Я могу даже ещё скабрее, и прежде ты всегда это отмечал, Дус... (*Корчит гримасу, которую не отменяет до конца следующей речи Дуса*).

ДУС (*глядя на него с тихой задумчивостью*). Я понял. Ты решил известить старика Циммера. А что плохого сделал тебе старый Христиан? Почему он должен помирать с голоду через твою высокую нравственность?

ТЮЛИП (*приняв свой обычный вид*). Принимай меня таким, каким я тебе кажусь, а каков я есть - я и сам не знаю.

РУПЕРТ. По-моему, Дус, ты к нему слишком строг. И с чего ты взял, что шарманщик обязан быть гадоком?

ДУС. Он не обязан, но таким хотят его видеть жители Каперны.

РУПЕРТ. А по-моему, жители Каперны вообще его видеть не хотят.

ДУС. Но они-таки увидят его! И потому он должен отвечать их лучшим запросам. На том подворье скрипочка пиликает... Н-да. Первая часть ещё как-то сойдёт: умильное пение может обольстить Каперну почти так же, как непристойное. Люди вообще любят, когда вы им жалуетесь (лишь бы вы, при этом, ничего у них не просили). Но... следующий куплет - он больше для моряков, чем для мошенников, и как бы лавочники не на-костыляли тебе по шее... Учти: если ты не научишься петь и выглядеть подло, тебя везде будут узнавать и палками пыль из тебя выбивать капернские обыватели. Ну, повторяй же за мной...

Дус удаляется, танцует и делая рожки, затем уходят остальные, напевая: «На том подворье...»

Занавес подымается

Картина четвёртая

Почти на авансцене - высокая стена с дверью и вывеской: «Хин Меннерс. «Проткнутое сердце Хина», и с соответствующей картинкой. Проходят в разное время несколько моряков (не капернцев), - каждый, останавливаясь у вывески, смеётся и следует дальше. Входит Грэй, - снова мрачный. Но, прочитав вывеску и ударив себя по коленям, начинает хохотать.

ГРЭЙ *(сев на ступеньку перед дверью, достаёт игрушку и ставит рядом с собой).*

Пропал фрегат высокий мой, -
Его пираты взяли в плен.
Зато достался мне взамен
Кораблик маленький такой,
Кораблик маленький такой!

(Может быть, встаёт и ходит с игрушкой в руках, а затем, садясь, опять ставит её рядом).

На ясных палубах покой,
Но паруса горят огнём,
А сам он маленький такой,
Что ни матросов, ни капитана
не видно, не слышно на нём!

Пропал фрегат высокий мой,
Его пираты взяли в плен.
Зато достался мне взамен
Кораблик маленький такой,
Кораблик маленький такой!

Но ветры мне приносят весть,
Что у него хозяйка есть!
Да где ж теперь её искать?
В какую дверь? - в какие двери постучать?

(То вертя в руках игрушку, то глядя на неё, стоящую рядом).

И что мне делать с ним теперь?
Уплыть на нём - нельзя никак...
Ну, что ж, пойми, ну что ж, поверь:
Одно осталось: игрушку эту держать осторожно в руках!

Держи в руках! Не упусти.
А то судьба нам не простит.
Держи в руках! Не упусти.
А то судьба нам не простит.

Входит Летика.

ЛЕТИКА. Слушаюсь, капитан! Вы здесь? Ну о вас я бы это-го бы никогда не подумал!

ГРЭЙ (*быстро пряча игрушку, со смехом*). Видишь ли, плут, (уж ты-то наверняка за этим?), видишь ли, не дожидаясь, когда Бангок и Синкрайт опомнятся и вернут мне судно, хочу тайком присмотреть себе новую команду. Тебе ещё придётся уживаться с ней...

ЛЕТИКА. Есть «уживаться», капитан. Я считаю: были бы моряки, а палуба приложится.

ГРЭЙ. Слова твои верней, чем ты думаешь, и ты угадал мою мысль. Без помощи новых людей нам не отвоевать «Арамею». (*Помолчав*). Они увели её, конечно, к Поссету, в Судовой Пригон... Слышишь? - вечером, за скалой, что против причала. Быть! ... А найти для начала человек шесть было бы неплохо. Впрочем, Каперна эта похожа на хлев: навряд ли здесь водятся моряки...

ЛЕТИКА. А по-моему, новый боцман и новый второй помощник, как пить дать, находятся под этим кровом.

ГРЭЙ. Ты-то почём знаешь?

ЛЕТИКА. Где же и найдёте вы их, как не на этом славном перекрёстке морского прошлого с морским будущим, капитан?!

ГРЭЙ. В таком случае, они уже пропили всё, что я им собирался выплатить и задолжали мне за три рейса вперёд. А ведь я их даже ещё не видел!

ЛЕТИКА. Тем любопытней вам будет на них посмотреть!

ГРЭЙ. Плут! Скажи лучше сразу, что сам не прочь опрокинуть чарочку! Но, будем надеяться, что твои предсказания ложны. Войдём же! Войдём - и узнаем...

Стена раздвигается. Грэй и Летика входят в трактир. Полутемно и пока малоллюдно. За стойкой - Хин. В дальнем углу дремлет Угольщик. Трактир постепенно наполняется посетителями. Грэй и Летика садятся.

ХИН (*тоном шутки, рассчитанной на публику*). Ну, господин Угольщик, что, - не побелел ещё твой уголь?

УГОЛЬЩИК. Нет, сынок. Не сказать, чтобы он побелел.

Входит Тьюлип в виде шарманщика.

ХИН (*Тьюлипу*). Пошёл! Пошёл! Ненавижу музыку и музыкантов.

Тьюлип садится, не обратив на эти слова внимания.

ХИН (*Угольщику*). Зато сам ты побелел. Э? Уж вот - седина кругом?..

СТАРЫЙ РЫБАК. Чему ж тут радоваться, хозяин?

ХИН. Не хочешь ли ты, чтобы я заплакал? (*Пододешшему Летике*). Чего прикажете, сударь приезжий моряк?

ГРЭЙ (*отвечая на взгляд Летики*). Выбирай, Летика, - я пить не стану.

ЛЕТИКА (*вздыхнув*). Вот этого. И этого. Нет, лучше - вот этого. (*Тьюлипу*). На-ка и ты... Будем здоровы, будем знакомы... (*Тот берёт и кивает*).

Новая волна посетителей, в основном лавочники с жёнами.

Среди них Человек-С-Пронзительным (тонким)-Голосом.

ХИН (*Тьюлипу*). Так ты ещё здесь, музыкантишка? (*поймавши взгляд Грэя*). Докучливый народ, сударь! (*Грэй весь превращается в слух, уткнувшись в газету, найденную на столе*). **Хин - Угольщику**). Значит, папаша Угольщик, дела твои плохи?

УГОЛЬЩИК. С чего ж ты это взял, парень?

ХИН (*подмигнув посетителям*). Не сейчас ли ты с грустью пожаловался, что уголь твой чёрен, а сам ты бел, как лунь? Э?

УГОЛЬЩИК. Но я не говорил, Хин Меннерс, что дела мои плохи. Нет, этого я не сказал. Никто, сынок, не отнимет у чёрного угольщика его тележку. Пока свет стоит, чёрный уголь будет гореть ярким пламенем. Пока уголь горит, честный угольщик будет сыт. И ты запомни это, Хин Меннерс, на всякий случай.

ЛЕТИКА. Капитан! Это зеленоватое извилистое растение, называемое Хином Меннерсом, нравится мне всё меньше и меньше.

ГРЭЙ. Но старик хорошо ответил. (*Тихо*). Не называй меня здесь капитаном. На всё - жди моего знака. Учти: я буду в тени, пока ни вернём «Арамею»!..

Входят растолстевший Нищий и Помощник Нищего.

НИЩИЙ (*положив руки на плечи своего Помощника и Тьюлипа*). Ну как, друзья-прихлебатели? Вот вам вроде как загадка: кто тут первый для нас раскошелится?

ТЮЛИП. Если я и прихлебатель, то не из твоей миски. И не друг я тебе, а честный музыкант. Ты же, сколько могу судить, просишь милостыню по дворам.

НИЩИЙ (*стукнув кулаком*). Это я-то побираюсь?! Ну, нет! Я не прошу милостыню, я её требую! И я не собираю куски: я их - кол-лек-ци-о-ни-ру-ю. Понял? Спроси у моего помощника. Помощник Нищего - это его должность такая. Его работа, - смиренная и гордая. А ты... Кто ты такой?!..

Тьюлип, выйдя на середину и обращаясь к лавочникам, поёт первый куплет «Скрипочки», начав же второй куплет, обращается в сторону Летика и Грэя.

ГРЭЙ (*кладя на шарманку деньги*). Это тебе «спасибо» от всех моряков - пьющих и непьющих.

ЛЕТИКА. Много народу, капитан... то есть - господин Грэй.

ГРЭЙ. И никого, кто бы мог нам понадобится. Допивайка и пойдём.

ЛЕТИКА (*сквозь кружку*). Угу... (*Допив*). Так как новый боцман и второй помощник бессовестно меня надули и не пришли... то...

Входит Ассоль.

АССОЛЬ (*Угольщику*). Здравствуй, Филипп.

ГРЭЙ (*вставая*). Подожди, Летика! Тише! Голос...

УГОЛЬЩИК. Здравствуй, Муха! Откуда летишь?

АССОЛЬ. Я принесла тебе твою корзину. Но лучше пойдём отсюда! Не стоит пить так много, Филипп...

УГОЛЬЩИК. Лети, Муха... Тебе здесь не место... (*Засыпает. Смех посетителей*).

ХИН. А! Кого я вижу! Ассоль Корабельная! Ну, как? Не приплыли ещё Алые паруса?

ГРЭЙ. Подожди, Летика...

ХИН (*перевешиваясь через стойку с тарелкой и полотенцем*). Давеча я её спрашиваю: «Когда, - говорю, - паруса цвета бордо к нам пожалуют?» И что же? Мадмуазель молчит. Я снова к ней - когда же? Скоро ли и нам маленьким и незаметным людям, посчастливится поглядеть на бордовые паруса? И что же, вы думаете, она мне ответила? «Алые, - говорит, - а не цвета бордо». Э?

АССОЛЬ (*к посетителям*). Пропустите меня! Почему вы мешаете мне уйти?

НИЩИЙ. Я с этой с ихней блажью лучше всех знаком: вот здесь, вот на этом моём хребте Лонгрэн и замесил её... И если чего непонятно, так вы у меня спросите!

ПОСЕТИТЕЛИ (*наперебой*).

Алые паруса! Ха-ха!

Алые паруса! Хо-хо!

Принцесса вот эта вот

Заморского принца ждёт!

Слушай, Ассоль Корабельная!

Ждёт тебя скука смертельная:

Твой парусник не придёт!

Твой парусник не придёт!

ОТДЕЛЬНЫЙ ПРОНЗИТЕЛЬНЫЙ ГОЛОС.

Кажется мне, однако же,
(Если я лгу - Бог накажи!)
Что парусов не ждёт она, -
Ей нужен покой!

ЛАВОЧНИЦА И ЮНЫЙ ЛАВОЧНИК, ЕЁ СЫН.

Так для чего ж ей дался алый цвет?
Если чего-то в самом деле НЕТ,
МНЕ ВСЁ РАВНО
КАКОЕ ОНО
И ЦВЕТ У НЕГО КАКОЙ!

Общий смех.

АССОЛЬ. Пропустите меня...

ГРЭЙ (*к публике*). Эй, вы, как вас там? Это не укладывается у меня в голове!

ЛЕТИКА (*удерживая его*).

Не горячитесь, капитан.
Чтоб никто узнать вас не мог!
Не торопитесь, капитан.
Так как спешка не впрок!

Всё дальнейшее посетители трактира кричат наперебой, передавая фразы по толпе вместе с кружками.

ТРАКТИР.

... Цвет подавай ей не этот, а тот!
... Знает расцветку, а, стало быть, ждёт!
... Это уж верная, что говорить, примета!
... Ждёт, - коли знает, какие на цвет...

ОТДЕЛЬНЫЙ ПРОНЗИТЕЛЬНЫЙ ГОЛОС.

Если на свете чего-нибудь нет,
Мне всё равно, какого оно
Цвета!

Хохот и общий припев.

Алые паруса! Ха-ха!
Алые паруса! Хо-хо!
Принцесса вот эта вот
Заморского принца ждёт!

Слушай, Ассоль Корабельная!
Ждёт тебя скука смертельная:
Твой парусник не придёт!
Твой парусник не придёт!

ГРЭЙ. Пусти-ка, Летика!
ЛЕТИКА.

Не торопитесь, капитан,
Чтоб никто узнать вас не мог,
Не горячитесь, капитан, -
Всё успеется в срок.

Стойте! Вам нельзя открывать себя, не вернув «Арамею»! Осмелюсь доложить, - вы сами выше это отметили...

АССОЛЬ (которой разные фигуры в дверях, нарочно принимающие небрежные отдыхающие позы, тем не менее, не отодвигаясь, не дают пройти, вырывается с криком). Как вы смеете? (Проскользнув под локтем какого-то верзилы, исчезает за дверью).

ГРЭЙ (переходит на шёпот, так же, как *Летика*). Беги за этой девушкой, Летика... Узнай, где она живёт, и передай ей... вот это! (Даёт ему *ихуну-игрушку*). Скажи - «от друга»...

ЛЕТИКА. Есть, капитан! (Быстро идёт, но вдруг останавливается, осенённый какой-то мыслью, как вкопанный, и стоит спиной к капитану. Затем, стукнув себя по лбу, возвращается. *Шёпотом*). Не торопитесь, капитан. Порученье... «Арамея»...

ГРЭЙ (перебивает). Ты всё ещё здесь?! Ну, живо!..

ЛЕТИКА (громко). Есть, капит... г-н Артур Грэй! (Незаметно выскальзывает за дверь. Хохот после ухода *Ассоль* в трактире становится ленивым и постепенно стихает).

ГРЭЙ (овладев собой и словно бы только что отложив газету). Что это за девушка, хозяйин, и почему вы смеётесь над ней?

ХИН. Сударь! Я человек серьёзный по самой своей природе. Более того: я даже суровый человек. Да, суровый. Но если надо, я не прочь пошутить, посмеяться... Добрая шутка и звонкий смех на устах смягчают мою угрюмость. И мне весело, когда весело людям в моём заведении.

ПОСЕТИТЕЛИ (высасывая мозговые кости и стуча ими о столы). Д-да-а... Кхе... Кху-у... Уж это так...

ГРЭЙ (наивно, невинно, очень пылливо). А нельзя ли, хозяйин, придумать такую шутку... чтобы и девушка эта... могла принять участие в общем веселье?

ХИН (почуя подвох). Но, сударь. Ведь это же только *Ассоль* Корабельная! Одно слово...

ГРЭЙ. *Ассоль* Корабельная? Ваши слова ещё ничего не проясняют.

ХИН. Эх, сударь. Неужто же вы не заметили, что она полоумная?

ПОСЕТИТЕЛИ. Да... Не в себе она... Не в себе...

НИЩИЙ. И я это первый открыл. Как сейчас помню.

ХИН. Она не понимает слов. И шутить с ней - вот всё равно что с этой стеной, уважаемый сударь.

ГРЭЙ. Мне показалось, однако, что она была сильно огорчена...

ХИН. Сударь! Солги я вам, я сам наколол бы себя - за непочтительность - на эту вилку. Верьте слову, что её родитель утопил моего родителя. С тех пор он ходит гордый, словно сделал что-то праздничное, приятное для всех. *(Посетители мычат и кивают)*. При этом он не в силах прокормить ни себя, ни дочь. И даже заплата у него на панталонах, - простите за выражение, - другого цвета. Не от самих панталон, но от какой-то иной первоосновы; по всей наглядности даже от парусов... *(Голос из толпы: «Альх» - и смех)*.

ХИН *(строго поглядывая на шутника)*. Я же, несмотря на мою сиротливую участь, по выходе из горнила бед, пошёл в рост. *(Угольщик просыпается)*. Как видите, хозяин трактира, и все меня уважают... *(Угольщик сощуривает на него один глаз)*.

ГРЭЙ. Вы соединили здесь панталоны с парусами. Что, - отец девушки - моряк?

ХИН. Бывший! Только бывший! А теперь они делают игрушки, не имеющие спроса, - то есть фактически собираются.

НИЩИЙ. Во-во!

ПОМОЩНИК НИЩЕГО *(выйдя на середину в неопиcуемых лохмотьях, волочащихся по полу и в таких дырах, что спина его оголена, точно у декольтированной дамы; в одном башмаке и в одной калоше, привязанной верёвочками; словом, в таком виде, что даже каперницы, привыкшие к виду нищих, немножечко смущены)*. Если бы я так жил, то я бы утопился. *(Получив полное блюдо чего-то неясного, возвращается к Нищему)*.

НИЩИЙ. Молодец! *(Подводя его к Грэю)*. А это, господин приезжий, Помощник Нищего. То есть мой!

ХИН. А всё, сударь, гордость и редкое высокомерие.

ГРЭЙ. Да что вы?!

ХИН. Уверяю вас! Вы не смотрите, что вид у неё вроде как забитый. *(Гул возмущения при одном таком предположении: «Где!», «Куда!», «Когда?», «Зачем!», «Откуда!»)*. Ведь ей, утверждают, колдун в малолетстве явился и предсказал малиновый пароход с парусами цвета бордо.

ГРЭЙ. Слышал я, будто алые те паруса?

ХИН. Алые. Будь по-вашему, - мне всё равно. Но только с тех пор, с вашего позволения, она и тронулась. «Необычайные эти паруса придут, - говорит, - за мной, а под ними принц наследный, - как в настоящей сказке. И я, Ассоль Корабельная, с ним, то есть, уплыву». Вот, сударь, до чего доводит в наши дни гордыня! И даже иной раз полезно бывает, да, полезно! - побивать с неё эту спесь. Ведь полоумная-то она как раз от этой мечты, которая совершенно оторвала их семью от жизненной правды. Поучительный пример-с!

УГОЛЬЩИК (*встаёт*). Ты врёшь, Хин Меннерс! Врёшь грубо и глупо! И отец твой лгал, и сыну лгать завещал, и лгал всю жизнь каждый волос на его голове, и даже борода у него была с папильотками. А куда, скажи, девалась мать этой девушки, Хин? Насколько могу припомнить, её звали Мери! Так вот, не знаешь ли ты, где сейчас Мери? Молчишь?! (*Значительная часть посетителей ретируется*). Молчи же! Я буду говорить. (*Грэю*). Что я могу сказать вам, сударь? То, что голова у этой девушки ясная, как ясный день, - ведь я помню её ещё во-от такой, и часто сам возил её на своей тележке. Правда вот, выдумщица она, - на уме одни сказки! Но кому от этого вред? Кому вред - я спрашиваю? (*Угольщик оглядывает всех поочерёдно. И один за другим, крадучись, посетители ускользают*). «Ассоль, - говорю я ей как-то с год назад, - они не любят тебя, потому что не понимают чудесного». Так, поверите ли, господин моряк, - она от этих моих слов - побледнела! «Что ты, что ты, Филипп, что ты! - возьми свои слова назад! - смотри не накликай!» - говорит она мне, - а сама - ни жива, ни мертва, - как сейчас помню! «Ведь тот день, - говорит, - когда они поймут чудесное, будет самый чёрный день на свете». «Отчего так?» - спрашиваю я у неё. «Вообрази, - говорит, Филипп, что если бы коршун улыбнулся? Ведь нормальная улыбка у него всё равно не получится, а выйдет такая, от которой мороз по коже». Так и сказала. «Улыбка у него, - говорит, - будет и сладкая, и грозная, - так и сказала, - и сладкая и грозная в одно и то же время! Вот так и они, - говорит, - поняв чудесное, всё равно добычу-то выпустить не сумеют. А для чудесного это большая обида, большая обида! Так уж пусть лучше не понимают, как не понимали!..» (*Стукнув кулаком*). И с колдуном было не так! Всё было не так, как говоришь ты, Хин Меннерс!

ГРЭЙ (*тихо и осторожно*). А как? Как было, старик? Ты расскажи! (*Пересев к Угольщику и закурив у него, - с показной ленью*). Люблю остановиться этак в дороге и послушать какую-нибудь историю...

Стемнело и за окном видны уже звёзды. Мальчик приносит керосиновую лампу. Хин уходит всердцах за стойку. Некоторые спят, заскучав и захмелев. Остальная и основная часть компании сбежала ещё при упоминании имени Мери; Угольщик уже сидит и, жестикуюлируя, говорит что-то Грэю, но слов не слышно. Тююлип, отставив шарманку в сторону, запекает песню «Старинные корабли», и ей вторят издалика невидимые голоса и гитары, а также флейты. Затем тень поглощает всё, кроме круга, в котором поёт Тююлип.

ТЬЮЛИП.

Как прекрасны старые корабли!
Будто жарким днём, в холодке квартир,
Кружевницы гентские их плели, их плели,
А точили резчики и ювелир.
Кружевницы гентские их плели, их плели,
А точили резчики и ювелир.

Грациозно выпнуто их крыло,
И настолько тонкий на них чекан,
Будто их готовили под стекло, под стекло.
А послали всё-таки в ураган.
Будто их готовили под стекло, под стекло.
А послали всё-таки в ураган.

Были души чистые, как хрусталь,
Тоньше кружев, угольев горячей;
Их обидеть было жаль,
Покоробить было б жаль,
Но ушли они в перестук мечей,
Словно к мысу Горн
Корабли...

(Всё последующее, начиная со слов «Да уж как не так...» обязательно поётся, но может быть прочитано на музыке или стето подоспевшими остальными музыкантами).

Да уж как не так! - перестук мечей
Сладкой музыкой был бы для их ушей,
Но ушла их жизнь в толчею толчей:
На съеденье крыс, на расхват мышей.
На подмётку туфель для мелкой тли...
Потому от них на лице земли
И следа следов не нашли!

Опустелые, как безлистный сад,
Бригантины спят.
Им равны теперь ураган и бриз, -
Паруса, как тени, скользнули вниз,
Такелаж провис...

Уж теперь и в прошлое не спешат, -
Сколько могли - ушли...
Но опять над вами сердца дрожат!
Но опять заботы на вас лежат,
И опять вам жребии подлежат,
О, старинные корабли!

Конец четвёртой картины

Картина пятая

Прежнее место в скалах. Входят матросы Пантен и Атвуд.

ПАНТЕН. Да-а... И не волк теперь выхожу я в овечьей шкуре, а выхожу теперь я овца в шкуре волка. Ну какой из меня на старости лет - разбойник?

АТВУД (*запальчиво*). А из меня - какой? А из меня какой, Джон Георг Пантен? Хотя я и моложе.

ПАНТЕН (*почесав затылок и подумав*). Из тебя? Тоже никакой. Да! - из тебя тоже - никакой, Питер Якоб Атвуд.

ПАНТЕН и **АТВУД** (*одновременно*). Так вот я и думаю, Атвуд... Вот я и говорю, Пантен...

АТВУД. Тише! Кок Сигби идёт.

СИГБИ (*входя*). Здравствуйте, ребята! (*Достав бутль*). А я, ребята, не хотел бы отдать вот это другим. С вами же я и поговорить рад всегда, и...

ПАНТЕН (*фальшиво*). Благодарим, Сигби. Но нам что-то не хочется...

АТВУД. На вашем месте, Сигби, я бы пошёл всё же к боцману и Синкрайту как лучшим друзьям вашим. А мы при всём стремлении не можем составить вам общество.

ПАНТЕН. С горя мы перестали пить - с тех пор, как капитан нас оставил.

АТВУД (*зевнув*). Мы, Сигби, так ослабели, что даже громы-молнии метать не можем. Правда, несмотря на это, мы не поспешили примкнуть к боцману, и не назвали, - нет, не назвали **его** новым капитаном.

ПАНТЕН. Не всякая щепка под нашими ногами - новый капитан, - сказали мы себе.

СИГБИ. Всё же вы заметили, что капитан Грэй бросил вас. Если так, то меня он бросил ещё дальше. Совсем далеко забросил.

ПАНТЕН. Что же такого, непохожего на наше, - он тебе сделал, Сигби?

СИГБИ. Что сделал? А проклял меня, вот что.

АТВУД. Или он тебе мачеха - тебя проклинать? За что проклял-то?

СИГБИ. Допустил я упущение.

АТВУД. Упустил я допущение! Какое же такое допущение ты упустил?

СИГБИ. Упустил я в море партию мороженой рыбы. (*Хохот*

моряков). Правда, был я немного навеселе, а он возьми да и... (всхлипнув) ...прокляни меня! (*Вытаращив глаза*). Страшным проклятием на веки вечные! (*Плачет*).

ПАНТЕН. Ну, что ты, что ты, Сигби! Будет уж тебе убиваться!

АТВУД. Успокойся ты, Сигби, говорю, успокойся! (*Пантену*). Тут что-то не так, а Пантен?

ПАНТЕН. Я и то думаю - не так! Уж настолько-то я знаю капитана Грэя, что могу побожиться: не станет он проклинать человека из-за партии мороженой рыбы! И даже из-за целой флотилии, гружёной этим товаром.

АТВУД. И точно - не станет! Это тебе не Эскирос-кровопускатель!

ПАНТЕН (*торжественно*). Ты скажи мне, Сигби, вот что: он тебя в глаза проклял или через посредство боцмана?

СИГБИ. Через посредство боцмана и Синкрайта. А что?

ПАНТЕН. Я тебе вот что скажу, Сигби, - подожди, Атвуд! - вот что, Сигби: кто другой, - но капитан Грэй вовек не стал бы тебя так страшно наказывать. Он не стал бы проклинать тебя вообще, а тем более через кого-то другого. Да ещё когда у него есть прямая возможность проклясть кого хочешь в открытую. Так что ты можешь пойти к боцману и плюнуть в его бесстыжие зенки. Да.

СИГБИ. Так боцман соврал?!

ПАНТЕН. Доверчивый ты человек, Сигби! (*Взяв у него бутылку*). Дай-ка мне эту вещь, я открою, а сам посиди - и вспомни случай, когда боцман не лгал. Когда вспомнишь - сообщи мне, - и я назову тебя открывателем великой земли.

Сидят кружком. Пантен пробует открыть бутылку, Атвуд точит какой-то брусок, а Сигби погружён в глубокое раздумье. Он вспоминает случай, когда боцман Бангок не лгал.

ПАНТЕН (*тихо начинает петь*).

Вот опустилась над Северным морем

Тёмно-зелёная, тусклая ночь.

Всем мореходам, смьгтым волною,

Шлюпка «Бретань» выплывает помочь.

Вот засветилась над Северным морем

Бледно-зелёная, смутная рань...

АТВУД и ПАНТЕН (*вместе, не спеша, сурово, задумчиво*).

Кто мореходам в море поможет?

Поможет небо, да шлюпка «Бретань».

СИГБИ. Вспомнил!

ПАНТЕН. Что? Неужто - правду боцмана?

АТВУД. И так скоро?

СИГБИ. Вспомнил - ещё одну ложь. Говорил мне боцман,

будто капитан Грэй... - прости нас Боже! - помер на берегу от тифа! И что это ему наказание: не бросай свой экипаж! А потом сами повели меня к нему с белым флагом, и я увидел, что капитан жив!

ПАНТЕН. Видишь, Сигби, - боцман знает, кому легко запутать мозги. Н-никак что-то я её открыть не могу, на-ка, Атвуд, попробуй - ты... *(Передаёт бутылку Атвуду).*

СИГБИ. Ещё вспомнил!

ПАНТЕН. Ну?

СИГБИ. Сказав, что капитан всех нас бросил, боцман, однако же, утаил, что капитан ранен.

ПАНТЕН и **АТВУД** *(вместе, вставая).* Ранен?

СИГБИ. Да, я видел, когда ходил с белым флагом, рука у него на чёрном шарфе, а голова обвязана платком.

ПАНТЕН. Да что ты говоришь, Сигби? Атвуд, а ведь тогда, в бурю, они стреляли, это верно! А как вызвали нас наверх, нашего капитана уже на борту не было...

АТВУД. Я думал: «Может, лиселя хлопают, а может, и не лиселя». Собаки! Они-то его и ранили! Кому - больше... Ну же и крепкая обшивка у этой посудыны! *(Вернув Пантену бутылку).* Попробуй-ка опять...

СИГБИ. Вспомнил!

ПАНТЕН. Говори! Говори!

СИГБИ. «Ваш капитан удрал», - сказал боцман, а сам давай прятать и препрятывать бриг! «Веди, - говорит, - в Поссет!» От кого? Значит, от капитана! А для чего прятать «Арамею» от капитана, если он сам с неё сбежал?

ПАНТЕН. Ты, гляди, Атвуд, что открывается! Как же я сам об этом не догадался, - вот что теперь меня всегда будет мучить! Сигби, у тебя не память, а сундук сокровищ, - вспоминай дальше! Никак ведь однако не откупоривается проклятая бутылка! Попробуй ты, Атвуд, снова...

АТВУД *(беря бутылку).* Даже уже мне пить расхотелось, а просто открыть хочется... Ну-ка...

СИГБИ. Вспомнил! Ещё...

ПАНТЕН. Говори! Говори!

СИГБИ. Вспомнил я, что капитан Грэй, когда мы пришли к нему с белым флагом, требовал свой бриг назад, грозил судом Бангоку и ни о чём больше не соглашался с ним толковать.

АТВУД. Да как же ты мог, Сигби, забыть такие важные факты? Что с ним делать, Пантен? - проклясть в самом деле за то, что забыл, или благословить уж за то, что вспомнил?

СИГБИ. Боцман сильно бил меня, а Синкрайт не меньше. От этого временими у меня угасало рассуждение, а могло пропасть насовсем.

ПАНТЕН. Ну, тогда ещё повспоминай, - этакий же ты бедолага!
АТВУД. ...А по-моему эта бутылка сплошная. Что? - не треснуть ли её о скалу? Где ты её взял, Сигби?

СИГБИ. Она валялась на восточном берегу у самой воды, - я и подобрал её. А ещё Бангок часто жаловался, будто капитан Грэй грузится лепестками розы. Но на это я никогда не смотрел.

ПАНТЕН. И я не смотрю на это, Сигби. (*Атвуду - насчёт бутылки*). Брось её, Атвуд! Надо нам всем сейчас же идти к капитану Грэю.

АТВУД. Э, нет! С места мне не сойти, если не открою! Я должен теперь назло! - вылить её в песок! (*Возится с бутылкой*).

...Вот опустилась над Северным морем...

Лепестки? А меня, признаюсь, это тоже разбирало, брало за живое. «Не моё дело, - думал я иной раз, - а всё же хотелось бы знать, для чего и куда мы плывём?» Терпящих бедствие спасаем? - хорошо. Пассажиров иногда берём - тоже неплохо. Но тонущих не так уж много на пути встретишь, а пассажиров, - я же видел! - он берёт неохотно. Что грузы лёгкие - его дело, и нам же работы меньше. Но... должна же быть тогда какая-то другая цель! «Туманный это капитан, непохожий», - думал я... Гляди! - пробка подаётся!

ПАНТЕН. А меня это, повторяю, никогда не тревожило. Правда, я злился, когда мы во всю прыть, как полоумные каперы, мчались за каким-нибудь судёнышком, а всех на нём напугав насмерть, любезно здоровались и шли себе дальше, как ни в чём не бывало... Открывается?

АТВУД. Ещё немножко... (*Напевает*).

Кто мореходам в море поможет?

Поможет небо, да шлопка «Бретань»...

Вот и открыл! А почему не льётся? Фью! Да тут бумага. Сырая и свёрнутая в трубку...

ПАНТЕН. Морская почта, никак. Дай-ка сюда! (*Читает*). «Всякий нашедший...» (Размыго... Ба-а!) «Артуру Грэю, эсквайру...» (Клянусь!) «Брит «Арамея». (Вот так штука!) «Я, капитан двухмачтовой шхуны «Эспаньола», Генри Смоллет, бежал из заточения у дикого племени «Зум-зум», - приятная компания, в которую попал я благодаря трудам и усердию всем известного Джона Кроу. Скоро надеюсь обнять моих близких, а заодно дорваться до пера и чернил, но пока пишу тем, что есть, а почта одна - море... Несмотря... (Стёрго) ... я спасён, и прошу передать письмо... эю (Грэю, конечно!) который меня и четверых матросов моих (один из них - увы - погиб!) искал так долго и самоотверженно. Писать больше не на чем, но и нет такого листа, на ко-то-ром поместилась бы моя благодарность Грэю. Передайте ему... - Капитан Смоллет.»

АТВУД. Ну, ребята! Ну, ребята! Ну, ребята! Всё равно - слов нет, потому я и не говорю ничего!

Ставят бутылку на песок и, взявшись за руки, отплясывают вокруг неё под музыку песни «Веселей...» или «Набивайте венты...» (это то же самое) залихватскую матросскую пляску.

ПАНТЕН. Идёмте, ребята! Надо капитана сыскать.

СИГБИ. Ну, нет! Найдём сначала «Арамею»... *(Потупясь на вопросительный взгляд моряков).* Я первый... Сам пробраться к ней сумею!

Занавес

Перед занавесом

Входят Ассоль и Угольщик.

АССОЛЬ *(опуская свою корзину).* Слушай, Филипп, возьми-ка ты меня в подручные! Торговля игрушками идёт - из рук вон! - плохо.

УГОЛЬЩИК *(отнимая у неё оглобли своей тачки).* Ну, ну! Мухи не грузчики, а клопы не углекопы. Но я бы взял тебя, - будь ты дюйма на четыре и повыше и пошире, - я взял бы тебя в подручные, если бы не твоё, Ассоль, блестящее будущее. Ты не должна его упускать, Ассоль, нет, не должна!

АССОЛЬ. А знаешь, Филипп... Я давно поняла: ведь они - не придут.

УГОЛЬЩИК. Кто «они»-то?

АССОЛЬ. Алые паруса.

УГОЛЬЩИК. Что ты, что ты, Ассоль! Что ты? Как язык-то у тебя повернулся сказать такое?! Да как же «не придут», когда... это... и придут как раз.

АССОЛЬ. Нет. Не придут, Филипп. Так надо и понимать.

УГОЛЬЩИК. Значит, ты только о себе думаешь. А Лонгрен? А место кочегара на судне для старого угольщика Филиппа? Э-эх!.. Не ожидал я этого от тебя, Ассоль! Вот уж не ожидал! Отказываться от такой собственности, как фрегат, и от такой блестящей партии, как заморский принц! И Лонгрен такой твоей линии не одобрит, - нет, не одобрит!

АССОЛЬ. Да ты-то что огорчаешься?! *(Опустившись на песок, снизу заглядывает ему в лицо).* А ты, Филипп, я вижу, не на шутку в них поверил! *(Звучит музыка «Предсказания», обрывающаяся диссонансом. Махнув рукой, Угольщик уходит, уводя тачку. Ассоль идёт вслед за ним.)*

Занавес раздвигается

Прежнее место в скалах. Ведя связанных Бангока и Синкрайта, входят Пантен, Сигби и Атвуд.

АТВУД. Глядите, эй, вы, на человеческие лица. Вы их видите в последний раз.

БАНГОК. Что ж... Если я не смог заменить вам глупого капитана Грэя... Синкрайт! Смотри на их лица, а я не желаю. Да! - я потерял надежду сделать из вас моряков! Но повторяю: ваш Грэй бросил вас, как щенков, бежал с корабля, как мошенник. Кто без меня поведёт бриг? Уж не ты ли, Пантен?

ПАНТЕН. Корабль поведёт капитан Грэй, его законный владелец.

БАНГОК. Скажи спасибо, что я не потопил судно.

АТВУД. Скажи спасибо, что не успел. Пусть бы ты попробовал.

БАНГОК (*тнув камень, лягнув скалу*). На корабле Грэя все, паралич бы их взял, поэты!

ПАНТЕН. Ребята, нам не пристало препираться с пленными. Спой-ка, Атвуд!

АТВУД. Ладно. Вообразим, что это мы же самые, но не теперь, а лет через тридцать.

В новый век не матросы, а баловни:

Безотказны у них корабли.

Потому-то старинные плавания

Мне, как мука, на память пришли.

Моряков голоса добродушные,

Их морщин нераспутанных снасть,

Их глаза, Провиденью послушные,

И к открытиям вечная страсть.

Их разлука сердечная с милыми

(Я о верных сердцах говорю!)

Их надежда, что писана вилами

По зыбучему календарю.

Скрыла многих пучина упрямая, -

Не дала им вернуться домой.

Так неужто и память их самая -

Только след, только след за кормой?

Что ни день корабли совершеннее,

Блещут поручни, как зеркала...

Но и пусть отступили крушения, -

Я не верю, чтоб мука прошла.

Пусть надежда прекрасная сбудется
Для того, кто и нынче бедняк,
Так же терпит, страдает и трудится
Как безвестный старинный моряк!

ПАНТЕН (*вытирая слёзы*). Эх, песня! Вот - песня! Ничего...
Только душа и море! Всё остальное - так... Нет, что я?.. Эх, да что...

СИГБИ. А я - что же? Тут и вовсе... Эх, зачем? Нет! Пусть
оно будет... Потому что - всё равно!..

ПАНТЕН и **СИГБИ** (*вместе*). Эх, песня! Вот - песня! А мы - что
мы? Мы - ничего... Атвуд! Мы решили: пусть оно будет так - и ника-
ких. Потому - вовсе. (*Повторяют все вместе иные куплеты песни*).

*К тому времени Бангок и Синкрайт перетёрли верёвки на
руках о выступ скалы и высвободились. Теперь они убегают.*

АТВУД (*заметив это*).

Стой! Стой! Держи!.. Пока мы пели, -
Две птички выпорхнуть успели!

*Атвуд бежит вслед и хочет выстрелить, но Пантен оста-
навливает его.*

ПАНТЕН. Не надо! У них теперь только два пути: на висели-
цу либо в монастырь: ведь нет у них теперь ни корабля, ни огне-
стрельного оружия.

Конец пятой картины

Картина шестая

Внутренность прихожей мануфактурной лавки. В левом переднем углу - стеклянная дверь. За ней в сумерках зажигаются один за другим первые фонари. Прилавок и несколько стульев. Ещё одна дверь справа. В стеклянную дверь входит Грэй.

ГРЭЙ (*оглядываясь*). ...Тот человек прав: она прошла сюда, и это был её голос... Я узнал бы его где угодно...

Из внутренней двери справа выходит Ассоль.

ГРЭЙ. Добрый вечер.

АССОЛЬ. Доброй ночи, сударь. (*Склонив голову, хочет проскользнуть мимо него*).

ГРЭЙ. Я вижу, вы спешите, а между тем, у вас в руках образчики шёлка...

АССОЛЬ. Вам хочется их посмотреть?

ГРЭЙ. Если позволите... Мне важна расцветка.

АССОЛЬ (*с удивлением*). Но теперь темно, и никакой расцветки не видно!

ГРЭЙ. Слова человека, много работавшего с иглой... Впрочем, и в самом деле темно. Назовите их сами.

АССОЛЬ. Это оранжевый. Вот эти два - почти жёлтые. Этот - бордо. И этот бордо. И этот.

ГРЭЙ. И это всё? (*Пауза*). А где же альпий?

АССОЛЬ. Альпий? Альпий? (*Отступает*). О, сударь! Но где-то же должна же быть пощада!.. (*Убегает*).

ГРЭЙ (*после оцепенения*). Силы небесные! (*Устремляется за ней*).

Убегает Летика, чуть не сбив его с ног.

ЛЕТИКА (*стремительно*). Есть, капитан! «Арамея» в бухте стоит на приколе... Она, как всегда, ваша... Потому за то - все высшие силы. Команда бьёт себя в грудь... Судьба и Провидение... Умоляет о наказании и прощении... Бунтовщики бежали. Бенсон бежал отдельно... Должно быть, что-то стянул. Таке-лаж надо менять. То есть... осмелюсь доложить, капитан!

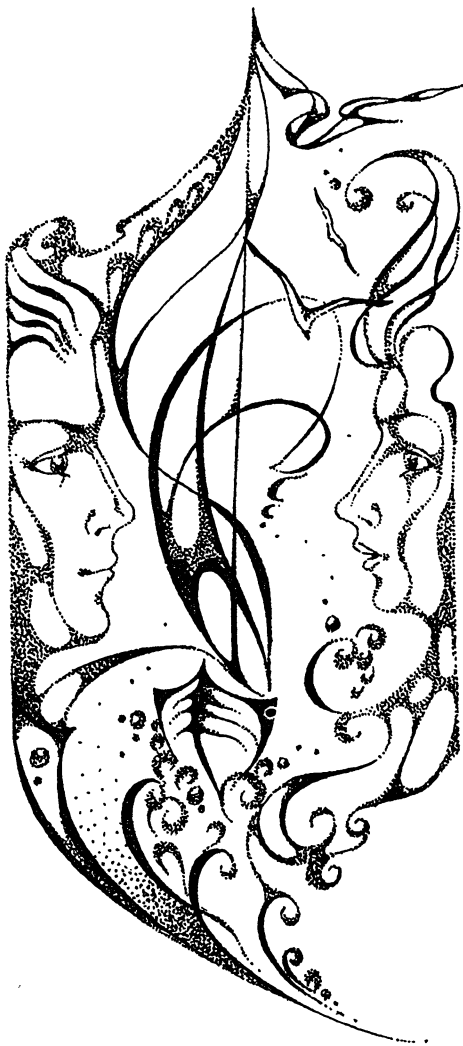
ГРЭЙ. Ты кончил? Дай-ка мне пройти, Летика...

ЛЕТИКА. Как? Вы не рады?

ГРЭЙ. Рад, но - в другой раз... (*Хочет выбежать мимо Летика*).

ЛЕТИКА. Куда же вы, капитан? Они разбегутся!

ГРЭЙ. «Они»? Кто «они»?!

ЛЕТИКА. Они просят разрешения войти, но их удар хватит (всех сразу) если вы сами, как молния, изволите неожиданно вылететь им навстречу!

ГРЭЙ. Кого хватит удар? Кто так нежен и subtilen, разрази меня гром! Пусти меня, слышишь? - или говори толком!

ЛЕТИКА. Команда ваша так нежна и subtilна, капитан, но удар хватит **меня**, - если вы не соберётесь с мыслями! Бенсон бежал, стянув нечто! Сигби герой! «Арамея» стоит на приколе, такелаж обратился в ничто, замена парусов неизбежна.

ГРЭЙ (*обратив внимание на три последние слова*). Новые паруса? О, да! И как можно скорее! (*Успокаиваясь*). Что ж. Пусть они войдут, Летика.

Немая сцена. Склонив головы, входят Пантен, Атвуд, Сигби. Атвуд манит рукой кого-то из-за двери, жестикуют, но прочие, видимо, войти не решаются. У Сигби забинтована голова. Грэй кидается к Сигби, обнимает его.

ГРЭЙ. Сигби, ты ранен?

ПАНТЕН. Это Бангок царапнул его из засады.

СИГБИ (*заливаясь слезами*). Пустяки... господин капитан. Вот... (*подавая Грэю письмо*) ...морскую почту нашёл я!

ЛЕТИКА. Сигби ревёт, значит, всё на своих местах и свет не перевернулся... Реви, Сигби, но не превышая ватерлинии. Я считаю, ребята, что где-то в глубине души вы уже прощены.

ГРЭЙ. Ты злоупотребляешь, Летика, моей снисходительностью. (*К вошедшим*). Что ж, признаюсь: вы застали меня врасплох.

МОРЯКИ (*подбрасывая шапочки*). Ура, капитан Грэй!

ПАНТЕН (*хрипло*). Спаси вас Бог, капитан Грэй! Вот-то уважили вы нас!

Комната наполняется моряками, стоявшими до тех пор на улице. Голоса: «На борту «Арамеи»... «Никогда я не был предателем...», «Буря...», «Я всегда ненавидел Синкрайта...», «Пусть попробует ещё меня надуть...», «Хотел бы я посмотреть на это...» Всё это урывками и вполголоса. Грэй жмёт морякам руки. Все веселы. Начинают приплясывать. Покуда все вполголоса затягивают песню «Веселей...», Грэй что-то тихо говорит Летике. Продолжая совещаться, они быстро выходят на авансцену.

ЛЕТИКА. Есть, капитан, ставить новые паруса. И как можно скорей. Так, как если бы всё горело. (*Достав из кармана алый лоскут, вновь, как ни в чём не бывало, прячет его*).

ГРЭЙ. Как если бы всё горело?

ЛЕТИКА. Как если бы всё горело!

ГРЭЙ. Как?! Ты понял? И ты не удивлён?

ЛЕТИКА. В некоторых случаях, капитан, удивляться невежливо. Конечно, с одной стороны, я поражён в самое сердце, но с другой... я всегда это знал.

ГРЭЙ. Плут! Я вижу, от тебя ничего не скроешь.

ЛЕТИКА. Капитан! Ведь я всегда и везде был с вами.

ГРЭЙ. Я этого не забыл, Летика!

ЛЕТИКА. Есть, капитан! И... есть - ставить новые паруса.
(Выбегает. Звучит музыка песни «Время придёт...»).

ГРЭЙ *(один, улыбаясь).* Плут... *(За стеклянной дверью горят уже все фонари. Стало светло. Продолжая улыбаться, Грэй достаёт письмо и читает).* Письмо Генри Смоллета! Спасён!

Тут лавка отодвигается, открыв улицу в Лиссе. Сквозь дождь горят фонари, - те, что были видны через стеклянную дверь. Из-за угла выходит сильно постаревший Циммер и роняет очки. В глубине видны двери кабачка с вывеской «Моряк и скрипка».

ЦИММЕР *(подняв очки и протирая их).*

Что-то звёзды тучей завесились,

Как-то зябко... Как-то темно...

Навстречу ему идёт капитан Грэй.

ГРЭЙ.

Старый Циммер! Вот мы и встретились.

Я ищу тебя очень давно!

ЦИММЕР. Меня? А вы не ошибаетесь? Кто ещё на этом свете может искать такого, как я!..

ГРЭЙ.

Где твоя ви-о-лон-чель?

Скрипку ты бросил ужель?

Помню твой почерк, закрученный,

Как дикий хмель,

Твой шапокляк нахлобученный,

Роль - Сганарель!

ЦИММЕР. Грэй! Дитя моё! Какая встреча! Откуда ты? Я рад!!!

ГРЭЙ.

Вот идёшь, удачей оставленный,

А несёшь удачу с собой!

Из беды и радости сплавленный,

Как прославленный лоцман Бит-Бой!

При дальнейшем разговоре идёт музыка следующего куплета, но только фоном, без слов.

ЦИММЕР. Сейчас я на седьмом небе, но не сравнивай меня с Бит-Боем, приносящим счастье! Ведь я только старик, - старик, ни на что не годный, и никому не нужный!

ГРЭЙ. Гром и молния! Тогда пусть мне сыграют, как ты, на скрипке или виолончели! Ты не знаешь себе цены! Но я - я помню твою игру. Помню и никогда не забуду.

ЦИММЕР. Благодарю, Грэй, благодарю!

ГРЭЙ. Ну вот! А я к тебе с большой просьбой. Слушай, ты приедешь ли завтра ко мне на бриг? Надо сыграть, - а некому было сыграть - одну прекрасную песню.

ЦИММЕР (*очень польщённый*).

Уж не знаю, что получится -

Будешь слушать - будешь мучаться!

ГРЭЙ. Полно скромничать, старина!

По одному подходят остальные музыканты. Останавливаются поодаль.

ГРЭЙ.

Ваши лица тоже мне помнятся...

(Вижу, Циммер, это друзья...)

Что ж, не будем долго знакомиться, -

Тут терять ни минуты нельзя!

Боже! Не ты ль это, Дус?

Ты! Головой поручусь!

Флейта твоя... О, нескромница! -

Глянь, - в лентах вся...

Это твоя, брат, питомица,

(Взяв и продувши флейту).

Но и моя!

ЦИММЕР. Знаешь, Дус! Ведь мы завтра будем играть, петь - ему на его корабле! Ты зовёшь туда Дуса, Грэй?

ГРЭЙ. Очень даже зову. Я всех, всех зову!

Я подвержен разным фантазиям, -

Тем, какими славится ночь...

Заручаюсь вашим согласием

Мне в большом начинаньи помочь.

Не посчитайте трудом

Делать вопросы - потом;

(Дусу).

Что тебе в бережно зреющей

Тайне моей?

Вольно до времени реющей

Там, между рей...

(Всем музыкантам).

Начинайте песню по памяти...
Скуку дней оставьте земле.
Вы представьте, что выступаете
Летним днём на большом корабле:
С берега чайки летят, -
Музыки бурной хотя!
Но ваши мысли настроены
На мирный лад.
Ваши мечты успокоены, -
Тихо парят...

(Циммеру).

Начинайте медленно-медленно,
Первый звук тяните едва, -
Чтобы струны пели, как лезвия,
Звуки тихо росли, как трава...

(Дусу).

Флейта, не сразу вступай:
В песне лишь ленты купай,
Но уже если приступишься -
Не отступай!
Нотой-другой не откупишься, -
Третью давай!

(Всем).

Вы сыграйте что-нибудь тихое,
Как вечерний лёгкий туман...

(Подоспевшему Бруксу).

Как часов настенное тиканье
Должен с моря звучать барабан...

Тьюлип подходит ближе, трогая струны, за ним тут же и Руперт. Музыканты постепенно кольцом окружают Грэя, входя в песню друг за другом и начиная пританцовывать.

ГРЭЙ (Тьюлипу).

Только гитара одна
Петь в полный голос вольна:
Пусть, набежав, разбегается,
Словно волна...

РУПЕРТ.

Если ж труба испугается -
Грош ей цена!

Но потом... Потом нарастание...

(Грэй изображает песню жестами).

Это песнь больших кораблей!

(Бруксу).

Барабан, греми неустаннее!

(Всем).

Веселей! Веселей! Веселей!
Скачет дельфин по волнам,
Чайки торопятся к нам,
Струнами снасти становятся
По временам,
А музыканты готовятся
Плыть по волнам...

ДУС. Спасибо, капитан! Песня будет. А уплыть - уплыть - это старинная мечта Христиана Циммера, но и наша общая - тоже... Ведь так?

ТЮЛИП и РУПЕРТ. Разумеется! Разумеется!

РУПЕРТ. Но мы ещё не знакомы с твоим знакомым, Дус, а уже успели посягнуть на его доброту!

ЦИММЕР. Это, друзья мои, - капитан Грэй. Грэй, представляю тебе Брукса, - лучшего товарища на свете.

ДУС. Немой, плохо слышит, но чувствителен, как заноза...

ЦИММЕР. Это Тюлип.

ГРЭЙ. Я вас где-то встречал?

ТЮЛИП. «Проткнутое сердце Хина». Вам не кажется, что я помолодел?

ГРЭЙ. О, шарманщик!

ТЮЛИП. Он самый. А ведь вы, капитан, уже спасли однажды Циммера... *(хлопнув себя по карману)* ...и сами не знали!

ГРЭЙ. Ещё словё и я бегу!

ДУС. И всё же, капитан, с Тюлипом вы незнакомы, ибо знакомиться с ним надобно всю жизнь. Гитарист и шарманщик. Но будь он и впрямь не одним человеком, а двумя, никогда бы эти двое не прошли по одной дороге, и так, чтобы в одну сторону. Сочинитель песен, популярных у него самого. Как музыкант, пользуется широкой неизвестностью, - мощь воображения, слабая совесть...

ТЮЛИП. Ты мне льстишь, Дус!

ДУС. Трубоч Руперт. Это **его** труба возвестит народам Страшный Суд, потому что суд народный над его игрой будет страшен.

ГРЭЙ. А ты всё так же зол на язык и коварен, Дус, как всегда! *(Всем).* Ну, повторим песню на море?

Все снова играют, и Грэй ходит в задумчивости сомнений. На заднем плане вместе с тучами собираются лавочники. Смотрят косо, но не решаются бить музыкантов в присутствии Грэя. Уходят, косясь и глухо ворча, по заднему мглистому плану. Ворчание их затихает, сливаясь вдали с раскатами грома.

ДУС. Капитан! К вашей простой радости - не примешивается ли ещё что-то? (*Музыкантам*). Ещё что-то, а?

РУПЕРТ. Ты лучше знаешь капитана, тебе видней.

ЦИММЕР. А это уж, Дус, нахальство!

ДУС. Капитан Грэй не обидится. А, капитан?

ГРЭЙ (*смеясь*). Возьму и обижусь! (*Кивнув на кабачок*).

Кто тост провозгласить сегодня согласится

За букву «А», друзья?

ДУС. Ваш тост - провозгласится. (*Музыкантам*). Что я говорил?! Ну, что говорил я?!

Уходят в кабачок с вывеской «Моряк и скрипка». Тюлип и Руперт задерживаются в освещённых дверях, говоря друг другу «Ведь это же нам Фортуна? Фортуна! Фортуна!»

ТЮЛИП. «Шутит опять?»

РУПЕРТ. Нет. На этот раз она серьёзна, Тюлип!

Дверь за ними закрывается и затем - голос Дуса - уже из-за стен: «Не правда ли, всё это похоже на сон?» Музыка.

Дождь становится непроницаемым. А когда проходит, местность открывается уже другая.

Конец второго действия

ЭПИЛОГ

Яркий день. Видимая, малая часть большого леса, сбегая с холма, расположенного справа, останавливается перед дюнами. За ними - немножко от пристани - и море. В лесной яме, то скрываясь в ней, то показываясь, работает Угольщик. Выше, на вывернутом пне, сидит Ассоль. По пристани прогуливаются разряженные лавочники и рыбаки с жёнами.

УГОЛЬЩИК (*вылезая и закуривая*). Но кому они могут мешать, Ассоль? Ты сказала: «Они всем мешают»?

АССОЛЬ. Всем. С тех пор, как тот... волшебник предсказал мне их! Меннерса ещё простили бы нам, но это...

УГОЛЬЩИК. Вдова Марта тоже ведь подпакостила, а?

АССОЛЬ (*качая головой*). Ох, Филипп! Нам простили бы и Марту. Но Альх Парусов нам не простят никогда!

УГОЛЬЩИК. Так не сами же вы их придумали! Вы с Лонгренем - при чём? Вы - тихо живёте...

АССОЛЬ. А что толку? Все по лицу видят, жду я их или нет... (*Ей на лицо падает розоватый отблеск*). Куда ты смотришь?

УГОЛЬЩИК. А? Угу...

Входит Летика с узелком и стоит под холмом, что-то соображая.

АССОЛЬ. Значит, если я от этой мысли откажусь... Из-за чего мы спорим? Ничего и нет. Есть (было!) только выражение моего лица, другое, чем у других. Выражение, которое (преломляясь через другие лица) делало вред моему отцу. А могло не делать вреда. Все завидуют ему так, будто он вправду владелец заморского брига. А он всех бедней. Моя вина, моя!

УГОЛЬЩИК (*поймав взгляд и жест Летика, которого Ассоль не видит*). Ага... Кхе...

АССОЛЬ. Грозились даже разнести наш дом кольями... Но ты какой-то странный! Куда ты глядишь?

Летика быстро взбегаёт вверх по склону и становится перед ней так, чтобы отвлечь от моря. Розовый свет становится алым. Лавочники начинают метаться, указывая на что-то с пристани.

ЛЕТИКА. То есть вы и есть Ассоль Корабельная? Тысяча извинений и одно поручение. (*Развязывает узелок*). Вы забыли...

АССОЛЬ. (*принимая шхуну-игрушку*). Вспоминаю. Спасибо! Вот она, Филипп, моя шхуна. (*Улыбаясь*). Игрушка воспоминаний... Господи! Сколько же во мне ещё было детства!

ЛЕТИКА. Это вам от вашего друга, и это не всё, если...

АССОЛЬ. От «моего друга»?!

ЛЕТИКА. Дело в том... Он взял её на бордаж. Только не пугайтесь! Только не...

АССОЛЬ (*обернувшись*). А! О!! Нет! Это свет так падает! (*Закрывает лицо рукой*).

УГОЛЬЩИК. Какой свет? До заката ещё далеко. Солнце ещё высоко, Ассоль. И свет не так падает... Ну, а теперь - держись! Выдержи ты и это!

Музыка «Песни Эгя». Алый с золотой тенью свет затопляет фигуры Ассоль, Угольщика, Летики и возвращающегося со стороны пристани - Лонгрена.

Звучит музыка «Песни Эгя».

ЗАНАВЕС

1975 - 1978 гг.

ТРАКТИР «ЧЕТВЕРЕНЬКИ»

Пьеса

в двух частях и в четырёх действиях

1968 год
Москва

Иллюстрации Анастасии Митяшевой

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ВЕСТА - молодая домохозяйка.

СКИТ - путешественник.

ИСПАНЕЦ, он же **ДОН АЛОНСО** - поэт.

Трактир

ТРАКТИРЩИК.

РАБОТНИК.

ПЕРВЫЙ ОФИЦИАНТ.

ВТОРОЙ ОФИЦИАНТ.

Пираты

КАПИТАН ПИРАТОВ.

ПЕРВЫЙ ПИРАТ.

ВТОРОЙ ПИРАТ.

ТРЕТИЙ ПИРАТ.

ПИТЕР ГАЛАНТНЫЙ.

ЮНГА.

Матросы с разных кораблей

БОЦМАН.

БОЙКИЙ МАТРОС.

Странные люди

ДЖИМ ФОРГЕТФУЛ.

ДЖЕК-ВЕНТИЛЯТОР.

ПЕРВЫЙ ТРУБАЧ.

ВТОРОЙ ТРУБАЧ.

НЕЗНАКОМЕЦ.

ЗЕЛЁНАЯ ШЛЯПА.

САЛАМАНДРАГОРА.

ВСТРЕЧНЫЙ.

Посетители трактира

ГРУЗЧИК.

РЫЖИЙ.

САПОЖНИК.

ИЗВОЗЧИК.

ДРУГИЕ ПОСЕТИТЕЛИ ТРАКТИРА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Приключения домохозяйки»

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Перед занавесом

Стол с горящей лампой. За ним с книгой сидит Веста. Направо от зрителя выступ стены с дверью. Шум ветра и стук дождя.

ВЕСТА (*читает вслух*).

В дымке дальней,
В океанской сини
Между Африкой и Мысом Горн
Чья-то тихая душа заснула:
Как моток, скатившийся со стула,
Как на жёрдочке - усталый ворон, -
В дымке дальней, в океанской сини
Между Африкой и Мысом Горн.
Спят и те...

А кто это - «те»? (*Перевёртывает, исследует и даже встряхивает книгу*). Ах, вот как... Обложка оторвана и всё равно спросить не с кого. Ладно, пускай будут «те».

Спят и те. Ни видом, ни касаньем
Тел своих не оскорбляя сушу.
Шелестят моря Святым Писанием -
Грешную укачивают душу...
В дымке дальней, - в сини океана,
Где не место ни хуле, ни мести,
Отовсюду видный, -
Как ни странно,
Человек пропал на ровном месте!
Только след ещё сверкает...

Какие странные стихи! И всё про одно и то же... Но почему никто не идёт? Обещали к восьми, а уж теперь одиннадцатый... (*Стук в дверь*). Кто там? Да нет, стучать не должны: три звонка должны дать, как было условлено! Показалось? (*Читает*). «В океанской сини, между Африкой...» Нет! Теперь они вряд ли придут... А ведь сегодня, как-никак, был день моего рождения! (*Засыпает, уронив голову на книгу. Но её голос, откуда-то уже со стороны, продолжает*).

А возможно ль, чтоб душа живая
Скрылась, никуда не пристаая?
Не достигла б никакого края,
Но ушла, и в середине чудной
Скрылась, как на площади безлюдной?
Между Африкой и Мысом Горн?

Темнеет. Лампа гаснет. Позади спящей в «стене»-занавесе прорезывается новая дверь - поменьше той, что уже имела. Она слегка светится. На ней вывеска с крупной кривой надписью:

«ТРАКТИР «ЧЕТВЕРЕНЬКИ»

и с картинкой: человек на четвереньках в твёрдой высокой шляпе. Перед ним тёмная бутль. Вывеска стучит и качается на ветру. Веста поднимает голову. Глухим изменившимся голосом.

Что - снова стучали? А ведь было же условлено: три звонка! (*Идёт к двери, но обычная дверь к тому времени исчезла*). Отворять или не надо? Мало ли кто... Время позднее! Но... где же дверь? (*Плутает*). Ах, вот она! (*Видит вывеску*). Господи, что это с моей комнатой стряслось?! (*Начиная томиться*). Я должна понять... Необходимо узнать... (*Стучит в дверь*). Откройте! Откройте! Тут какая-то тайна... (*Стучит громче*). Да есть ли там кто живой?!

Устав, прислоняется к двери и тут дверь распахивается. Внутрь. Потеряв равновесие, Веста падает в неё, как в пропасть. Занавес убегает вверх. Открывается беспредельная зала, - дальние стены её тонут во мгле... За столами сидят и курят свои трубки какие-то сумрачные бородачи. Веста встаёт с полу. Отгоняя рукой табачный дым, глядится вдаль.

Где я? Кто они? Одни похожи на моряков. А другие, кажется,

грузчики... Но как будто из разных веков! Зина мне корсара в книжке показывала, а тут - вот он, никак, живьём?! Ах ты! А этого - не вчера ли я видела в очереди за луком? Странно... Господи! Да ведь это же трактир! А это - завсегда! А так же, может быть, иногдатай... Среди которых я - единственный ни-когдатай! (Пятится). Но... как мне теперь выйти отсюда? (Сидящему с краю). Скажите пожалуйста, как мне...

ПОСЕТИТЕЛИ (все разом треснув кулаками по столам, разражаются песней).

Жил гуляка, был гуляка
из отчаянных гуляк, -
Грабить - грабил, добычу
не делил.
Но однажды с гуль-гулякой
приключилось в жизни так,
Что он голову где-то
обронил.

ВЕСТА. Значит, это не вывеска стучала, а это они - кулаками и кружками... И значит это не дождь, это их светильники так трещали... Моя старая дверь пропала, но теперь, в крайнем случае, я согласилась бы выйти и через новую. (Три звонка). Три звонка?! Минутку! Сейчас! Пришли всё-таки! (Бежит на звонок, который повторяется, но уже не находит ни старой, ни новой двери). О! Это там... Впереди... Сейчас!

ПОСЕТИТЕЛИ.

Два столба стояли в поле, с переключиной.
Не мешался тут священник никакой.
Только вороны в поле с ним поладили,
Только ветер пропел заупокой.

ВЕСТА. С какой стороны был звонок? Знать бы какое-ухо для звонка, а какое - для их песен, так, быстрее разобралась бы... (Ищет ходы между столами, но Грузчик, сидящий с краю, ставит ногу поперёк пути. Веста хочет перешагнуть препятствие, но Грузчик подымает ногу в виде шлагбаума). Да что же это такое? Только что не замечали меня, а тут... Я упала, - чуть ни убились, и - никто-ничего, (хочет пролезть под ногой, но Грузчик опускает ногу) а тут - вдруг заметили? (Хочет перешагнуть ногу, но Грузчик опять воздвигает «шлагбаум»). Вот дом, где видят не глядя... (разбегается, дабы перепрыгнуть ногу, но... - та же игра). Эй, пропустите меня, слышите? Зачем вы здесь так дорожите мной, если меня даже не видно? (Подумав). Или... всё-таки это - сон? (Пытается украдкой обойти Грузчика, но тот, поднявшись, показывает её кулак. Веста, отступая). Нет. Это не сон. (Опускается на ближайший стул).

ПОСЕТИТЕЛИ.

Жил гуляка, был гуляка,
С ним бывало в жизни всяко,
Но приятели, - честные сердца, -

(Гремя оружием, входят пираты - Капитан, Питер Галлантный и ещё трое).

Так же честно жили-были
И нечаянно казнили

Пираты останавливаются, все вместе подмигивают и доканчивают.

ПИРАТЫ.

Не гуляку, а другого молодца!

*Многие Посетители встают, - смех, голоса: «Капитан!
Здравствуй, капитан!»*

ВЕСТА *(украдкой наблюдая)*. Целая рукопашная рукопожатий!
КАПИТАН. Эй, хозяин!

ВЕСТА. Так... Они пришли вон с той стороны. Вошли же они во что-то? Значит дверь там? *(Крадётся и ускользает мимо Грузчика потерявшего бдительность. Входят Трактирщик и молодой Работник)*.

ТРАКТИРЩИК. Чего изволите, почтенные приезжие господа?

КАПИТАН. Стиксвейну и жареной поросятины, толстоносый. На всех!

*Рот почтительного восхищения Капитаном, отдельные фразы: «Лучший из моряков!», «Кажется, я всегда его знал...»
Входит Рыжий.*

РЫЖИЙ *(садясь)*. Эх, Мурлочки бы сейчас!

ТРАКТИРЩИК. Отыщется и Мурловка. *(Работнику)*. А ну, кати сюда бочонок шипучей пенистой Мурловки негодяй! И Стиксвейну, - слышал, боров ты этакий? У меня от работы уже в глазах зеленеет, а он - стоит тут - толстеет прямо на виду у меня-старика! Эх! Сейчас, господа моряки, всё принесём.

Уходит с Работником, который вскоре возвращается и обслуживает гостей.

ПЕРВЫЙ ПИРАТ *(Рыжему)*. Фор-бом-брамсель! Это ты? Слушай, а я всё думаю про наш разговор. Слышь? Никогда я не поверю, что ты шпагоглотателем был.

РЫЖИЙ. А я заявляю, что был!

ПЕРВЫЙ ПИРАТ. Шпагоглотатели - они стройные. А ты с твоим корпусом и обшивкой способен проглотить... ну, разве что кривой турецкий ятаган.

Корсар вдали хихикает.

РЫЖИЙ. Можешь не верить, но не дальше, как сейчас я проглотил очень прямую шпагу одного испанца. «Моя шпага! Моя честь! Отдай, - кричит, - мою шпагу!» А я... я, может, и отдал бы. У меня сердце доброе, мне не жалко. Но уже ничего не могу поделывать - проглотил!

ВТОРОЙ ПИРАТ. Ахтерштевень! Это надо же так завраться!

РЫЖИЙ. Какая мне польза - врать? Ну вот какая? Неужели бы я не соврал, если бы от этого польза была?

КАПИТАН (*перебивая*). Джентльмены!

ПЕРВЫЙ ПИРАТ. Этакую шкиперболу отколоть! Если бы ты проглотил её, зачем же она тебя не выпрямила?

КАПИТАН (*оставая между ними*). Клянусь брештуком... Пора брасовать реи, ребята, так как цель уже всю выбрали!

ТРЕТИЙ ПИРАТ. Но, капитан...

КАПИТАН. Нишкни, Франсуа! Не засти, Джонатан! Не перечьте вы своему капитану, прославленному в боях! И ты, Дик, не лезь ты впереди всех по знакомству в пекло! (*Работнику*). Эй, кавалер, что делаешь?

РАБОТНИК. Отбивные для вашей милости.

КАПИТАН. Стукни-ка ещё около самого моего уха! Из самого отбивную сделаю! (*Раскат грома, заменяющий в устах Капитана площадное ругательство*). Так вот. Знал я одного шпагоглотателя, джентльмены, и ничего дурного о нём сказать не могу. Зачем говорить дурное и неделикатное?

Возвращается Веста.

ВЕСТА.... Нет. Никакого там выхода нет! Трактир же так велик, что можно, кажется, не выходя из дома, избродяжить-ся! (*Садится в стороне и тайком наблюдает собравшихся*).

Они опять мне заслоняют дверь!..

Когда ж их ужин кончится теперь?

Но... в блюдах перерыв гостям не нужен:

У них обед - из завтрака растёт

И - постепенно - переходит... в ужин!

А ужин - снова завтрак перейдёт...

И так далее - без конца!

КАПИТАН (*запив съестное*). Нет! Клеветать на человека за его спиной - это ведь самое худшее и распоследнее дело! Ну для чего, для чего бы я стал на того шпагоглотателя наговаривать? Если шпагу он проглатывал честно и всю без остатка? Но перед тем...

ПИРАТЫ.... перед тем?

КАПИТАН.... перед тем он девять месяцев жульнически отмачивал её в тёплом парном молоке! (*Пираты, вскочив, хватаются за оружие*). Спокойно, джентльмены!

ВЕСТА. А самое страшное - это если я включённую плитку оставила! Кастрюля небось уже отделилась от кипятка... - ой, что я говорю?! Спросить у близлежащего?.. (*Мимоползущему*). Будьте любезны, не укажете ли вы мне на дверь? То есть...

ПИРАТЫ (*обретая дар речи*). Отмачивал? В молоке?! Шпагу?!!

КАПИТАН. Выграви меня до жвака-галса, Дик, но твой капитан снова скажет: отмачивал. А ведь народ верил ему, шёл смотреть... Все надеялись, что он её в самом деле проглотит. Такою, какой создала её Матерь-природа. А он... (*Раскат грома из раскрытого рта Капитана и по небольшому раскатицу из уст его собеседников*). О, бак, полу-бак и подлегарс! Кому верить, ребята, после этого? За кем идти?

РЫЖИЙ (*подлаживаясь*). За тобой и пойдём, капитан!

КАПИТАН (*подходя к Работнику, который до тех пор стучал тише, но забылся в громе, приставляет к его лбу револьвер*). Стучни-ка, стучни погромче. Ну? Чего же ты не стучишь?

РАБОТНИК. Перед дулом передумал.

КАПИТАН. Зря! (*Раскат грома*). А то подвесил бы тебя влянуться на крюк под потолочной балкой! (*Возвращаясь к Пиратам*). Да... Со стороны шпагоглотальщика то был дурной, нехороший и некрасивый поступок, джентльмены. Увы. Ну, что ж, пойдёмте, обновим новую колоду карт... (*Вздыхает*).

РЫЖИЙ (*увязываясь за пиратами*). Ну, пойдём, капитан, пойдём - обновим новую колоду географических карт!

Уходят - Капитан, пираты и Рыжий. Веста, вернувшись по новому кругу, видит Бойкого Матроса.

ВЕСТА (*в раздумьи*). Спросить или не связываться?

БОЙКИЙ МАТРОС (*расслышав*). Что ж! Спросите, если вопрос весёлый.

ВЕСТА. Как бы мне... выйти отсюда? (*Подходят Боцман и Грузчик. Веста, указывая на Грузчика*). Он был немного навеселе, потому и не пропускал меня... Но сейчас ему, кажется, лучше? Это я спрашиваю про дверь. Дверь на выход.

ГРУЗЧИК. Да ты в уме ль?

БОЦМАН. Да ты в себе ль?

БОЙКИЙ МАТРОС. Или снаружи?

ВЕСТА. Неужели вы сами не видели? Была, была дверь! Ещё на ней вывеска такая... Хлопающая и с картинкой...

БОЦМАН.

Вот безнадёга-то! Вот квёлость клята!

БОЙКИЙ МАТРОС.

Ума - нема, а зауми - палата.

ВЕСТА. Да! Да! - а на вывеске картинка, на которой изображается...

Всеобщий шум.

РАБОТНИК. Позвать хозяина и всё, как есть ему докладывать? (*Бежит и возвращается с Трактирщиком*). Хозяин, а хозяин, а тут вашу вывеску бранят.

ВЕСТА (*примирительно*). Человек, нарисованный там, не совсем... э... трезв... Но... с кем не бывает? Со всяким может случиться!

ТРАКТИРЩИК (*Работнику*). Делом займись, мошенник! (*Поглядев на отбивные*). Ты отбиваешь их так, словно боишься сделать им больно. Небось не запищат! Отбивай шибче, а не то я, старик, тебе такую затрепину дать могу!..

Все молчат. С неизменным своим полотенцем на руке, Трактирщик тайком изучает Весту в лицо. Работник стучит громче, поглядывая на Трактирщика. Возвращается за своим плащом Капитан, - Работник стучит еле слышно. Капитан уходит, - Работник стучит во всю мочь. Капитан возвращается за шляпой, - Работник стучит еле слышно. Трактирщик и Капитан случайно сталкиваются возле Работника и тот вовсе запутывается: стучит то беззвучно, то громоподобно, создавая небывалые ритмы, и вдруг пускается в дикую пляску.

ТРАКТИРЩИК (*подкрадываясь к Весте*). Ну-с? И кто же, - кто намалёван на моей вывеске, голубушка?

ВЕСТА (*смешавшись*). ...на которой намалёван молодой, красивый, добродетельный, обязательный, стойкий и самоотверженный человек! С кем не бывает? Со всяким может случиться...

ТРАКТИРЩИК. А я слышал, тут кому-то не по нутру пришёлся человек на вывеске? А? Он сам и его манера держаться?

ВЕСТА. Что вы! Что вы! Манеры у него - хоть куда! Сразу видно, что на его воспитание были брошены несметные силы... то есть... это очень воспитанный человек, и... и даже способный на жертвы! Если не ошибаюсь, если понадобится и если его

заставить... То есть... *(совсем запутавшись и отчаявшись)* - он даже точно способен на жертвы. Сам! От собственного лица!

Через сцену проводят лошадь.

ТРАКТИРЩИК. Ну что же, милочка? Ежели вы так нашей вывеской довольны, то и я рад, рад... Одно непонятно мне, старику: об чём вообще толк?

ВЕСТА *(с новой решимостью)*. Господин сударь! Я помянула человека на вывеске потому, что толкую про вывеску. А толкую про вывеску потому, что спрашиваю про дверь. *(Всякий раз при слове «дверь» весь трактир дружно вздрагивает. Подскакивают даже силуэтные фигуры вдали, хотя им-то, вроде, и не должно быть оттуда слышно)*. А про дверь я спрашиваю потому, что намерена выйти отсюда!

ТРАКТИРЩИК *(выхватив нож, но тут же сделав вид, будто взял его так, повернуть)*. Вот это и есть самое непонятное место в вашем разговоре!

БОЦМАН. Поди-пойми: зачем ей нужны выкрутасы, когда существуют простые слова...

ВЕСТА. А если, хозяин, это такая дверь, что войти можно, а выйти нельзя, - что ж, - я согласна выйти и в любую другую. Даже если на ней нарисован не такой самоотверженный человек! Даже если он вообще ничем не жертвует! *(В отчаянии)*. И даже если он вовсе не нарисован! Совсем! Ни на чём! Всё равно я должна любым способом попасть к себе домой. Мне, видите ли, звонили. Да и сейчас, кажется... *(Прислушиваясь)*. Да, да! Хотя уже много тише... Судите сами, хозяин! Не могу же я держать людей так долго на лестнице!

ТРАКТИРЩИК. Гм...

ВЕСТА. Теперь зима...

ТРАКТИРЩИК *(подмигнув окружающим)*. Разберитесь тут с ней! А у меня от её слов уже в глазах зеленеет...

Бежит к возвращающимся пиратам, а в это время Боцман и Грузчик берут Весту под руки.

ВЕСТА. Отпустите меня! Что вам нужно?

БОЦМАН. Ничего особенного. Это мы тебя просто под стражу взяли. *(Пираты переищёптываются)*.

КАПИТАН *(Питеру Галантному)*. Иди лучше - ты. В тебе есть эта галантерейность в обхождении с их сестрой... Флибустьеры, не замай! - что в переводе на язык Московии значит «В долг не занимай». Эй, куда вы её ведёте?

ПИТЕР ГАЛАНТНЫЙ (*прищурившись приближается к Весте*). А на Борнэо, знаешь ли, мы видели и похлеще... Но и те не задирали нос перед нами: Вот ты идёшь, - не то сама по себе, не то с дружками, - будто ничего и не случилось на свете, (*подбочениваясь*) промежду тем, как мы только что с Мадагаскара!

ВЕСТА. Ах, оставьте вы меня! Слышите?! (*С плачем*). Господи, как я несчастна!

ПИТЕР ГАЛАНТНЫЙ. Что это с ней?

Конвоиры Весты вместо ответа крутят пальцами возле лбов. Работник за отбивными следует их примеру. Трактирщик, проходя мимо и заметив жесты Работника, даёт ему подзатыльник. Тот крутит пальцем теперь уже тайком от хозяина. Крутящих пальцами всё прибывает. Этим же заняты и далёкие силуэты. Входят двое Официантов.

ПЕРВЫЙ ОФИЦИАНТ (*Второму*). Подержи-ка, Павлуша, поднос, а я - пальцем у лба покручу.

ВТОРОЙ ОФИЦИАНТ. Ну, давай! - что делать... (*Принимая поднос*). А потом - опять - я... (*Несколько раз обменявшись этими обязанностями, в промежутках обслуживают посетителей*).

ПЕРВЫЙ ОФИЦИАНТ: Нельзя отставать от времени...

ВТОРОЙ ОФИЦИАНТ: Правильно. Куда все, туда и мы...

Уходят. От крутящихся пальцев в воздухе устанавливается сплошное мелькание, вроде вентиляции. Музыка. То пускаясь рысцой, то притормаживая, все танцуют вокруг Весты. И, - смотря по ритмам, которые задаёт всем Работник - крутят пальцами, то степенно, то с непостижимой уму быстротой. Соответственно - меняется и мелодия. По замедленному сначала выходу, а затем - всё ускоряющемуся темпу здесь была бы уместна «Цыганочка» переходящая где-то и в «Эх, яблочко».

БОЦМАН (*проходя мимо Питера в танце и, как «цыганочка», трепеща плечами*). У ней, видишь ли, не все дома... Она, - как бы это выразиться, ненормальная... (*Ускакав и возвращаясь по кругу*). Прицепилась давеча, как репей, к нашему хозяину (*делает па*) и никак не даёт ему никакого житья. (*Приседает*). То хвалит его вывеску, (*поворачивается в танце*) то ругает словами, почти неприличными...

ПИТЕР ГАЛАНТНЫЙ. А какими словами? Какими словами ругает? (*Видя что Боцман опять ускользнул и несётся далече*). Тьфу!

БОЦМАН (*внезапно появляясь перед ним и отбивая чечётку*).

Но это бы ещё ничего... Под конец такое сказала, что я, - как сейчас помню, - аж зашатался...

По сцене проводят лошадь.

ПИТЕР ГАЛАНТНЫЙ. А что она сказала под конец?

БОЦМАН (*снова умчав и вновь появляясь*). Брось ты её, слышь! Или не видишь? - в ней разума нет! Пускай она поэтому идёт куда хочет...

БОЙКИЙ МАТРОС (*проходя мимо Питера Галантного в общем танце*). Действительно, лучше отпустить барышню. Танцуй и рассуждая, мы пришли к такому решению, потому что искусство смягчает сердца. Я у писателя у одного читал: «развлекайся, поучая». Но не в себе она, парень.

ПИТЕР ГАЛАНТНЫЙ (*Боцману, преграждая ему путь*). А с другой стороны, если раскласть вещи по местам, то при чём тут разум? Кто и когда - за всю историю человечества - требовал от бабы ума?

ВСЕ ВМЕСТЕ (*вдруг останавливаясь*). Никто!

БОЦМАН. Ну это - как сказать. А для меня мысль, что она - шальная, стоит на первом месте. (*Снова пускается в пляс, не в силах противостоять новым африканским ритмам, рвущимся из-под руки Работника*).

ПИТЕР ГАЛАНТНЫЙ (*начиная подтанцовывать ему, дабы не упустить его из виду*). А что она сказала под конец?

БОЦМАН (*останавливаясь, устало*). Есть люди: прилипнут - не отдерёшь.

ПИТЕР ГАЛАНТНЫЙ. А что она сказала? Под конец?

БОЦМАН. Спроси у ней самой. Вот ведь-ведь они - перед народом. (*Музыка смолкает. Сидя на стуле посреди этого столпотворения, Веста плачет в большой носовой платок*). А у меня язык не поворачивается для повторения её слов.

БОЙКИЙ МАТРОС. Если на то пошло - вопросов много... Зачем на барышне фартук, если она здесь не служит? И зачем он приколот булавкой в добрую треть морской мили длиной? Тоже ведь - из проклятых вопросов, ещё не решённых наукой... Спрашиваете, что она сказала? Эх, братишка! Она сказала то, что честный моряк не может повторить не краснея. И даже краснея - не может повторить.

ГРУЗЧИК (*выступая вперёд*). А так же не может повторить этого честный Грузчик. Без того, чтобы его пот не прошиб.

ПИТЕР ГАЛАНТНЫЙ (*назойливо*). А ты перешагни через пот.

ГРУЗЧИК. Не в силах я и через пот переступить.

ПИТЕР ГАЛАНТНЫЙ. Тогда... нет ли здесь извозчика? Или сапожника? Чтобы они повторили? (*Два человека, - один с шилом*

и представительным мотком дратвы, другой с кнутом, встают и, крадучись, ретируются). И если это те слова которые извозчик говорит лошадам, а сапожник - заказчикам... (*Заметив спины убегающих Сапожника и Извозчика за которым волочится кнут*). Гром и молния!

БОЦМАН (*не поспевая за событиями*). Но и они не возьмутся произнести...

ПИТЕР ГАЛАНТНЫЙ. Какие вы тут все, однако, аристократы! А ещё моряки... У нас на корабле, например, нет таких слов, которые нельзя повторить во всякое время суток и при любой погоде...

Веста засыпает. От далёкого стола, за которым он об-суждал что-то с Трактирщиком, идёт Капитан.

КАПИТАН. Что здесь такое? Из-за чего столько шуму, не подходящего к случаю? Что такого особенного произнесла эта бабёнка?

НЕКОТОРЫЕ. О! И не настаивай, капитан! Она сказала... Она промолвила... У неё вырвалось...

БОЙКИЙ МАТРОС (*и ещё несколько человек, решившись*). Она спросила: где тут дверь и как ей выйти из трактира.

Грузчик падает в обморок. Пираты хватаются за оружие. Капитан извлекает из-под камзола вымпел «Чёрного Роджера» и вытирает им пот с лица. Остальные Пираты, ставши в ряд, развёртывают знамя дальше и тоже вытирают им лица. Работник, пробегая мимо, пользуется «Роджером» как носовым платком. Пираты, не заметив подлога, аккуратно свёртывают знамя. Печальная музыка. Все задумчиво разбредаются. Веста спит, сидя на стуле. Работник бежит дальше и сталкивается с Трактирщиком.

ТРАКТИРЩИК. Чего ты, оглашенный? Всё равно как комета, летишь, предвещая неурожайный год! Нет! Скоро они сведут меня с ума в могилу! (*Работник понатливо крутит пальцем у лба*). Че-го-о? Так ты ещё с дерзостями?! (*Вглядываясь*). Уж не сошёл ли ты, часом с ума, братец?

РАБОТНИК (*твёрдо*). Сошёл. (*Указывая на уходящего Капитана*). И это, знаете ли, как раз его работа. И ведь как он старался меня доконать! Хи-хи... А я возьми да и свихнись! И с тех пор я всё равно как ненормальный! Смотрю вот на тебя - и ничего не понимаю в действительной жизни...

ТРАКТИРЩИК. Вот как? Так, стало быть, ты отказываешься понимать простую человеческую речь, сынок?

РАБОТНИК. Отказываюсь, дедушка.

ТРАКТИРЩИК. Так, стало быть, ты и от места теперь от-

казываешься? И от службы, сынок? И от получки?

РАБОТНИК. Нет. От службы я, как ни странно, не отказываюсь. Потому что ты, хоть я и сошёл с ума, но не настолько, чтобы получку возненавидеть.

ТРАКТИРЩИК. Ну, значит ты не так плох, как представилось тебе спервоначала. Ступай за мной-стариком!

Трактирщик и Работник уходят.

ВЕСТА (*одна, просыпаясь*). Гм... Что такое? Их прямо как током подбрасывает, когда я спрашиваю про двери! Неужели ходьба через окна до такой степени вошла у них в привычку? А что - попытаться и мне?! (*Обходит сцену*). Да нет, здесь и окон не видно... О! Вот мысль! А нет ли здесь какого-нибудь лаза? (*Приподнимает скатерть одного из столов. Из-под стола на неё глядит человек. Веста, оторопев*). З...здравствуйте...

ЧЕЛОВЕК (*хрипло*). Джим Форгетфул. Золотоискатель из Клондайка. Спившийся и разорившийся. Но... Джим знает выход.

ВЕСТА. О! Где? Покажите!

ДЖИМ ФОРГЕТФУЛ (*вылезает, выволакивает фонарь и зажигает его; остальной свет гаснет*). Каковы обстоятельства жизни Джима? Что ж... Родился. Вырос. А там... Девять недель валялся он в «золотой» лихорадке. Не здесь, - далеко отсюда. А когда Джим окреп и стал на свои ноги, он плюнул и подумал, что на свете есть вещи и позолотей золотого песка и есть ещё даль дальше той дали, где лежат самородки. (Сгореть бы им на сковородке!..)

ВЕСТА. Не зря мне подсказывало чутьё, что есть и такие люди, как вы, Джим! Но не думала, что увижу их так скоро и так...

ДЖИМ ФОРГЕТФУЛ (*глянув под стол*). ...и так близко? Ну-ну... Однако же - скорее, мисс! Так и быть, я выведу вас через тайный ход. (*Открывает люк в полу*). Скорее, мисс, пока нет погоня!..

ВЕСТА (*заглядывает в люк со страхом*). Там очень глубоко?

ДЖИМ ФОРГЕТФУЛ. Глубина немалая и тьма небывалая. Но с вами Джим и вот этот фонарь. Споём?

ВЕСТА. Оттуда так и тянет холодом по ногам... Там что-то шумит! Песен-то я не помню.

ДЖИМ ФОРГЕТФУЛ. Э! Вот что легче лёгкого и проще простого! Знай-повторяй за мной!.. (*Поёт*).

Джим! Джим! Джим!

Чем ты одержим?

Плечи понурены, брови нахмурены,

Взор твой недвижим!

Если покой

Здесь недостижим,

ВЕСТА и **ДЖИМ ФОРГЕТФУЛ** (*вместе*).

Что же делать? Ну что же делать?

Ну хочешь, убежим?

Спускаются в люк. На опустевшей сцене темно. Но стихающую под полом песню подхватывает невидимый, однако мощный хор, звучащий как бы из стен:

Джим! Джим! Джим!

Хочешь - убежим?

Горной тропой, - а коней нам с тобой

Раздобудет знакомый ковбой...

В полу открывается другой люк, из него ударяет свет. Наверх выходит Веста. Фонарь теперь держит она. За ней - Джим Форгетфул, толкая бочонок перед собой и завершая гаснущую в стенах песню.

ДЖИМ ФОРГЕТФУЛ.

Всё не туда,

Всегда не в ту даль

Многие стремятся,

И Джим - он тоже такой.

ВЕСТА. Где мы? Спустились мы у правой ножки стола, а вышли у левой. И это всё?!

ДЖИМ ФОРГЕТФУЛ (*усевшись на бочонок*). Земля кругла - не ищи на ней угла. Мореходы и скороходы! Затраты, заплаты, раны и рваные снасти... И все страсти Господни, которыми грозитя дорога... А всё - ради той точки, из которой домосед сразу догадался никогда в жизни и не вылазить. Сиди и не вертись! Земля кругла и вертится за всех.

ВЕСТА. Джим! Но вы обещали показать мне выход отсюда!

ДЖИМ ФОРГЕТФУЛ. Я и сам думал - тут выход есть... Но я попал пальцем не в то небо, мисс, не в то небо...

ВЕСТА. В небо, да ещё не в то?! Но... что это? (*Вдали встывает очаг. С двух его сторон - силуэтно - являются двое, прямые и стройные. Подбоченясь и вскинув головы, они трубят в два турьих рога*). О! Что́ они трубят? Сюда не долетает ни звука, но они трубачи и они что-то знают! Трубачи не могут чего-то не знать... Я пойду туда... У них я узнаю про дверь! И тогда, Джим... - прощайте, Джим... - Я постараюсь вернуться за вами!

Бежит к трубачам. Те исчезают. Очаг гаснет. Теперь не видно и Весты.

ДЖИМ ФОРГЕТФУЛ (*один*). Джим Форгетфул. Родился.

Вырос. Больше того: с ним можно разговаривать про двери! (*Уходит, укатывая бочонок*).

Вежливо уступив дорогу «транспорту», входит Скит. Он в ярком шарфе и с тростью. Заметно оваян далью.

СКИТ. Время идёт, а в составе экспедиции всё ещё - один только я. Гм... Удастся ли мне завербовать кого-нибудь... здесь? (*Кричит*). Хозяин! (*Ходит по сцене*). Эти места наводят на грустные мысли... Хозяин!

Входит Трактирщик.

ТРАКТИРЩИК. Это вы кричали? (*В глубокой задумчивости, Скит не видит и не слышит*). Чего изволите, господин проезжающий? (*Скит сидит, закрыв глаза. Трактирщик - с тем же криком поклоном*). Чего изволите, госпо...

СКИТ (*вскочив, роняет стул*). А! Это - ты! Вот - ты! Да!..

ТРАКТИРЩИК (*выхватив нож и оцетиниваясь*). Ну? Так что же из этого? (*Пауза. Как ни в чём не бывало*). Студёная ночь... Пойти развести огонь. С холода - присоветовал бы вам стакан шипучей...

СКИТ. Нет. Мне - воды. (*Трактирщик уходит*). Если «исти-на» и «в вине», так в добром, виноградном. Но только уж никак не в самогоне.

Входит Работник и, покручивая пальцем у лба, обслуживает Скита.

РАБОТНИК. А вы не заметили, что у меня хозяин чудной какой-то? (*Не дождавшись ответа, так как Скит снова задумался*). Слишком прямой: не говорит, а думает вслух.

СКИТ. Да, но вслух он думает не то, что думает про себя.

РАБОТНИК. Значит, сударь, он должен бояться пожара. Ночью выбежит, - верхние мысли на нижние надеть не успеет. (*Вновь не получив ответа, Работник выходит. Входит Рыжий, но Скит не видит. Зубы его стучат о стакан. Проливает воду. С трудом берёт себя в руки*).

РЫЖИЙ (*наблюдая за ним*). Мы, господин приезжий, пьём то, что нам дают. А чего нам не дают, так того мы обычно не пьём. Не завели ещё такой привычки.

СКИТ. И напрасно! Грех отказываться от того, чего и так не существует. Это только удваивает порцию небытия.

Вбегают Испанец.

ИСПАНЕЦ (*Рыжему*). Ты ответишь мне за это, наглец!

РЫЖИЙ. А! Это опять ты? Слушай, как ты можешь ещё рассуждать, если я тебя обезоружил?

ИСПАНЕЦ. Святая Мария! Верни шпагу, мерзавец!

РЫЖИЙ. Поговори.

Схватываются. Скит наблюдает. Рыжий сваливает Испанца и садится на нём верхом.

РЫЖИЙ. Вот так. Что? Тебе и теперь требуется шпага?

ИСПАНЕЦ. Будь проклят!

Через сцену проводят лошадь.

РЫЖИЙ. Ну, что ж. Тогда я буду сидеть на тебе, пока твои взгляды в корне не переменятся.

СКИТ (*в сторону*). Ну-ка, а что сейчас думает этот испанец?

Встав, подкидывает и ловит свою трость. Начинают звучать гитара и кастаньеты. Слышится - из стен - голос Испанца, как бы поющий.

ГОЛОС ИСПАНЦА:

Дон Алонсо де Гутьеррес *

Говорил меньшому брату:

«Лишь тебе, мой брат любимый,

Тайну сердца я открою:

Как во храм пойдёт Пресьоса,

Потупляя очи долу, -

Ах, как жарко сердце бьётся,

Как стремится вслед за нею!»

СКИТ. Ба! Да он сочиняет! В его-то обстоятельствах! Не сдаётся, не унывает, презирает грубую силу! А ведь такие-то люди и нужны мне... Решено! (*Подходя к Рыжему*). Слушай, любезный! На нём нельзя сидеть, - он поэт. (*Пауза*). Хотя нельзя, конечно, сидеть и на прозаике. И, - в скобках говоря, - ни на каком другом человеке.

РЫЖИЙ. Слыхал я: чем хуже сочинителю живётся, тем лучше ему поётся. Стало быть, жертвуя собой и своим временем, я помогаю ему в рассуждении уполона.

СКИТ. Может быть, Аполлона?

РЫЖИЙ. Может быть, и его тоже... В какой-то степени... Однако чего ты, скажи на милость, ко мне привязался? Без тебя тут было так хорошо и свободно, ощущался уют... А с твоим приходом всю безмятежность как рукой сняло. Отстань, прошу добром! Если я и поступаю в чём-то на твой глаз неправильно,

* - В другом варианте - Дон Хосе де Мосэнергос (Н.М.)

то согласишься, это всё-таки чисто моё, а не твоё дело.

СКИТ (с восхищением). Какая великолепная ошибка! Вот на таких-то и надо учиться! А мы-то обучаемся - на таких жалостных и невзрачных... Не моих дел, видишь ли, на свете не бывает. Все дела, - сколько их есть, - мои!

(К залу).

Как доктор прав, как врач и как психолог,
Приподымаю тайны тёмный полог;
Как сплетница у скважины замочной,
Как вещий дух над бездной мировой,
Обозреваю очный мир, заочный,
Потусторонний, здешний, свой, не свой...
О, слишком часто лень меня брала!
Но все дела, - как есть, - мои дела.
Исчезнуть бы, в поток забвенья канув,
Или включиться в дело великанов,
Но мне судьба, к несчастью, привела
Соваться в каждодневные дела
Не только звёзд, миров и зодиаков,
Но... блох прыгучих, змей, лягушек, раков;
Не только блох, лягушек, раков, змей,

(Рыжему).

Но и в твои, безмозглый дуралей!
РЫЖИЙ.

Ступай, прохожий! Не усугубляй
Ненужной речью сложность обстановки.
Оставь меня! Души моей покоя
Не оскорбляй жестоким словопренъем,
Не унижай, не рань мой бедный слух
Словами очернительства и злобы...
И без того наш мир несовершенен:
Кругом алчба, вражда, несправедливость,
Безнравственность... А тут ещё и ты!
Тебя нам только тут и не хватало.
Ступай, прохожий. Не усугубляй.

Сочиняющий голос Испанца продолжает звучать.

ГОЛОС ИСПАНЦА.

...А люблюсь я Пресьосой,
Сердца пыл сдержав смиренно,
Как поэт и как влюблённый...

СКИТ (*в сторону*).

Что ж? Потревожить духов? На того,
Кто стоит порки, - тратить волшебство?
Кто магию учил для этой цели?
Но не терпеть же скотство, в самом деле!
По шее, разве, дать ему разок?
Но... для меня бы это означало -
Постигнуть всё - и... вновь начать с азов!
Сначала. Но не с лучшего начала...

РЫЖИЙ. Что у вас там за интеллигентское самокопание, когда человек в беде? Дайте мне один золотой дукат и я окажусь удивительно далеко от этих мест... Мне, может, и самому опостылело сидеть на этом жёстком человеке.

СКИТ.

Фея Мелузина!
Фея Бериллона!
Ведьма не ораторша, -
Ступка не трибуна.
Раз, два, три, -
Сухари!

Рыжий кубарем укатывается за кулисы.

ИСПАНЕЦ (*подымаясь*). Благородный сеньёр! До конца дней не забуду я вашу услугу! Но увы! Моя шпага... Богом клянусь, он отдаст мне её! (*Хочет бежать*).

СКИТ (*достав шпагу из трости*). Вот она. Я знал, что она вам ещё пригодится.

ИСПАНЕЦ (*склоняясь перед ним*). О! Благодарю, сеньёр мой! Вы истинный волшебник! И потому - остерегайтесь ехать сейчас в Испанию, - на вас донесут!..

СКИТ. Я, правда, не собираюсь в Испанию, но от другой угрозы не застрахован. Словом... почему не признаться сразу? - не хочешь ли ты войти в мою экспедицию? (*Пауза*). Это экспедиция по выявлению действительного в недействительном.

ИСПАНЕЦ. Но... достойный сеньёр... Я ненавижу чародейство! Оно противно Богу и природе!

СКИТ (*в сторону*). На пять, кажется, столетий - моложе меня! Да, именно моложе, а не старше. А я - изволь выслушивать его детские наставления! Но... сколько ещё веков протечёт, пока мне снова встретится тот, кто, видимо, никогда не лжёт и ничего не боится? К тому же... не будь он так похож на моего бедного брата... (*Испанию*). Выслушай меня внимательно! Экспедиция по выявлению действительного в недействительном, а не наоборот! И, стало быть, это не колдовство, а против кол-

довства. Понимаешь? И здесь, естественно, мне требуется экипаж из самых доблестных и честных.

ИСПАНЕЦ. Сеньёр, мне очень лестно, но я, право, не самый доблестный из людей. И я так спешу в Толедо! При мне - письмо с королевской печатью, и я обязан вручить его не позднее воскресенья!

СКИТ. Воскресенье? Гм... Можно и отодвинуть.

ИСПАНЕЦ (*не поняв*). Воскресенье отсрочить?! Но, сеньёр! Воскресенье - святой день! С ним недозволительно обращаться так вольно!

СКИТ (*в сторону*).

Я понят ложно? Нүжды нет...

(*Испанцу*).

И это говорит - поэт?!
Поэту время - не закон!
Что для поэта день воскресный,
Когда веками движет он,
А в календарь не смотрит пресный?
Он сам отменит век железный
И сам назначит - золотой...

ИСПАНЕЦ.

Четверг - похож на стих чудесный.
Но воскресенье - день святой.
Сеньёр! В кольце недели тесной
Браните вторник прожитой
И понедельник мракобесный.
Но воскресенье - день святой!

СКИТ (*расхохотавшись*). Нет! Этот мальёк мне, положительно, по душе!

ИСПАНЕЦ. Позвольте же, о сеньёр, пожелать вам счастья перед предстоящей мне дальней дорогой.

СКИТ (*вздвгнув*). А! Да. Очень дальней... Хочу сказать - до свидания, Алонсо. Не удивляйся, что, как многое другое, твоё имя известно мне. Счастливым путь! (*Несколько раз поклонившись, Алонсо уходит*). А в Союз Действительных он так и не поверил. (*Кричит*). Стой! (*Алонсо возвращается. Скит - в сторону*). Сказать ему, что здесь выходные двери... не в порядке? И что - даже и ухитришь бы он выйти отсюда... Сказать ему что от его друзей в Толедо - не осталось и костей?... И что бумага с королевской печатью, которую он везёт с собой, не имеет теперь никакого значения? Сказать ему...

АЛОНСО. Сеньёр, я к вашим услугам.

СКИТ. ...что только в Союзе Действительных он будет жив. Его бессмертие за ним не закрепíš иначе. Господи!..

АЛОНСО. Сеньёр, Вы хотели мне что-то сказать?

СКИТ (*так же - в сторону*). Он из другого времени. Но низость - оповещать его об этом. Как примет он такую новость? Сманить его в экспедицию - таким страшным манером?! Превосходство живого над тенью... Тенью? Но, разве... О! Не похоже он так на бедного Инвека...

АЛОНСО (*в сторону*). Право же, он ведёт себя как-то странно...

СКИТ. «Тенью»? Но какова - тень! Какое дневное, здоровое, какое радостное привидение! Какая здравая вера в небо и в добродетель! Перестаёшь понимать: кто же, собственно, в этом мире - мёртвый, а кто - живой.

АЛОНСО. Сеньёр, я, кажется, слышу голос моего проводника! Уж теперь-то я узнаю, куда он отвёл мою лошадь! (*Убегает*).

СКИТ (*машинально идёт за ним и возвращается, ходит большими шагами*). ...И вообще - нет хуже, когда кто-нибудь подчиняется волшебству! А почему, - думаешь, - почему к тому же самому, друг, не пришёл ты по доброй воле? Почему любой пустяк должен слетать к тебе с неба на крыльях? В качестве великого откровения? Что говорить! Из века в век строятся и громоздятся блистательные философские системы. Рождаются, действуют и запропадают мыслители, равные почти божествам. Восходят, горят и заходят - слепящие глаз - дарования... Подобные звёздам и солнцам... А ведь всё для того только, чтобы доказать миру, что собаку-то бездомную пинать - грешно... Но и после этого в воздухе ещё носится сомнение...

Занавес

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

На тёмно-синем занавесе слова, составленные из ночных звёзд: «Продолжение сна. Ночь вторая». Входит Веста. Медленно идёт по авансцене.

ГОЛОС.

Всё неясное днём разъяснилось.
Но... стемнело. И снова приснилось,
Что на лестнице гости стоят,
Что идёшь отворять наугад,
Что звонки раздаются тройные,
Сквозняки пробегают дверные,
Слышишь крик: «Отворите скорей!»
Но - не видишь дверей.

Занавес поднимается. Новое место в трактире. Никого. Тесно от бочек, бочонков. В углу - старинный дубовый стол с фигурными ножками. На нём - золочёные кубки, кувшины, чаши. Всё это очень крупно, но еды - никакой. Слабый свет. Веста осматривается.

ВЕСТА.

То звон трубы в ушах моих, то словно звук речей...
А я иду - ищу двоих далёких трубачей.
Пускай подскажут мне: за что я снова заперта?

(Помолчав).

...Пятнадцать капель сон-травы мелькнули мимо рта!
Врач посулила мне простой, без сновидений, сон.
Но медсестрица мне... пустой подсунула флакон!
Недаром эта девушка среди медиков порой
Зовётся Милосердия двоюродной сестрой!

(Снова оглядевшись).

Бочонки... Бочки - ростом с дом! Но, впрочем, я не пью.
Что делать в полночь? Взперти? Дай - песенку спою!

(Сев на бочонок и достав из кармана фартука рукоделье, работает и поёт).

Шумит осенний ветер -
Стучит ко мне в окно.
В руках моих усталых
Игла и полотно...
Судьба его накажет
За то, что я больна,
За то, что мои щёчки
Бледнее полотна.

(Отрываясь от работы, мечтательно). А хорошая была вещь -
дверь! Бывало - входишь - выходишь... Входишь - выходишь...
Даже не верится! *(Возвращаясь к рукоделью, поёт).*

Проходят богомольцы.
Повсюду скрип телег...
Наверно всем приятно
ступить на первый снег!
Прости его Всевышний...

*Бочонок, на котором сидит Веста внезапно открывае-
тся. Веста падает, а из бочонка появляется Незнакомец в
сером трико.*

НЕЗНАКОМЕЦ. Изъиди!

ВЕСТА *(вставая с пола).* Что?

НЕЗНАКОМЕЦ. Изъиди! Сгинь! Рассыпья, анафемское
видение!

ВЕСТА. Но... Вы с кем-то меня, по-моему, путаете?

НЕЗНАКОМЕЦ. Ад и серость! Ведь все кости мне чуть не
выломала, когда кощунственно ругалась, сидя на моём бочон-
ке! О-о-о, какая боль, какая боль ужасная! Ведь я теперь нико-
гда, - слышишь? - никогда, - (чтоб тебя скрючило!) - никогда,
(чтоб тебя перекособочило!) - не излечусь, не исцелюсь и не
выправлюсь! Ведь до скончания дней!

ВЕСТА. А-а! Вы сидели в этом бочонке, как... хорошая взрыв-
ная волна... Но... как я могла нанести вам неудобство, если до
сих пор вы так хорошо умещались в нём, сударь?

НЕЗНАКОМЕЦ. Ты мне причинила боль не физическую,
нет, не физическую. Но, как сказал бы один мой... гм... при-
ятель, - кости мой мозжит морально, рога ноют нравственно,
копыта ломит - **этически**, челостя сводит **философически**, а скулы
гудут... просто так.

ВЕСТА. Да что я вам сделала?!

НЕЗНАКОМЕЦ. О, идеалы мои! Ты втоптала их в грязь! Но
ты, знаешь ли, не оригинальна; ты здесь далеко не первая с тво-
ими занудливыми попевками... Ведь давеча... Как тут грянет один

гишпанец, - ну тоже - чисто басурманскую вещь! - так мне даже... в этот вот, понимаешь, бочонок забиться пришлось... И...

ВЕСТА. ...и подслушивать? Кто вас научил подслушивать?

НЕЗНАКОМЕЦ. Я самоучка. Самородок во всём! При том, что у меня, голубушка, - университетское образование. Но... не сбивай меня, не сбивай! Разве не ты, анафема, допекла меня сейчас так, что заставила... аж перевернуться в моём бочонке? Так перевёртывается в гробнице своей великий поэт, когда на земле искажают его прекрасную идею. И если...

ВЕСТА (*перебивая*). Что у вас тут за порядки?! Заговоришь про нарисованного человека в зелёной шляпе, - как тут же - весь трактир передёрнет! - словно это не его собственная дверная вывеска, - а моя! А запоёшь... Ну, что? Недурная старинная песня! Зина мне её даже специально в тетрадку переписала. А я, может быть, и всего-то одну песню знаю, и ту мне здесь выучить не дадут!

НЕЗНАКОМЕЦ. Ах, ты... Кха... Аж в глотке пересохло... (*Берёт со стола блестящий полуведёрный призе́рский кубок и ставит рядом с появившейся четвертинкой*). Фиал и четвертинка! Четвертинка Фортуната; гляди, - сама ниже «рюмочки», а льётся без конца... Ладно! Я отходчив. Я не злопамятен. Прощу-с!

ВЕСТА. Но я не пью.

НЕЗНАКОМЕЦ. Начинается! Ладно: я стану пить, а ты закусывай.

ВЕСТА. Чем?

НЕЗНАКОМЕЦ. А вот мы сейчас пошарим!.. (*Нырнув в одну из бочек и достав оттуда - с самого дна - огурец, подаёт Весте*). На! Никаких денег! Я угощаю!

ВЕСТА. Огурцу-то, наверно, лет девяносто...

НЕЗНАКОМЕЦ. Тем более надо его уважать. И вообще старших слушаться... (*Хлебнув и скорчив рожу*). Да закусывай же, закусывай! Не видишь - пью?! (*Веста надкусывает огурец*). ...И вообще, я говорю, старших слушаться... (*Снова хлебнув, поёт*).

Гляжу, как нормальный, на белую шаль...

От песенного искусства, голубушка, должна быть польза. Хорошие певцы так и поют, как будто взятки звуками дают. Это умасливает слабую человеческую породу, показывает ей свет впереди... А главное, что это сочно, это вкусно, это пахнет! А что за песня была у тебя?! Что за нечестивые, сарадинские, анафемские звуки? Уж я и молчу о том, до чего оно кошунственно, до чего оно бесчувственно, до чего... до чего, наконец, безграмотно! А главное в том, что это не сочно! Это не вкусно! Это не пахнет!

ВЕСТА (*доев огурец*). Безграмотно? С вашим высшим образованием я не сидела бы в бочке, как вы. Что ж. Зина тоже вон не считает меня готовой сказать речь в... этом... как его? - в англий-

ском парламенте. Но зато, говорит, у тебя есть рассудительность. «Некоторая». Ты, говорит, только по хозяйству остроумная, (хотя тоже не часто). Пусть. Но я не такая тёмная помпадур, как считаете все вы! Пусть я только домохозяйка, но зато... Зато я носью книг прочтала! Восемь книг! Считая с газетами и с журнальной рубрикой... рубрикой «Осмысленное - рядом» - даже больше! И нечего кричать на меня! Я, может быть, здесь и сижу-то с вами для того, чтобы вы от меня отстали. (А где находится сейчас другой способ - не знаю). И я знаю даже слово «корсар», что, согласитесь, не каждому по плечу - и нечего так усмехаться! Мой ум, конечно, не получил в своё время достаточного развития... Но зато у меня память хорошая! А хорошая память это как раз когда ничего не помнишь; никаких, то есть, гадостей и обид... А помнишь только своё прекрасное восьмикнижие! С такими, например, названиями, как... Ой, дай Бог памяти... «Спартак»... «Аленький цветочек»... «Любовь сразу к трём апельсинам»... «Сказка о царе-султানে»... Про пиратов... - как же называлась про пиратов?! Забыла! Зато вот ещё! - «Женитьба фигова»!

НЕЗНАКОМЕЦ. Браво - брависсимо! Фигово здесь, фигово - там...

ВЕСТА. Да; и вот ещё стихи! Как там?.. «В океанской сини, - Между Африкой и мысом Горн...!» Это была бы в моей жизни уже девятая книга, если бы я над ней не заснула.

НЕЗНАКОМЕЦ. У меня нет слов!

ВЕСТА (*встав с бочонка-сидения и, со странным смехом, вдруг покачнувшись*). Подскажите - **каких** слов у вас нет, и я вмиг подскажу вам эти слова.

НЕЗНАКОМЕЦ. Ой! Только не падать! Видала - к чему ведёт отказ от выпивки и закуска натошак?!

ВЕСТА (*сделавшись ещё более странной и покрутив пальцами у виска*). Конечно, я человек тёмный, но уж теперь-то мне ясно, из каких психологически-аномальных экзистенциалистских явлений систематически выстраиваются эмпирико-негативные ассоциации новейшего категорического императива!.. (*Уходит*).

НЕЗНАКОМЕЦ. Ха-ха... Я громоподобно смеюсь! И да здравствует закуска без выпивки! (*Легонько поаплодировав, задумывается*). Мне препятствует волшебник! Мне препятствует испанец! Мне препятствует она! Но огурец она съела... что и требовалось доказать! На здоровье!.. Ой! Кто-то сюда идёт!.. (*Прыгает в бочонок и закрывается в нём*).

Входят Скит и Алонсо.

АЛОНСО. ...Но что за наваждение, сеньёр?! (*Озираясь*). Здесь нет, здесь **точно** нет ни одной двери! О, вы что-то скрываете от меня...

СКИТ.

Алонсо! Ничего я не скрываю,
Но - оставайся! - снова призываю.

Слышится далёкое ржание.

АЛОНСО.

Нет, мне пора! Мой конь, я слышу, ржёт!..

СКИТ (*преграждая ему путь*).

Эх, конь-то - призрачный! Здесь даже эхо лжёт.

АЛОНСО.

Нет! Дайте мне уйти!

(Прислушиваясь к далёкому стуку).

...Чу! - конь мой бьёт копытом!

Скист захватывает из рукавов своей куртки, как плутоватый фокусник, множество разных вещей, и быстро окружает, как бы опутывает ими Алонсо, громоздя преграды.

СКИТ.

Тебя с магическим я ознакомлю быгом.

Ты видишь два плаща? Вот настоящий плащ, -
Вручную выткала его одна старуха.

А этот - фокусником вынут был из уха!

АЛОНСО (*вежливо избавляясь от плаща*).

По виду он прочней...

СКИТ.

Но он - не настоящий!

Стой! Видишь этот хлыст?

АЛОНСО.

Отменная вещица!

СКИТ.

Он сам - действительный, а рукоятка - снится.

АЛОНСО (*останавливаясь*).

Кому?

СКИТ.

Тебе. Мне. Всем. Однако же иной

Действительную вещь от вещи показной

Не в силах отличить. Но ты, как все поэты,

Пришёл не смешивать, а различать предметы.

Я научу тебя - чему ты не учён...

Вот эта книжка - явь, а предисловье - сон...

АЛОНСО (*невольно поражённый*).

Да сгинет Вельзевул! Я, право, как в тумане...

Взяв книгу, незаметно для себя всё глубже входит в круг вещей, представленных Скистом.

СКИТ.

Держись! Действительным, заметь, - неведом страх.
Ты видел, как, сейчас, прошёл на дальнем плане
Реальный человек в приснившихся штанах?

АЛОНСО.

Увы! Действителен, а беден! Чьи же сны
Пошли, как материал, бедняге на штаны?
Неужто сабственные?

СКИТ.

Может, и чужие...

(Подняв руку).

Тут в общий сон слилась разъятая стихия
Единоличных снов!

(Отпуская руку).

И каждый рад душой

Свой сон недосмотреть и заглянуть - в чужой.

АЛОНСО.

Как знать, не снится ли и мне - моя перчатка?

СКИТ.

Быть может, к истине близка твоя догадка...

АЛОНСО.

Сны! Сны! На этих снах и сам я погорал,
Но ведь не всё же - сон? И что вам за победа,
Когда вы скажете, что снится мне Толедо,
Письмо, корона гор, дорога по горам,
Я сам...

СКИТ.

Остановись! Я ничего такого
Покуда не сказал.

АЛОНСО.

Но скажете.

СКИТ.

Опять!

АЛОНСО.

Ах, вот что: на письме фальшивая печать?

СКИТ.

Послушай! Дай хоть слово
Ты мне сказать!
Алонсо! Отличать реальность от мечты -
Кому же, как не мне, - вербовщику реальных
Солдат реальности? О, много снов печальных
Я, всё ж, на вербовал... Но ты, Алонсо, ты, -

(несколько теряя дипломатическую осторожность).

В придуманном плаще, в приснившихся перчатках,
В музейных кружевах и перьях; наконец -
Из предрассудков весь и весь из недостатков, -
Но ты - действительный! Поскольку ты - не лжец!

(В сторону).

По счастью, этих слов он не расслышал! Что ж...

(Зажигает фонарь).

Огонь действителен, когда его зажёшь,
зажжённый свет правдив, о правде повествует...
Гляди, - горит?

АЛОНСО *(выходя из глубокой задумчивости).*

Горит.

СКИТ.

Смотри, - погас?

АЛОНСО.

Погас...

СКИТ.

Погаснув, свет солгал. «Кто лжёт - не существует».

Как только я солгу - я пропаду из глаз.*

АЛОНСО.

А с полуправдой как?

СКИТ.

Следи... Фонарь мигает?

АЛОНСО.

Горит и не горит... Горит - и не горит...

Воистину - то лжёт, то правду говорит!

СКИТ.

Меж правдой и враньём бегом перебегает...

Смотри ж как следует, - покуда этот сон

Между сновидцами ещё не разделён

На маленькие сны... Не видишь ли воочью

Мерцающих людей?

(Всматриваются вглубь сцены).

Толпа вдали бредёт,

Как звёздный хоровод морозной зимней ночью, -

Горит и не горит...

АЛОНСО.

Мерцает!..

СКИТ.

Лжёт - не лжёт.

* - При постановке следует учесть, что «ложь» Скига перед Алонсо - не ложь, а лишь благодетельное умолчание.

АЛОНСО.

Сеньёр... Мне... Я сражён.

СКИТ.

Стой твёрже!

АЛОНСО.

Сердце бьётся...

СКИТ.

Вздор! Взгляд обычный мой тебе передаётся -

И только-то. Представь: я вижу так всегда.

Я вижу сны других - вот в чём моя беда.

АЛОНСО.

Как странно под ногой мерцают эти плиты...

СКИТ.

Стой твёрже! Явь и сон здесь так коварно слиты!

Повсюду плотное с бесплотным пополам;

Вот эта плитка - явь, а эта - снится нам...

Вот это место вброд пройдем, а здесь - едва ли...

Левой... Правей... В обход!

Вот здесь не оступись - плита-водоворот!

А здесь... не поскользись, Алонсо; здесь - нагали.

Пол кренится и качается. Всякие вещи летают, а, на боку лежащие, бочки перекатываются из угла в угол. Смит и Алонсо бредут между «рифами».

АЛОНСО.

Сеньёр! Я не страшусь, - по чести! От души! -

Ни зверя, ни чумы, ни молний страшной смычки,

Но - за один присест увидеть столько лжи...

Меня, как пьяницу, шатает с непривычки.

Зачем я жив? Верней... Зачем живому - ад?..

Не я ли здесь шагал так твёрдо час назад,

Ничем не связанный с потусторонним быгом?!

Из бочонка осторожно выглядывает и снова прячется

Незнакомец.

СКИТ.

Алонсо! Я всегда хожу по этим плитам.

И... что тебе сказать? О нет, я не боюсь,

Но зря подмоги жду...

АЛОНСО.

Сеньёр, я остаюсь!

СКИТ (*Залу*).

Союз действительных прошу считать открытым!

Музыка. Откуда-то падает деревянный брусок. С другой стороны летит швабра. Вбегает Юнга и, по-флотски переваливаясь, держит курс на брусок. За ним, одной рукой вертя у виска, а другую протянув за шваброй, врывается Работник, но, увлечённый танцем, проносится мимо цели. Юнга выкидывает фортели, столь опасные, что Скит, поймав, удерживает его за воротник. Но Юнга и на этой привязи продолжает, гримасничая, плясать, как марионетка. Затем вырывается вдруг из своей куртки, оставив её в руках Скита, меж тем, как Работник, заложив руки за спину и наклонившись движением конькобежца, с развевающимся на плече, как шарф, полотенцем, описывает скользящие восьмёрки вокруг всех троих. Скит же и Алонсо стоят неподвижно. Затем, пятясь, ритмически отступают вглубь сцены, покуда, - так и не выйдя из задумчивости - (Скит - с пустой курткой Юнга в руке) - не исчезают в двух параллельных складках заднего занавеса, как в тумане. Музыка смолкает.

ЮНГА (садясь и принимаясь за обтачивание бруска). Слушай-ка, а с тобой бывает, что на тебя вдруг найдёт?

РАБОТНИК (берясь за швабру). Да об чём же другом я тут с тобой битый час толкую?

ЮНГА. А! Ты уже говорил, что ты сумасшедший, - чуть не вылетело. Слушай! А как это с тобой произошло? Что в это время чувствуешь? Когда ты начал? Как тебя угораздило? На какой почве ты это сделал?

РАБОТНИК. На родной почве, приятель, - на какой же ещё? Но ты ставь вопросы в порядке поочерёдности! А так ведь даже нормальный человек на моём месте запутается, не сумеет ответить.

ЮНГА. Ладно. Когда?

РАБОТНИК. Первые признаки появились - это когда я узнал о всеобщей воинской повинности. Непосредственно перед жеребьёвкой я почувствовал в моей голове какое-то странное... помутнение. Сопровождаемое каким-то... оцепенением.

ЮНГА. Так.

РАБОТНИК. Во второй раз моё умственное помрачение сопровождалось какой-то пропажей в кладовых моего хозяина. Пропало, кажется, три ящика Стиксвейна, бочонок Тартаровки и два бочонка шипучей пенистой Муурловки. Впрочем, не поручусь, так как я к тому времени уже был взметён и смутен, и, как раз, ничего не смыслил в окружающей меня атмосфере.

ЮНГА. Так. Ладно.

Через сцену проводят лошадь.

РАБОТНИК. В третий раз я сделался душевнобольным через твоего капитана, друг. Дело в том, что он приставил револьвер к самому лбу моему и это произвело на меня... какое-то неприятное, болезненное впечатление.

ЮНГА. Но ты на него, слышь, зуб не держи. Капитан сам - человек сугубо неровно взвешенный и не умеет удерживать своё влияние при себе. Он должен влиять. Без этого бы он концы отдал.

РАБОТНИК. Это, конечно, съмает с него часть вины за моё дикое и печальное состояние.

ЮНГА. Но всё-таки... Это у тебя не сплошняком, а находками? Бывают ведь и просветления? Как, например, сейчас?

РАБОТНИК (*с удивлением*). Откуда ты взял, что у меня сейчас - просветление? Что? Разве наступил уже день получки? Нет! В эту минуту я так же глубоко и непоправимо потерян для нас для всех, как во всё остальное время.

ЮНГА. Ух ты, нечистый! Ладно. А что в это время чувствуешь? Что вообще чувствует про себя блажной, сумасшедший человек?

РАБОТНИК. Я ждал этого вопроса. Более того: я к нему готовился. И что тебе сказать на него в ответ? Внутри у меня взгляды мешаются с убеждениями, будущее с грядущим... Интересы мои перепутались там с моими - (наоборот) нуждами... А всё вместе представляет собой картину такой... такой наивности... И, не сознающей себя, неопытности... И во всём этом столько детской непосредственности и горя, что... что ангелы бы заплакали на небесах при виде этой, столь ранимой и совершенно неосознанной, незащищённости.

ЮНГА. Гляди ты! Круто! А я думал...

РАБОТНИК. Но тщетно чёрная рука безумия коснулась моей головы! Знайте! Никогда шкепис не коснётся её, бросив чёрную тень... Мне тяжело, да, - мне трудно, но я верю в человека и в прекрасное его назначение! Я верю в человеческое тепло!

ЮНГА. Так. Ладно... Слышь...

РАБОТНИК. Да! Я сошёл с ума, но сошёл добродушно! Ништо мне, что я забыл при этом про свои главные некоторые интересы, дававшие прежде доход! Я знаю! Я верю, что и теперь люди, (*утирая глаза*), - человек с большой буквы этого слова...

ЮНГА. Так. Ладно. Слышь? Ладно. Слышь? Ладно. Слышь... Ладно...

РАБОТНИК. ... не оставят меня в беде! Справят мои нужды и отправят потребности. И что в целом (*всклинув, сморкается*), жизнь прекрасна, несмотря на отдельные недостатки! И несмотря на отдельных распоследних помешанных и ненормальных сбрендивших дураков! Сумасшедших без теплоты, без направления, без того, чтобы...

ЮНГА. ...ну, теперь, когда ты так разумно объяснил мне, почему спятил... Признаюсь тебе, что и на меня иногда **находит**.

РАБОТНИК. Друг! Ведь я с того и начал, что хотел поделиться с тобой моим небольшим, но скромным опытом!

ЮНГА. Очень мне нужен, твой опыт... Мне как бы свой-то сбывь.

РАБОТНИК. Это у тебя от морской непримиримости. Расскажи однако: в каком смысле ты-то на это решился и на это пошёл?

ЮНГА. В том смысле, что на меня вдруг выглядывает какая-то харя. Что такое рангоутное дерево - знаешь? Где тебе, - сухопутному мореплавателю! Рангоут - это всё дерево на корабле, которое кругло обтёсано. Считается в народе, что оно несёт на себе такелаж. Не верь тёмным бабам: ни шута оно не несёт! Ежели бы судно могло ходить по суше, как ты или я, может, оно и несло бы на себе и такелаж, и даже ещё что-нибудь, и тут я ничего не говорю. Но, только, на море оно совсем не так. На море - как раз **он, такелаж**, (это снасти), тащит на себе и рангоутные деревья, и тебя, и меня, и - всё, что ни есть на корабле и на всём белом свете, - не-сёт! Несёт, - ну, не один, а вместе со всеми его парусами, понятно, - несёт - и только посвистывает, нечистая сила! А при сильном (но не совсем сильном) и ровном ветре, - знаешь, как бежит эта бестия, - какой-нибудь фрегат! Вот как в печке тяга идёт только вверх и никуда больше - так и тут: вся сила, весь главный воздух и всё - вообще - настоящее с упорством уходит вверх и переселяется в снасти! Из башки пропадает понятие: вперёд ты идёшь или вверх, - кажется, что это одно и то же... Перестаёшь понимать: зачем кораблю палуба, *зачем - боцман, а главное - зачем капитан?! Ничего этого не надо! Нужны только эти тросы, - канаты, которые поют, как Божие дыхание и как сто тысяч хоров самых лучших мужских и женских голосов... О-о-о... У-у-у... И-и-и... Потому что фрегат в такой ветер живёт верхней жизнью. И, как будто, он уже умер, а это не сам он, - это его душа летит в корабельный рай!.. Вот только муторно ему, должно, что и мы ему навязались... Но если ему это не по нутру, то нам - наоборот! А снасти-то свищут, каналы, и не мы одни, а и фок, и грот, и дура-бизанька - только зря путаются у них в ногах.. Конечное дело, это нам только так представляется, но в такой ветер представляется очень сильно.

РАБОТНИК. Всё это наверно так и есть, как ты говоришь, но при чём тут харя?

ЮНГА. Харя? Какая?

РАБОТНИК. А с которой ты начал свой рассказ. Рангоут - шпангоутом, но неужели тебе самому не хочется красочно рассказать про своё слабоумие?

ЮНГА (*рассеянно уставившись на бочонок, в котором прячется Незнакомец*). Вспомнил. Харя глянула на меня. Чисто выбритая одиннадцать лет назад. Было дело. И она меня поразила в самое сердце. (*Вонзает в бочонок свой ножик*). Назови меня дохлой падалью или сболтгни, что я прежде харь таких не видал. Наоборот, (*извлекая нож из бочонка*) - на «Слепом аллигаторе» у нас я только такие и видел и даже вообще не видал других. (*Стукнув кулаком по бочонку*). Так, отчего же теперь я сдрейфил? - ты меня спросишь, имея на то свой резон. Гром и молния! Сдрейфил я не потому, чтобы черты хари были мне неизвестны, а потому, что не ожидал - откуда она покажется на этот раз.

РАБОТНИК. Друг! Я с приятностью примечаю, что мы с тобой видим жизнь... одинаково!

Из бочонка на отскочившего Работника глядит Незнакомец.

ЮНГА (*не видя «хари»*). А вот ты и врѣшь! Я помешался на богатой почве, а ты - на бедной.

РАБОТНИК. П-п-п-пойдѐм...

ЮНГА. И потом я уже кончаю... - (*ещѐ слышен голос уходящего вместе с работником Юнги*) - а ты берѣшь самый разбег... - (*когда на опустевшую сцену выходит Веста*).

ВЕСТА. ...А на вывеске намалѐван был человек в зелёной шляпе! (*Бочонок Незнакомца начинает тихо вопить*). Но как ревьёт в дымоходе! Или это целые хоры злостных неплательщиков на самом деле «вылетели в трубу» и распелись там от нечего делать? Но что со мной? В каком-то я, что ли, ударе? Или ...или угаре? (*Из стен начинается звучать барабанный бой. Сначала чуть слышный, он делается всё громче. Веста, вскинув голову продолжает*). О! Меня поучать не надо: я, знаю Карфаген! Я знаю Пифагора! Я всё, оказывается, знаю! (*Пауза. Прислушивается к нарастающему барабанному грому*). О! Мурашки бегут по лбу моему, - вихри мурашек... Внезапный, весѣлый божественный холод прокрадывается в рукава... И вдохновение (*тут Веста влезает на стол*) - вдохновение веет, веет и обдувает всякую мысль мою... (*Стоит на краю стола в дико развешивающейся, - несмотря на полное окружающее безветрие, - домашней одежде. Великих размеров английская булавка, закрепляющая её клетчатый передник, - булавка, видная, должно быть, и в последних рядах партера, - всъхивает теперь синева-тым магнетическим блеском*). Но здравый смысл... - как же со здравым смыслом? Быть может ещё не поздно (*пытается слезть со стола*) слезть с облаков? О нет, поздно... Поздно слезать. (*Оглядев сверху бочки, бочонки*). Ах, сколько народу! И почему это я сразу их всех не заметила? Вы ждѣте от меня речи, друзья?

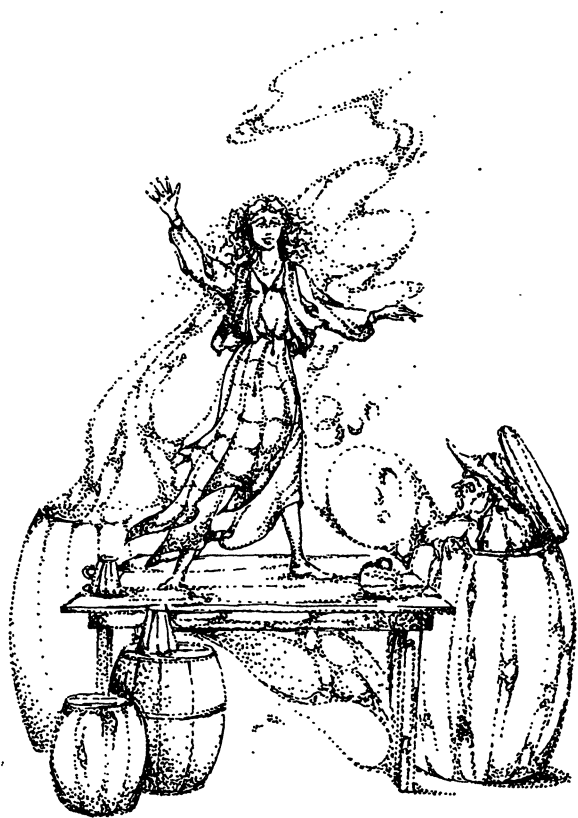

Что ж.. (*Обращаясь к самой большой и широкой бочке*). Вот вы, сударь, вы так бледны, худощавы и таким отзывчивым кажетесь, что не воззвать к вам я не могу! (*К бочке поменьше*). Да и вы, сударыня, мало, что грациозны, - вы так милы, что мне хотелось бы многое вам сказать... Знаете, стоило мне захворать, как меня быстренько сняли с работы! Нашли, то есть, предлог... «Воспользуюсь-ка этим и я, чтобы привести наконец-то тётину квартиру в порядок, а не вызывать нареканий.» - подумала я. Но тут... Э,э,э, молодой человек, - вы, который в заднем ряду! Выньте-ка трубку изо рта, когда к вам обращается дама! Табачный дым - вот моя казнь! И, кстати, - то, что вы сейчас подумали, - в корне неверно! Как, впрочем, и всё, что вы думали до сих пор... Итак прежде всего я вам всем пожелаю. Вероятно, здесь меня с кем-то путают! Мне не дают здесь прохода! Меня здесь явно принимают за пророка... Другой бы на моём месте зазнался, да и сам пророком назвался. И то сказать! Ведь пророк - это не качество твоего ума, а количество камней, в тебя угодивших... Ах, вы никак не желаете, чтобы я занеслась, перестала с вами здороваться и записалась в пророки? Что ж... Тогда, швыряясь камнями в мою сторону, не перекиньте лишнего. Только и всего!

От пророческой печали
пожелав меня спасти,
«Не пророк» я, - вы сказали,
и не дали мне пройти.
Только - много ли мне прока,
если я и не пророк?
Лишь пророка столь жестоко
и упорно гонит рок!

То есть... Какой же из меня пророк? Боже упаси от такого несчастья! Ведь пророку даже высказаться свободно - и то не дают! Скажет ли он - «Вы погрязли», - а ему: «Погляди на себя!» Ну, тогда он говорит: «**Мы, мы** погрязли», а ему: «За себя одного ручайся!» И когда, уступая нажиму публики, пророк, - так и быть, - восклицает: «**Я** погряз», - ему тут же отвечают: «Так тебе и надо!» (*По бочкам катится гул, похожий на смех*). Но и публику надо понять! Публика, перед которой стоит пророк, естественно, ищет выхода из этого дурацкого положения! И, по-своему, она права, не желая понять пророка. Ведь поняв его (да ещё, чего доброго, поняв **правильно!**) кому не пришлось бы начинать жизнь сызнова? А это было бы так противно и так утомительно! (*По бочкам снова проходит гул*). Словом, если ты пророк, твой выбор не широк: либо пророком будь либо пророчества изрекай! Но соединить то и это тебе никто не позволит! И то

сказать! Люди поклоняются идолам потому только, что идолы молчат. Разговорись они вдруг, - так уж недолго бы им процарствовать! Но человек пророческого образа мыслей почему-то с кляпом во рту гулять никогда не согласен! И уж скорее он откажется от чужого поклонения, чем от собственного мнения... (Снова гул по бочкам и даже как бы отдельные смешки. *Веста* - в сторону). Гм...не тому они иногда смеются, чему полагалось бы... («Публике», громко). Но я... Но меня, поверьте, во всё это впустили совершенно напрасно! И я протестую!

У простой домохозяйки
было скромное житьё.
Но... в ужасных тайн утайке
заподозрили её:
В ней судью,
в ней флотоводца,
Диких стран первопроходца
заподозрили, видать...
Ах! Неужто ей придётся
флотоводцем вправду стать?!

(Пауза).

Но... где же они? Где все они? Боже, почему я стою на столе? Что я тут делала? Что за дикие речи произносила? (*Всклинув, спускается на пол*). Ведь же у меня словарный запас был такой бедный! - я всегда говорила только самое главное. А тут... А что такое «пророческая печаль»? Сходить в библиотеку - узнать нарочно? У Марьи Сергеевны... А зрители - как провалились! Но я могу клятву дать, что видела их собственными глазами! На одном ещё жёлтые сапоги такие были, - охотничьи, с отворотами... А где тот солдат? Где бабушка в очках? Может быть, все они в бочках спрятались? Ну, это было бы такое ребячество!

Заглядывает во все бочки, по очереди и, наконец, в бочонок, из которого мгновенно выпрыгивает Незнакомец.

НЕЗНАКОМЕЦ. А вот и я, - не к ночи будь помянут!

ВЕСТА (*отступая*). Вы это всё и подстроили!

НЕЗНАКОМЕЦ. Я?! Прелестно! Прелестно! Человек вдруг получает, внушённое вдохновением свыше, тройное университетское образование, - получает, заметьте, безо всяких заслуг со своей стороны, за один присест, можно сказать, с облаков... И ещё остаётся этим недоволен, и, видите ли, ищет виновных!..

ВЕСТА. За что вы меня так ненавидите?

НЕЗНАКОМЕЦ. Ну, если ты здесь так навиноградилась... Вот она - человеческая благодарность! «Ненавидите»? Наоборот, я к тебе даже расположен. И потому скажу тебе прямо, как язычник язычнику: помнишь, я пил, а ты закусьвала? Помнишь, я подал тебе огурец?

ВЕСТА. А что, он был отравленный?

НЕЗНАКОМЕЦ. Ад и серость! Как разговаривать, если ты ни во что святое не веришь?! Не был он отравленный, чёрная ты душа! Но в нём было кое-что похуже отравы. Зачем, зачем ты его съела? Ведь не видать же тебе теперь ни покоя, ни радости!

ВЕСТА. Ну и не надо. *(Хочет уйти)*.

НЕЗНАКОМЕЦ *(преграждая ей путь)*. Знай, ты не выйдешь отсюда, пока не произнесёшь серию лекций на темы, от тебя не зависящие.

ВЕСТА. Но здесь-то вы уж дайте мне пройти...

НЕЗНАКОМЕЦ *(вновь заступая ей путь)*. Сколько световых лет уйдёт у тебя на эти речи? Не знаю. Не считал. Но от первого публичного выступления ты, почитай, только что отделалась.

ВЕСТА *(хватаясь за голову)*. Этакий вздор! При чём тут какой-то огурец? Я его съела - даже не почувствовала!

НЕЗНАКОМЕЦ. Какие это будут речи? Видать, любопытные. Коль скоро читать их тебе придётся против собственной воли. Нет! Почему же? В целом это будут небезынтересные, полезные речи. Даже в чём-то, а бы сказал, обоснованные! Но, только, произносить ты их будешь *(отбегаёт)* всегда не вовремя; не к месту; не к случаю, ни к селу, и ни к городу... И, что главное, - всегда не перед той публикой! *(Отбегая дальше)*. Берегись! Речи твои будут греметь, расти и вздыматься - неизвестно зачем! И стеной встанут они между тобой и всеми другими... И оттолкнут, и отпугнут они от тебя всех, кто мог бы тебе помочь! И разлучит тебя с целым миром твоё бесплодное красноречие, *(засверкав глазами)*, как не разлучила бы и вечная немота! Слышишь? На вечное философствование обречена ты, мирная домохозяйка! Ибо скушала ты огурец, засоленный в бочке из-под Диогена!

ВЕСТА. Из-под кого?

НЕЗНАКОМЕЦ. Из-под Диогена! В бочке из-под Диогена - *(всё повышая голос и подымая эхо)* - знаменитого оратора древности! *(Пауза)*. Вижу твоё продолжающееся недоумение, так слушай:

Философ древних Диоген
в особом жил домочке:
Он не терпел домашних стен,
Не выносил домашних сцен
И поселился в бочке.

Он был оратор, краснобай,
треплю и проповедник;
Словечки сыпал то и знай,
Как сыплет яблоня - хозяй-
кам яблоки в передник,
(Если выдался обильный урожай).

Когда он умер, - мудрецы
печаль вином залили,
А в чудной бочке - огурцы -
(ошибкой) - засолили...

(Стучит по бочке).

Но в стенках бочки жил грибок
тирад, речей, суждений,
Воззванье, диспут, монолог...
Сто тысяч словопрений...

(Стучит по бочке и пускается вокруг неё в пляс).

Зудел в бочарных обручах
полемика зуд жестокий,
И забродили в огурцах
ораторские соки!

И кто за чарочкой винца
Того отведал огурца,
Всех тайн его не зная,
Тот - «ради красного словца»
Не пожалеет мать-отца»
И превратится до конца
В треплю и в краснобай!

Веста падает в обморок.

Занавес

Конец первой части

1968г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Мы ещё встретимся...»

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Перед занавесом

На занавесе - звёздами - слова: «Ночь третья». С двух сторон на четвереньках входят двое. Приостанавливаясь, дико озираясь и вздрагивая, ползут друг другу навстречу. На одном из ползущих зелёная шляпа с высокой твёрдой тульёй. Нарастающий шум и скрип. Полёт теней и мерцание по углам, какое бывает при сильном ветре даже внутри домов. Сталкиваются лицом к лицу.

ЗЕЛЁНАЯ ШЛЯПА (Встречному).

Не донеси! Молко, - не донеси!

ВСТРЕЧНЫЙ.

В чём дело, друг? Зачем ночные тучи

Твоё чело покрыли? Для чего

Клеймишь меня жестоким подозреньем?

Кто и откуда ты?

С начала и до конца оба остаются на четвереньках.

ЗЕЛЁНАЯ ШЛЯПА.

Я с вывески сошёл...

ВСТРЕЧНЫЙ.

Не может быть! С чего, с чего сошёл?

ЗЕЛЁНАЯ ШЛЯПА.

Не веришь, - погляди на дверь трактира:

Там вывеска. Я был на ней картинкой.

И вот я здесь, а вывеска - пуста.

ВСТРЕЧНЫЙ.

Ты что? Светильник разума утратил?

Ответстуй: уж не с лунного ль серпа

Сребристого ты свергся в наши доли?

Ты говоришь... о вывеске при входе,

А стало быть... о выходе из дома?!

Молчи! Эй, замолчи! Ты дразнишь рок!
В ноздрях дракона кисточкой щекочешь!
Здесь выхода, как все мы знаем, нет!

ЗЕЛЁНАЯ ШЛЯПА.

Я с вывески сошёл. Она при входе.
А стало быть - при выходе.

ВСТРЕЧНЫЙ.

Молчи!

Но... если ты у нас такой счастливый,
Что каждый день в стене провидишь дверь, -
Скажи, зачем ты пьёшь? зачем, как я,
На четвереньках ползаешь? Ну вот! -
Ты утираешь слёзы твёрдой шляпой...
Ты плачешь?

ЗЕЛЁНАЯ ШЛЯПА.

Путник! Ты во мне струну
Задел больную... Да. На четвереньках(
Хожу и я, как ты. Но я не пьян.

ВСТРЕЧНЫЙ.

Не пьян?! Чем дальше, тем необычайней!

ЗЕЛЁНАЯ ШЛЯПА.

Так слушай. Я обязан быть таким,
Каким изобразил меня художник.
А он меня - для вывески трактирной
Намалевал.. Покуда обо мне
Художник мой не сменит представлений,
Я дураком останусь, - будь я гений,
И на ноги подняться - не смогу.

ВСТРЕЧНЫЙ.

Но твой художник сделал упущенье:
Встать на ноги, вот, говоришь, нельзя,
А с вывески слезать без спроса - можно?

ЗЕЛЁНАЯ ШЛЯПА.

Гм... дело в том...

(Прислушиваясь).

Сюда идут! Уйдём!

ВСТРЕЧНЫЙ.

Где и когда доскажешь?

ЗЕЛЁНАЯ ШЛЯПА.

Здесь. Потом...

Уползают в разные стороны.

Занавес подымается

Обстановка 1-го действия. Юнга обтачивает деревянный брусок. Работник вытирает посуду.

ЮНГА. А знаешь, ты мне чем-то нравишься, хотя вид у тебя довольно подлый... Я бы тебе даже свою Библию подарил, кабы знал, что ты её не сразу пропьёшь.

РАБОТНИК. Я, друг, никогда не пропью свою веру, потому что не верую и не пью.

ЮНГА (*заметив моряка в клёшах и в длинном развевающемся шарфе, который (моряк), лёжа на высокой колёсной подставке, только теперь выступившей из полутьмы, без конца перебирает ногами*). Разрази меня гром! Кто это там у тебя в углу?

РАБОТНИК. А! Это? - всего только Джек-Вентилятор, друг, только Джек-Вентилятор. За умеренную плату он разгоняет взмахами ног духоту в помещении, изображая ветер... Ну, Джек, опять выдохся? (*К Юнге*). Посмотри, как я его завожу! (*Став на табурет, вливает что-то Джеку в рот из тёмной бутылки через большую ржавую воронку*).

ДЖЕК-ВЕНТИЛЯТОР (*вновь приходя в движение*). Эй-эй! Веселей! Геть-геть! Ого-го!

ЮНГА. Спроси у меня: кого бы я вздёрнул на рее, - своего капитана или твоего хозяина? Вешай два мешка на один крюк, - скажу я, - привыкай к морской экономии!

РАБОТНИК. Суров, как все моряки. Что же до меня, то я... на собственный свой трактир скопить желаю. Но... (*понижив голос*) - заметил ты или нет, что все мы здесь как закупоренные? Где ты поместишь здесь капитал? Где ты его пустишь в оборот? Где развнёшь ты здесь оживлённую торговлю?

ДЖЕК-ВЕНТИЛЯТОР. Фьють! Фьють! Фьють!

РАБОТНИК. Оно, конечно, и здесь человек не на привязи. Но... (*понижая голос почти до шёпота*) - то-то и чудно, что здесь эта мысль никому не приходит в голову!

ЮНГА. ...а Джека я бы понизил в должности: ему слишком высоко на этой подставке. Здесь, внизу, он сделался бы у меня простым корабельным поваром - коком. (*Подумав*). Нет, Джека бы я усыновил.

РАБОТНИК. Усынови самого себя, друг, - ты же весь в лохмотьях...

ЮНГА (*не отвечая и насвистывая, точит брусок. Затем поёт*).

Он самый бедный был из свиты.

И даже красные штаны

Ему не кем-то были сшиты,

А под гипнозом внушены.

Входят Скит и Алонсо. Слушая, останавливаются в отдалении.

Но не за тёмным перелеском,
Но не в глухой полночный час,
А на приёме королевском...

ЮНГА И РАБОТНИК (*вместе*).

...Внушенье кончилось как раз.

Слышен скрипучий смех Джекка.

ЮНГА.

Пошло веселье тут большое, -

Смеялся двор три долгих дня,

И не смеялись только двое:

Король Испании, да я.

АЛОНСО (*тихо, к Скиту*). Как бедна одежда самого исполнителя этой песни, сеньёр! Она, будто, вся из клочков беспокойного сновидения! И... и он словно создан для...

СКИТ. ...для Союза Действительных? Верно! (*Вместе с Алонсо выходит из укрытия. Обращаясь к Работнику*). Слушай, подай-ка нам три порции супу и цесарку трёхкрылую.

АЛОНСО (*к Юнге*). Сеньёр, мы просим вас разделить с нами нашу скромную трапезу. Бросьте брусок и возьмите кусок!

ЮНГА. Благодарю, сударь, но вчера я уже обедал, (*поспешно*) - а впрочем, уговорили...

СКИТ (*к Работнику*). И подай-ка соусу, приятель, если имеется. А если отсутствует, - ни в коем случае не подавай! Даже не вздумай!

РАБОТНИК. Ах, сударь, вы всё шутите...

СКИТ. Ты - тоже. К примеру, Синюю Птицу из сказки я от тебя не требовал! Неси-ка ты нам нормальную... Мы - люди почти нормальные и простые.

РАБОТНИК. Синяя? Где же она, сударь, синяя, если только чуть-чуть голубоватая?!

СКИТ (*отклоняя блюдо*). Смотри ты, - он ещё спорит! (*Юнге*). Слушай, брат, а не отправился бы ты с нами... - в далёкий, далёкий путь?

ЮНГА. Я только что оттуда. И на каких кораблях ни хаживал, а колотушки везде одинаковы.

СКИТ. У нас, брат, не будет капитана, тяжёлого на руку и, тяжёлого на башмак, боцмана.

ЮНГА. Вы, сударь, уж не сердчайте, потому - кормёжка у вас что надо, но все вербовщики спервоначала сладко поют!

СКИТ.

Спросить у зеркала для бритья:

Кого забрил, как вербовщик, я?

Входит Трактирщик. Он и Работник, увиваясь вокруг гостей, подслушивают их разговор.

АЛОНСО. Тебя часто обманывали, мальш, но сеньёр не обманщик!

ТРАКТИРЩИК. К вашим услугам, господа! Мурловка, правда, уже на исходе, но ещё имеются в наличии Стиксвейн и Тартаровка. Хе-хе...

ДЖЕК-ВЕНТИЛЯТОР (*которого снова не видно, но тень которого, перебирающая ногами, порой в световом круге показывается на потолке*).

...И не смеялись только двое:

Король Испании да я!

АЛОНСО. Святая Мадонна! Кто это?

ТРАКТИРЩИК (*налетая на Работника*). Ах ты... Ах ты тюлень! Бегемот! Ящерица! Жаба древесная, Атлантическая! Мьшь генуэзская, Шестипалая! Сыч полярный! Боров! Богемский боров! Опять говорящую вентиляцию на виду у народа оставил!

Гоняется за Работником. В результате получается ТАНЕЦ С ПОЛОТЕНЦАМИ.- Дело в том, что и у Работника всегда перекинута через руку полотенце. Что даёт (порой - вместе с развевающимся шарфом Джек-Вентилятора) различные хореографические эффекты.

ДЖЕК-ВЕНТИЛЯТОР (*видимо, порядком захмелев*).

Когда б имел-ы златые горы

И реки полы-ны-и вина...

Увернувшись от погони, Работник спешно укатывает подставку с поющим Джек-Вентилятором.

ЮНГА (*Скиту*). Я был скотиной, сэр!

СКИТ *Никогда!* (*Рукопожатие*).

АЛОНСО. Похвально, мальш! Дитя, почитающее взрослых, убавляет количество бурь в океане!

Так, видимо, ничего и не поняв в подслушанном, Трактирщик уходит. Возвращается Работник.

РАБОТНИК. Теперь, сударь, вы и сами, небось, убедились: до чего это прямой человек - мой хозяин! А уж до чего открытый!

СКИТ. Ай-ай-ай! Такой душой - кривить! Ведь ты же и сам этого совсем не думаешь!

РАБОТНИК. Ах, сударь... Кто на молчанье деньги тратит -

за откровенность не заплатит. Знаете ли, что старичок держит меня из экономии?

СКИТ (*дав монету*). На вот. (*Видя, что Работник надкусы-вает её*). И не бойся фальшивой монеты: она только чучело - с настоящей.

АЛОНСО (*вскочив*). Святая Мария! Негодяй требует денег за секрет, и вы, сеньёр, вы - их даёте!

СКИТ (*понизив голос*). Утешься, дон Алонсо: этого малого нельзя ни купить, ни продать, - он давно уже вышел из обихода.

АЛОНСО. Мне это непонятно! Я...

СКИТ (*так же тихо, перебивая*). Интересно: а ты подкупил бы стражников, чтобы помочь мне бежать из неволи? (*Алонсо садится*).

ЮНГА (*работая свой брусок*). Заплатив зеленоватой монетой за голубоватую курицу, мистер поступил справедливо.

РАБОТНИК (*дав Юнге щелчок*). Гм... А знаете ли вы, что я, бедный чокнутый человек, думаю о лазутчиках?

СКИТ. Что же ты о них думаешь? Быть лазутчиком - это легко?

РАБОТНИК. А нет ничего проще! По крайности до тех пор, пока на свете не перевелись дураки...

СКИТ. Ну, и как же ты их обманешь?

РАБОТНИК. А разве я говорил, что буду обманывать? Обманывать, сударь, грех: я их и без обмана за нос вокруг пальца обведу!

АЛОНСО. Не слушайте его, сеньёр! Он плут - и только-то...

СКИТ (*тихо*). Подожди, Алонсо! Он что-то знает... (*Громко, Работнику*). За нос - да ещё и вокруг пальца? О! Это жестоко. Ты - что же? Служил в лазутчиках?

РАБОТНИК. Сам я в лазутчиках не бывал, но знаю, как это легко и нетрудно. Перво-наперво я зубрю назубок - что нравится, а что не нравится дуракам. (Потому - многое в моей работе будет от них зависеть). А что дурак любит? Улыбку! Радужное сияние жизни! Всякую возвышенность и похвалу. Но, может быть, выше всего остального он ценит «большое человеческое тепло»! Ах, вам улыбку? Пожалте! Радужное сияние? Извольте! А вот вам, стало быть, и возвышенность. А вот вам и похвала. А вот вам «большое человеческое тепло», - (потому - никто не знает, что это такое, но всякий рад получить эту вещь для своей коллекции). И что же, сударь? Моё добродушное поведение не только смягчает мой же нрав, но и других я начинаю радовать моим, всегда улыбчивым и добродушным, видом... Ещё, может быть, позавчера на всё послезавтрашнее согласным... С того, что мой чёрный умысел так легко повернуть, - ещё больше прибавляется ко мне человеческого обаяния. И вот, вконец пленённые моим

обхождением, дураки сами, без моего домогательства, рассказывают мне, сударь, свои секреты... (*Юнга засыпает*). А коли так случится, сударь мой, - они меня сами догонят и пожелают бесприбыльно уйти, - они меня сами догонят и скажут: «Друг ты наш любезный! А ведь ты чего-й-то забыл! Всё ты у нас посмотрел, всё похвалил и одобрил. Но что же ты не спросил, где у нас пороховые склады находятся? Вернись, - мы тебе их покажем!»

АЛОНСО. А тебе не кажется, плут, что ты уже утомил себя?

СКИТ. Пусть! Пусть говорит... Подожди, Алонсо!..

РАБОТНИК. И не ищите, сударь, лазутчика под смурною и недовольной бровью; он там никогда не сидит. Лазутчик - личность открытая, светлая, чистенькая, как сияющий день. Коварства в нём - никакого. Не! Он, может, и сплутовал бы когда... Ведь уж совсем-то святых людей не бывает, - схитрил бы и он. Но, только, ведь его никогда не доведут до такой крайности! Удержат его над обрывом-то, охранят его душеньку от греха! - всё за него сделают сами, - только бы он доволен остался!

СКИТ. Неужто не сыщется, всё-таки, умный человек и не раскусит лазутчика?

РАБОТНИК. Сударь! Наш мир несовершенен. Я надеюсь, вы не станете это отрицать? Ну вот. Он потому и несовершенен, что дураков в нём больше, чем нежели умных людей. Стало быть, дураки - это сила. И они всегда сумеют грудью защитить лазутчика от умного человека.

ДЖЕК-ВЕНТИЛЯТОР. (*издалека*). Хоп! Хоп! Хоп! Веселей!

Алонсо засыпает.

СКИТ (*обращаясь к Алонсо*). Нет! Этому парню не было бы цены, имей бы он хоть кашлю совести! Я... (*Смолкает, заметив неладное*).

РАБОТНИК (*продолжая тираду*). Вы сейчас удивитесь, но я вам больше скажу...

СКИТ (*вставая*). Что это значит? Говори! Чего ты им подсыпал?

РАБОТНИК. А! Это? Ах, сударь, это - наносное. Неизбежные издержки прогресса. Досадные частности. Пена вещей и накипь событий. При том, что в целом всё идёт к лучшему!

ДЖЕК-ВЕНТИЛЯТОР (*издалека*). Хоп! Хоп! Веселей!

СКИТ. Ты... Ты убил их?!

РАБОТНИК. Сударь! Не успеем мы тут с вами переговорить, и эти двое очнутся от двух незначительных обмороков!

СКИТ (*сам с собой*). Синюю Птицей Счастья он их отравить не успел бы... Я вовремя заметил и я...

РАБОТНИК. Ваша зоркость вас обманула так подло, сударь, что я удивлён... Некоторые куски я успел вернуть на тарелки...

СКИТ. Так вот почему ты здесь болтал о лазутчиках! Ах, подлец, - так вот почему... Говори! Это точно, что они проснутся?

РАБОТНИК. Почти точно, сударь.

СКИТ. Ах, «почти»?! А вот я тебя сейчас не «почти» убью, а совсем! Эй, гляди, эй! Да они белые оба, как полотно! Ни кровинки ни в том, ни в другом! Я задушю тебя! (*Хватает Работника за горло. Тот вырывается и, отбежав, подмигивает*). Во-ор! Как ты смеешь подмигивать в такой обстановке?!

РАБОТНИК. Ах, сударь, зря вы так огорчаетесь! Ничего криминального не произошло. Надо же им отдохнуть наконец от этой юдоли?! Чем нежели без конца мучиться посреди лжи и лицемерия этого холодного и бездушного света... (*Выжвав слезу*). Прощайте, дорогие ребята! Мирно спите, друзья!

СКИТ (*снова бросаясь на него*). Да я зашибу тебя... сейчас же... одним ударом стола!

РАБОТНИК (*отбежав, баррикадируется*). Ай-ай-ай, сударь! Кривить такой душой, как ваша! Да кто из нас волшебник-то, вы или я? Ни для кого не секрет, - вы! И ведь вам ничего не составляет - воскресить любого! Да! Коли начистоту, я отравил их специально, чтобы переговорить тут с вами без свидетелей... А то жду, жду, - упорно не уходят - ни тот, ни другой! Зато теперь вы с вами тут на досуге и побалакаем! А по окончании разговора вы их опять воскресите, - для треклятой этой жизни и для её, таких неинтересных, напастей.. Если, конечно, это для вас уже так обязательно...

СКИТ. Что за невообразимый, немислимый, уму непостижимый негодяй!

РАБОТНИК (*вновь отбежав на безопасное расстояние*). А почему в трактире всё не по-людски? В печной трубе воеет - почему? Вы думаете, я отравил, так во мне и души христианской - нет? Сердца нет?! А почему оно, тогда, в пятки уходит от этого воя препаскудного?! Сердце-то? Пускай только для пяток, - но, значит, есть оно, есть?! Я на чердаке сплю, я всё слышу! Все звуки! А почему здесь, - промежду сугубо простыми, нормальными, сугубо свойскими молодыми людьми нашей современности встречаются ещё такие, как он? (*Указывает на Алонсо*). Почему при жизни он так чудно разодет был? Деятнадцатый век, - дураков нет - теперь уж никто такую бахрому не носит... А проветривать помещение - почему не велят? А при появлении новичков старожилы - почему не убираются восвояси? Здесь не монастырь, вишь, а дом для проезжающих моряков! А ежели... допустить, (*помолчав и похлопав себя по карману*)... - что я честным трудом небольшое,

но скромное состояние скопил? С чего мне кажется блажью - (*уже наступаая*) - даже самая мысль про его обустройство? Вы! Вы должны отвечать за всё! Потому - всякий наш промах вы предвидеть можете, но обленившись, предвидеть - отказываетесь...

СКИТ. (*уснея овладеть собой*). Как бы то ни было, ты ответишь за убийство.

РАБОТНИК. Не я один в убийстве повинен, а вместе с вами. Меня, - сироту от самой природы и недоумка несчастного (*крутит пальцем у лба и показывает монету*) - вы толкнули на это, купив меня подлым золотом.

СКИТ. Не нагоняй ты на меня скуку...

РАБОТНИК. И как вы докажете, что они убиты? По-моему, они просто упились! Тут, во-первых, не может быть двух мнений, а во-вторых - доктора, чтобы покачать головой над ними... И заодно откопать причину их глупой гибели. Чего! Душеньки их - вы слышите? - и сейчас ещё ходят около мёртвых тел: топ... топ... Так что вам ничего не стоит загнать их в прежние стойла.

СКИТ (*садясь и закуривая*). Не кошунствуй.

РАБОТНИК (*приближаясь к нему*). Ну, будете вы их воскрешать или нет?

СКИТ. Ты и вправду думал, что я всемогущ?

РАБОТНИК. Значит вы надули меня! Вы обманули мою молодую свежесть и юную неопытность! Не взял бы я грех на душу, знай я заранее про ваше удивительное вероломство! Ещё раз: будете воскрешать?

СКИТ. Зачем тебе?

РАБОТНИК. Как «зачем»? Тела убирать надо. Здесь не...

СКИТ (*вскакивая*). Нет! (*Работник убегает*). Вернись! (*Тот возвращается*). Всё должно остаться в тайне. Слышишь? Пускай вот они здесь так и сидят, как будто лишнее выпили... Слышишь?

РАБОТНИК. Но, сударь, христианская душа требует законного погребения!

СКИТ. Тише! Вечно - такие, как ты, некстати благочестивы. Да, я и забыл: ты что-то хотел мне сказать?

РАБОТНИК. Вообще-то я опять не знаю - чего мне надо... Не нравится мне здешний застойный воздух. Но какой-то дикий страх обхватывает меня, как полумаю про... сквозняк!

СКИТ. Сквозняк?

РАБОТНИК. ...дикий страх. А деньги... Деньги - мечта, а прирост капитала вьюга ночная певцу нашептала. Да и в оживлённой беседе с вами я не почерпнул ничего насчёт дальнейшего деньгоустройства. Так что, видать, и впрямь понапрасну извёл я этих двух господ... Что в мире прочно? Только то, что я сквозняков боюсь... (*Оглянувшись*). Ходит тут одна... оглашенная. И всё выспрашивает про... дверь! (*Убегает*).

СКИТ (*один*). Про дверь? Гм... Это может мне помешать. Найти её? От чего однако я так устал? От тысячи фальшивых положений... Увы! Значит пора всё открыть. И ответить за всё: даже за весь вой в печных трубах... Этот юный змей о чём-то догадывается! Чтобы не вздумал болтать, придётся опередить его. Очень важно - кто первый огласит истину: ошибающийся волшебник или безошибочный лжец. (*Приближается к Юнге и Алонсо*). А ты и вправду спи, дружище! Спи и ты, бедный мальчик. Воскресить вас... а потом снова дрожать за каждое ваше слово, за каждый шаг? (*Вытирает лоб*). Покрываясь холодным потом за каждое ваше слово, за каждый шаг... И трепетать: настоящие ли это слова и шаги или нет... И действительны ли вы... сами. (*Ходит по сцене*). Воскрешение - оно тоже может быть праздным. Особенно - повторное воскрешение... А вас я уже когда-то будил. (*Достав из кармана осколок зеркала, глядится в него*). Неужели он плачет - этот страшный, вызывающий у других озноб, экспериментатор? Повелевающий стихиями и мёртвых поднимающий со дна могил? И это-то - он? (*Опустив руку с зеркалом*). Юнгу я, к счастью, не знал. Только начинал к нему приглядываться... Но этот мальчик, который почти пять веков назад ранним утром отправился из Англии в Толедо... Ты был так жив... И так похож на брата моего Инвека, что... страшно подумать; не показалось ли... Вообще-то ведь он не должен был умирать! Это не было продиктовано никакой необходимостью! Тот Алонсо, который... в которого я так поверил, посмотрел бы на это, как на плоскую шутку! А он вот возььми да и... значит он тоже был только призрак? Самый натуральный? Без обмана или подделки какой? Вот почему воскрешать тебя - значит опять подвергать сомнению. Сейчас я могу хотя бы обманываться: думать: временное своё бессмертие - но ты доказал! Но если я тебя опять подыму? Не окажется ли твоя жизнь вообще ошибкой? Выдержали ли ты снова? Выдержу ли я - снова? Дикие опыты. Вот тебе и «Союз действительных»! (*Садится, склоняет голову. Кругом темнеет. Зеркало, выпав из руки Скита, испускает голубые лучи. Скит встаёт. В почти полной тьме подымает руку*). Алонсо. Встань. Алонсо. Встань. И приведи юнгу. Приведи юнгу. Нет. Сам. Сам. Алонсо - ты - сам. Я ждать буду. И приведи мальчика. Сам. Сам. Сам.

Становится совсем темно. Затем тьма рассеивается. Глазам зрителя представляется новая, иная картина. В глубине сцены, слева - пылающий очаг. С обеих его сторон - два Трубоча в прежних позах. Прихрамывая, с узелком на палке, входит Веста, - её не узнать! Опустив роги, из которых просто пили, «трубоча» вытирают рты.

ПЕРВЫЙ ТРУБАЧ (*насмешливо оглядев лохмотья Весты*).
Чего тебе, о царица наших сердец?

ВЕСТА. Ничего. Но издали мне показалось... вы дуете в рог!

ПЕРВЫЙ ТРУБАЧ. А поблизости оказалось, мы дуем из рога?

ВТОРОЙ ТРУБАЧ. Держа его, к тому же, не тем концом.
Что дальше?

ВЕСТА. Издалека мне показалось... что у вас о чём-то даже спросить можно. (*Помолчав*). Как мне выйти отсюда? Где же дверь?

ВТОРОЙ ТРУБАЧ. Ну-у-у!.. У-у-у! Нехорошо, душенька.
Ну ка-ак... Не ожидал!

ПЕРВЫЙ ТРУБАЧ. Веселей, барышня! Не вас первую, не вас последнюю философия доконала. (*Второму*). Пойдём! (*Приложив роги ко лбам, шутовски раскланиваются с Вестой и уходят, напевая*).

ПЕРВЫЙ и ВТОРОЙ ТРУБАЧИ (*вместе*).

Гипопо - тут,
гипопо - там...

Скрываются из виду.

ВЕСТА (*сидя у огня*).

...Если же это действительно - сон, -

Выход найти - и закончится он,

Странный, подобный расправе...

Как мне пробиться? Пешком или вплавь -

В милую добрую старую Явь?

Долго ль до острова Яви?

Остров Ява? Или остров Яви? Там, далеко-далеко наяву я, как на острове Яве, живу: дверей - сколько хочешь! Входишь - выходишь... (*Помолчав*). А на вывеске изображён был человек в зелёной шляпе... Теперь, кроме этой картинки, у меня никого не осталось!

Работник вкатывает подставку с Джекком-Вентилятором. Появляется несколько бражников из 1-го Действия. Все рассаживаются. Слышен треск пламени. Работник, покрутив пальцем у лба, уходит.

ДЖЕК-ВЕНТИЛЯТОР (*из своего угла*). Хоп! Хоп! И-го-го!

Из огня на Весту выглядывает чёрный человечек, - полено с пылающими квадратными глазами. Оно дразнится.

ВЕСТА. Ох! Ой! Кто это?! Но... но ничего: это мне только кажется...

ЧЕЛОВЕЧЕК (*высовываясь из огня*). Нам только кажется,

что то, что нам кажется, нам «только кажется»! (*Нырнув, скрывается в пламени*).

ВЕСТА. А-ай! (*хочет бежать, но, из-за хромоты, не может. Со стулом повёртываясь к посетителям*). П... помогите! Это... человек! Чёрный такой... Нет, это головня! Но она разговаривает!..

БОЦМАН (*под хмельком*). Чего это она такое... сейчас восклюкнула?

ГРУЗЧИК (*в не лучшем виде*). А ты... А ты уж и от-тклякнуться рад? Бр-рость ты её...

ВЕСТА. Ребята! Господа! Сеньёры? Или как? - джен-тльмены, может быть? Граждане! Я беспокоить вас... не хотела, но... это такое чудище! Глаза, как два стакана с томатным соком! Гранёные... Ах!

РАЗНЫЕ ПОСЕТИТЕЛИ (*с разных мест*). Бывает... Дело житейское...

БОЦМАН. Это, по-моему, Саламандрагора. Помесь огня и древесного корня. Да безвредная она. Чего её ругать?

ПОСЕТИТЕЛИ. Надо с уважением относиться к жизни! Надо глядеть прямо в глаза действительности! Надо любить жизнь! (*Гул неодобрения по адресу Весты, прерываемый лишь прихлёбываниями*).

ВЕСТА (*пытаясь встать*). Жаль, я ногу натёрла... О! Вот! Вот она опять!

БОЦМАН (*вставая со стула*). Что ж, помочь ей, раз она так испугалась?.. Чудаковатая мадам, скажу я вам!

Но тут Боцману является из бочонка Неизвестный. Сбитый с толку Боцман, вернувшись на место, засыпает. Неизвестный прячется.

РЫЖИЙ (*оказавшийся тут же, но не поспевающий за происходящим. Боцману*). Сиди! Защитник нашёлся! Шеллапутную не узнал, которая всё ходит да ищет...

ДЖЕК-ВЕНТИЛЯТОР. Гоп-ца-ца!..

ВЕСТА. О! Чёрный человечек прыгает сюда!

С явным намерением вцепиться Весте в лицо, Саламандрагора выскакивает из огня, волоча за собой пламя, как длинный пурпурный плащ. Веста, с возгласом «Ах!», перехватив чудовище, кидает его обратно в очаг. В тот же миг все выскакивают из-за столов с криком.

ВСЕ. Ребёнка бросили в огонь! Ребёнка бросили в огонь! Сюда! Сюда! Суд! Суд! Суд!

Весту привязывают к стулу.

БОЦМАН (*просыпаясь*). Отвяжите её, - ей и так не уйти; у неё нога... Сейчас вот и суд будет...

РЫЖИЙ. А вот и судья!

Входят Капитан, Бойкий Матрос, Питер, остальные Пираты.

КАПИТАН. Что здесь такое опять? Впрочем, я уже кое-что слышал. Как вы догадались, что я судья? Небошь, по моему орлиному выражению? Дайте же мне стул и жезл.

ПЕРВЫЙ ПИРАТ (*протягивая ему дубинку*). На.

Рыжий подтаскивает стул. Капитан садится.

КАПИТАН (*Пиратам*). Будете у меня присяжные заседатели. (*Слышны вскриывания Весты*). Что за шум?! Нишкните, джентльмены. Плакать будете после, - в специально отведённой гавани. Я ведь в судьях, ребята, не в первый раз. Питер, подойди.

ПИТЕР. Есть, капитан!

КАПИТАН. Протокол вести будешь. Рассаживайтесь. Надевайте судейские маски. (*Пираты напяливают маски - одна страшнее другой. Капитан - к самому безобразному из них*). А ты не надевай. Маска тебя только испортит, гром и молния, зря только украсит, хотел я сказать. Плут! Если б каждый мог так легко себя заменить и уйти от Чистилища, мы и спали, и ели бы - в масках. На самом даже Страшном суде, - кто не подsunул бы маску вместо лица Тому, Кто... Снимай, снимай! Вишь как похорошел сразу...

Ну что ж... Суд у нас маленько не по правилам, да что поделаешь? Это суд обветренных моряков с просолённым и просмоленым судёй посередке. Суд без тонкостей, без предрасудков. Суд... без того и без этого... Суд... Э-э... без суда и следствия... (*Весте*). Ну-с, моя красавица? Как-то нехорошо бросаться собственными ребятишками потому только, что отец (пропади он пропадом!) их тоже бросил. Меня, джентльмены, между прочим, тоже, когда я был маленький, подкинули одному историческому лицу. А ежели напрямик, так значит - капитану Кидду, великому государственному прест... гм... - деятелю. Своим детским видом я призван был смягчить его чёрствое сердце. С тех пор я и сам... хмм... капитаном. Однако чего-й-то моя речь не клеится, джентльмены? Одолевает меня нынче какая-то неправомерная доброта... Да и к чему нам, ребята, ломать комедию, если решение суда уже сейчас написано у нас на лицах?

ПИРАТЫ. Правильно!

КАПИТАН. Чего рассусоливать канитель, будучи такими великодушными и обветренными моряками? Молодцами, как мы? Не лучше ли сразу...

ПИРАТЫ. Правильно, - сразу!

КАПИТАН. ... отпустить подсудимую на все четыре стороны света?

ПИРАТЫ (*наперебой*). Чего?! Не бывать этому, хоть ты и начальство наше!

КАПИТАН. Тогда сумейте разозлить меня. В таком разнеженном состоянии я не могу отправлять правосудие. Где юнга? Он один способен вывести меня из себя! Надьсь, джентльмены, только глянул на него - и волоса́ дыбом от злости... Где он?

ПИРАТ БЕЗ МАСКИ. Уж ходили за ним, - как провалился...

КАПИТАН. Тогда плохи ваши дела, подсудимая: придётся мне вас отпустить!

Саламандрагора, которая до тех пор плавала по огню, - то блаженно погружаясь, то всплывая с бульканьем и гугуканьем, то, со злорадной усмешкой вцепляясь в кочергу, при помощи коей расшуровывает уголья Бойкий Матрос, - теперь начинает громко и жалобно плакать.

ПИРАТЫ. Вот видишь?! «Истина глаголет устами младенца»! Поцеремонься ещё с обвиняемой-то... Бедное дитя требует срочной защиты... (*Хватаются за оружие*).

КАПИТАН. Обвиняемая, встать. Походи где-нибудь там... поблизости... И придумай в это время - почему ты не виновата. Девять минут на всё. Ну, что стоишь? Соврёшь, там, что-нибудь - и дело с концом.

Тонкий плач Саламандрагоры переходит в рёв.

ВЕСТА. Для чего мне врать? Зачем? (*Покосившись на Саламандрагору*). Впрочем... спасибо, капитан! Век не забуду вашу доброту!.. (*С плачем, отходит в сторону*).

ПЕРВЫЙ ПИРАТ. Не знали мы, капитан, что ты у нас такая клёцка! Баба, а не моряк!

ВТОРОЙ ПИРАТ. Или не ты когда-то в одночасье вздёрнул на нее одиннадцать человек?

КАПИТАН. Я. И ты был бы двенадцатым, кабы не редкая моя доброта к тебе.

ВТОРОЙ ПИРАТ. Что ж... Лучше болтаться на рее, чем дожить до чёрного дня, - дня твоего позора, капитан, и увидеть этот день собственными глазами!

ПИРАТ БЕЗ МАСКИ. Не капитан, а хлебный мякиш, от которого с проклятиями отплевываются младенцы!

КАПИТАН. Питер, ты и это записал? (*Питер бросает перо*). Клянусь блинда-гафелем и мартин-гиком: я добр не потому, что добр, а потому что вы меня разозлить не можете.

ВЕСТА (*выходя на авансцену и сжав руки*). Уединись, Веста! Хоть в мыслях уединись! (*Между Вестой и остальными падает чёрный занавес со знаками пиратского флага. Веста к залу*). Господин судья! Господа присяжные заседатели! Тут считают, что, будто бы, я... какое-то живое создание в пламене бросила! И, дескать, было у меня даже кровное с ним родство! Но этому быть по уму-разуму никак невозможно! Или он (она? оно?) о двух матерях дитё, что ли? При чём тут я, если у него уже есть родители? Мать... как это? - Саламандрия и отец... это самое... Мандрагорий. Мне объяснили это ведь - только что! - сами (как это у вас называется?) да! - лжесвидетели. В огонь бросила? Ну нет! Просто вернула его в его родимую, - как это говорится? - стихию. Где ему только и место, потому что оно жжётся, да ещё как! Но обратите внимание, господа лжесвидетели; неужто не видите? - оно и сейчас находится в огне... и ничего себе - кувыркается, и не только не горит, но и не тонет...

Нет! Так нельзя! Для них это будет слишком нормальная речь... Ведь никому не докажешь простое, - а надо по-книжному... (*Пауза. Ходит по авансцене*). Что ж... На помощь, - мои восемь книг! Из которых главная была про пиратов... О! -

вспомнилась очень похожая линия...

Как толковала бы миссис Лавиния

С шайкой разбойников, если бы с ней

Вышла история, вроде моей?

А наверно она «сказала бы, говоря»: «Высокоцитимые господа моряки! Я знаю: в сердце каждого из вас цветёт (да! она бы так и сказала - «цветёт») настоящая джентльменская добродетель! И вы не станете, нет, вы не станете наказывать бедную леди только за то, что она бросила дитя своё в пламя. Да, бросила! Потому что папаша (всклипнув) его ещё раньше, его ещё дальше метнул! Что делать? Может быть, и мы с вами (да, так и сказать: «Мы с вами!») будем честными, когда нам создадут для этого... гм... все условия. А покуда - не мне выгнотюливаться перед вами, корча возвышенную святошу. Я не похожа на вас, но я знаю: одним воронам наши кости клевать, ибо одна-единая виселица маячит перед нами... (Ура, Лавиния! Сейчас ты была бы довольна мною!) Да. Я бросила сына (не то девчонку, не помню) - в уютный семейный очаг, но вы-то не осудите меня, как наверняка осудили бы ханжи и чистолюи! Мы-то с вами по опыту знаем, что в жизни бывают не только тюльпаны да лилии, а есть ещё и суровая правда действительности... Да! Я бросила дитя в огонь и горжусь этим! Я горда, что есть ещё люди, готовые безропотно принять на себя тяжкое бремя греха - воровства и разгула; без жалоб несущие на плечах своих эту непосильную ношу! (Как там дальше-то, у

писателей? Ах, да!) А на что, скажите вы мне, способен жалкий высококонравственный нытик? Который погряз в достоинствах и закоренел в добродетелях? Что за жизнь у этого пошлого обывателя? Ни тебе кутнуть, ни гульнуть, ни дитя в огонь метнуть, ни старого старца жизни решить! Спору нет: названные проступки плохо укладываются в нормы обычной буржуазной ханжеской морали. Но в трудную минуту жизни я не к святоше обращусь за поддержкой. Не к нему кинусь я за советом и утешением, а пойду к земному, к нашему, свойскому, тёплому, грешному, вот к такому, как вы, как, фактически ведь, каждый из вас! Пусть, повторяю, он не мёд и не сахар. Пусть время его промысла - ночь, а место - большая дорога. Пусть иногда бестрепетной рукой пересекает он жизнь беспомощной старухи или невинного младенца. Зато у него есть одна незаменимая черта, какая другим и не снилась. Эта черта - любовь к жизни! Любовь к людям!»

(Потирая руки). Эх, какая речь! Ведь вот до чего складно выходит, когда подражаешь Лавинии, Лавиния - разбойникам, а разбойники - новым газетным писателям! Это им подойдёт!.. Только бы меня пить не заставили...

Временная завеса уходит. На сцене - те же.

КАПИТАН. Ну? Подготовилась? Начинай. А то мои люди ропшут...

ВЕСТА. Высокочтимые господа моряки! Вы такие приятные, достойные люди, что я...

Внезапный барабанный бой. Вначале далёкий, тихий, потом всё громче, всё ближе. Ясно, что он слышен лишь одной Весте. Встрепенувшись, она прислушивается.

ВЕСТА *(вдруг, отвлечённо).*

Светит вода в колодце, чистом, как недра горна.

КАПИТАН. Чего?

ВЕСТА.

На раскалённом камне сохнут кофейные зёрна...

КАПИТАН. Эй, хромоножка, стоп! А ты погоди, Питер, записывать...

ВЕСТА.

Красные тени зноя косо плывут над садом.

(Пираты хватаются за оружие. Веста, к Капитану, пояснительно).

Свесив язык, пустыня загнанно дышит рядом.

(Прислушиваясь к барабанам).

Запах калёной глины, камня, травы колючей...

(Ходит по сцене).

Верному сердцу - Вера, Жребий, Надежда, Случай.

(К Пирату без маски, указывая на него пальцем).

Трусам и задавакам - жалкий конец до срока!

(Презрительно, отходя от него).

Мечены когтем рока судьбы под тем Зодиаком.

КАПИТАН. Клянусь грот-салингом...

ПЕРВЫЙ ПИРАТ и РЫЖИЙ *(в один голос).* Сам видишь, капитан, к чему ведёт попустительство!

ВЕСТА *(указывая на каждого пирата поочерёдно).*

Подлость, Порок, Интрига вязнут в песках задаром.

(К самой хитрой маске).

Нет, не нужны Пустыне люди с «актёрским» даром;

Слишком простые игры водятся в этом пекле;

Кактусы в жёлтом поле, - вот вам шары и кегли!

КАПИТАН. Подсудимая! Ты... с чего сошла? А?

ВЕСТА.

Вечер картину зноя перьями пальмы смажет,

КАПИТАН. Так, так... Запиши-ка, Питер, и это!

ВЕСТА.

Ночь поперёк порога чёрной овчаркой ляжет;

Голову вдрут на лапы, вслушиваясь, уронит...

Сердце свои печали в тьме и во сне схоронит.

(Над головой Весты пролетает нож. Подняв нож, она разглядывает его, явно думая о чём-то другом. Над всем и всеми в глубине сцены сияет в небольшом ореоле видение диогенова огурца, окружённого буквами огненных надписей, прерывисто сменяющих одна другую: «...Эти речи... будут всегда не ко времени... всегда не к месту... всегда не перед той публикой». «И разлучит тебя со всеми... твоё бесплодное красноречие... как не разлучила бы и вечная немота...» Глядя в огонь, где кувиркается чёрный человечек, Веста продолжает).

И голове беспутной, полной видений странных,

Снова примнится город: ряд фонарей туманных,

(Заглядывая по очереди в дула всех направленных на неё револьверов, Веста как бы видит в них то, о чём говорит дальше).

Дождь над усадьбой старой... Копья ворот с узором...

Музыка слов... И очи с твёрдым и хитрым взором...

ПЕРВЫЙ ПИРАТ. Капитан! Мы не спустим курок без твоего приказа. Но доколе терпеть?!

По сцене проводят лошадь.

КАПИТАН. Пусть, пусть поговорит... Пиши, Питер! Питер, ты всё, всё записывай!

ВЕСТА (*возвращая нож Пирату без маски, который его метнул*).
Слушай! Прощай навеки! Даль между нас - тройная!

(Отходя от него).

Первая даль - пространство. Сердце твоё - вторая.
Третья - мои сомненья, горести и печали...

(К пробегающему с полным блюдом Работнику).

В силах ли ты расслышать голос из третьей дали?
Слышишь? - прощай навеки!

(Пауза. В тишине лихорадочно скрипит перо протоколиста. Капитан делает знак и все замирают в полулюбопытствующих-полуподстерегающих позах).

...Звуки дневные стихнут,

И над шатром походным вечные звёзды вспыхнут.

И закричат шакалы тонкими голосами

Там, где предел пустыни сходится с небесами.

Пираты в нетерпении стреляют в воздух. Прочие, хихикая, разбредаются или убираются на безопасное расстояние.

КАПИТАН (*вкрадчиво*). Ну что же, душа моя? Это-то ты и считаешь речью в свою защиту?

ВЕСТА. Не знаю, капитан... Не я сочинила эту песню. (*Хватаясь за голову*). Я сама её слышу в первый раз!

Барабанный бой, давно уже тихий, вовсе смолкает. Видение огура гаснет.

КАПИТАН (*вскочив*). Ну, - сейчас я её вздёрну! Никто не мешайте мне! (*Раскат грома из уст Капитана, как мы помним, условно обозначающий нецензуричину. Почти такими же длинными и громкими раскатами обмениваются остальные Пираты. Питер Галантный что-то шепчет на ухо Капитану. Тот, разбив некоторое количество посуды и с трудом взяв себя в руки, продолжает*). Ладно! Я дарю жизнь этой, уму непостижимой, змее! Но только ради ребёнка! Я сам был нередко отцом (во многих землях) и не забыл семейные чувства. И хоша эта дрянь, джентльмены, пыталась тут

извести меня с помощью проклятых намёков, - я моряк и уважаю прямую речь. Потому постановляю: дитя изъять из пламени... - так и пиши! - изъять из пламени... Та-ак! И передать законной матери на вечное иждивение. Та-ак... Матери, значит. И никакой конторской канители и волокиты. Распорядитесь принести каминные щипцы. Тут где-то я их видел... Постарайся, Дик, ухватить младенца щипцами (*один из Пиратов пытается это осуществить, прочие помогают ему*), а ты, Франсуа, будешь подталкивать ребёнка к матери кочергой, если он из огня выходить откажется...

БОЙКИЙ МАТРОС (*деливший себя в последнее время меж горючей суетой и странной задумчивостью*). Капитан! Ведь этот же младенец не простой, он - пламенеющий! Такого - и на иждивение? Посмотрел бы я, как ты прокормишь пожар!

КАПИТАН. Делайте, что велю! Не каждую минуту мне прекословьте!

БОЙКИЙ МАТРОС. А я вот если, к примеру, не из твоей команды?

Человечка, при шуме почти единогласного одобрения, несут к Весте.

ВЕСТА. Нет! Я не могу его взять! Не могу я его принять! Боже мой!

Входит Скит. Поднимает руку. Пяťясь, толпа расступается.

СКИТ (*Бойкому Матросу*). Ведро воды! Скорее! (*Бросает Саламандрогору в воду. Та, задымившись и зашипев, гаснет. Обращаясь к Весте*). Сударыня! Да вы на ногах не стоите! Сядьте, прошу вас... Позвольте мне вам помочь!

ВЕСТА. Как благодарить вас - не знаю! Все слова я истратила на какие-то странные... речи... Почему они (*указав на толпу*) все застыли? Где... чёрный человечек? А на вывеске... (*Засыпает, сидя на стуле*).

СКИТ. Сударыня! Это вы искали дверь? А-а... Ну так спите. И вперёд не старайтесь понять - что здесь происходит,

Отделайтесь от своего
Недоумения усталого:
На свете, кроме небывалого
И не бывает ничего.

Сейчас для вас главное - отдых и покой. Спите... Спите.

Перед занавесом

С двух сторон снова входят на четвереньках Встречный и Зелёная Шляпа.

ВСТРЕЧНЫЙ.

Какая буря! Рвётся и грохочет
Подобно гласу древнего пророка,
Что, вдохновенно, с поднятою дланью
Клеймит несправедливость, лесть, жестокость,
Коварство, подлость, пошлость, лень и слабость...
Приветствую тебя, мой друг!

ЗЕЛЁНАЯ ШЛЯПА.

Здорово.

ВСТРЕЧНЫЙ.

Давно я мог тебя найти. Да вот -

(оторвав ладонь от пола, показывает её, как наглядное пособие)

Всё руки не доходят...

ЗЕЛЁНАЯ ШЛЯПА.

Понимаю.

ВСТРЕЧНЫЙ.

Намедни ты мне обещал поведать
Как ты сошёл с картинки. Бурей сдуло?

ЗЕЛЁНАЯ ШЛЯПА.

Не родилась ещё такая буря!
С картинки слезть мне помогло... иное.

ВСТРЕЧНЫЙ.

Что? Что ж такое?

ЗЕЛЁНАЯ ШЛЯПА.

Обо мне спросили.

ВСТРЕЧНЫЙ.

Кто? Кто спросил?!

ЗЕЛЁНАЯ ШЛЯПА.

Не знаю. До меня
Слух долетел, что некто интересом
Проникся к бедной личности моей;
Мол, дескать, не видал ли кто случайно, -
А где тут человек в зелёной шляпе?

ВСТРЕЧНЫЙ.

Так что ж такого? Мало ль головных
Уборов изумрудного оттенка!

ЗЕЛЁНАЯ ШЛЯПА.

Нет! Чувствую, что это обо мне.
Так слушай! Я не просто намалёван:
Я был заклят!

ВСТРЕЧНЫЙ.

Да что ты говоришь?!

ЗЕЛЁНАЯ ШЛЯПА.

«Пока не позовут, - сказал художник,
Писавший мой портрет, - не отзывайся
И не слезай. А слезешь - не вставай.
А впрочем, - он шутил, - не позовёт
Тебя никто. А значит ты не слезешь!»
Меня позвали. Обо мне спросили.
Я слез. И я спросившего ищу.

ВСТРЕЧНЫЙ.

Ты вольнодумец!

ЗЕЛЁНАЯ ШЛЯПА.

Что ты! Я смиренен,

(пятился).

А потому страшусь бесед и встреч,
Заметливых прохожих избегаю...

ВСТРЕЧНЫЙ.

Не бойся! Вот тебе моя рука!
Да ждёт тебя под Новый год веселье!
А я пойду смирять бунтовщика
И спорщика по имени Похмелье...
Хочу сразить его, собрав остатки сил.

ЗЕЛЁНАЯ ШЛЯПА.

А я - сыскать того, кто обо мне спросил.

Расползаются в разные стороны, но Встречный вдруг возвращается.

ВСТРЕЧНЫЙ. Ф-фу! Даже устал. На людях приходится быть подтянутым и элегантным... Зато теперь, когда я один, я могу со стихов перейти наконец на прозу... Да, этот старик не просто беглец, он беглец опасный! Ну и каналья! Но клянусь всеми заглавными стихиями - такими, как вода, огонь и медные трубы, - что... это я сам и намалёвал его когда-то!.. *(Уползает).*

Конец третьего действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Веста спит, сидя на стуле. Охраняя её, около ходит Скит. Пираты и другие исподлобья, с разных сторон, следят за ним.

СКИТ (*достав что-то из кармана*). Опять монету нашёл... (*Читает монету*). «Одиннадцатый век до **вашей** эры!» Какова предупредительность! (*Общество встречает его слова враждебным молчанием*).

СКИТ (*вертя и подбрасывая монету*). Ну что, ребята? Думали вы или нет о своём поведении?

РЫЖИЙ. Как не думать? Думали! Но не видать мне виселицы, ежели мы боимся твоего проклятого колдовства!

Капитан подмигивает. Двое Пиратов подходят к спящей Весте и привязывают её к стулу.

СКИТ. Тогда не начать ли сызнава? (*Делает быстрое движение, чтобы перерезать путы*).

КАПИТАН. Зачем, голубчик, мешать судопроизводству?

СКИТ. Скажи - судопроизвольству! (*Скита окружают. Из открывающихся ртов - ни слова, - слышны лишь раскаты грома, сливающиеся в сложную канонаду*). Вот так слова! Избранное из брани! Всех времён и всех народов!.. Вы не боитесь меня? Это похвально. (*Шум немного стихает*). А я не боюсь - вас, это - с другой стороны. (*Снова ропот и сверканье кортиков у самого горла Скита*). Ну, знать, судьба!.. (*Крутя пальцем, входит Работник*). Стой! Вот ты-то и нужен! (*Вырываясь и стараясь разглядеть окруживших Весту*). Помнишь, ты у меня спросил... почему из трактира этого... никто... никуда... не уходит?

РЫЖИЙ (*с верёвкой в руках*). Кто-кто, а ты не уйдёшь!

РАБОТНИК. Ничего я такого, сударь, у вас не спрашивал. Я ненормальный, я сугубо чокнутый человек, и даже не помню - кто вы такой будете...

СКИТ. Ну, сугубо, так сугубо! Поди прочь, отравитель! (*К Рыжему*). И ты - прочь! Руки прочь, говорю я! (*Вырвавшись*). - И так...

ТРАКТИРЩИК (*входя*). Ты что фулиганишь? Ты здесь что фулиганишь, я спрашиваю? А вы, молодые люди, - дадите вы ему укорот или не дадите вы ему укорота? Будет ему когда уём или не будет ему никогда уёму? Зачем из трактира моего никто

не уходит? Трактир, стало быть, нравится, - вот почему! Задумал посетителей от меня отвадить? А? По миру меня-старика пустить хочешь? А? Ну вот зачем ты моего честного работника сейчас отравителем обозвал? Ну вот зачем? А колдовства твоего не боюсь! Плюю на такое колдовство, которое деньги отымаёт!

СКИТ. Полегче, хозяин! А ну-ка сядь! Не могу же я волховать над вами каждую минуту и по всякому мелкому поводу! Мне это и самому уже, знаете ли, надоело... А вы пользуетесь всякой заминкой, чтобы отдохнуть от добродетели.

ТРАКТИРЩИК. Что мы тебе, господин волшебник, сделали, что ты почти поминутно вмешиваешься тут в нашу биографию?

СКИТ. О! Вы мне сделали много, много зла! Вы (*к Рыжему*) преследовали здесь моего друга дона Алонсо. Вы (*к Работнику*) убили его! Вы все, в бесчестии вашем, поколебали дух во мне, когда я ещё мог... воскресить его. А теперь вы препятствуете мне (*победив спазм*) ...похоронить сеньёра Алонсо по обычаю его страны. Относится это и к маленькому Юнге, убитому рукой... вот этого же, до бессмысленности подлого, - негодяя... Я тут вижу среди вас довольно известных разбойников (*некоторые приосаниваются*) при одном звуке имени которых бледнеют звёзды небесные... К примеру, ваша голова, мой дорогой капитан, была оценена в своё время весьма высоко... Хотя, что касается мозгов, кажется, я не дал бы за них и медной полушки. И вот вы-то, вы, - бессовестные проходимцы и головорезы, чистой воды преступники, - производите себя в судьи, устраиваете самосуд! А в свободное от занятий время ползаете на четвереньках, как заправские каракатицы... Вам кажется, что вы мужчины, и, для того, чтобы глубже уверовать в это, вы то и дело прибегаете к помощи «крепких» словечек. Помилуйте! Да какие же они «крепкие», если они - несвежие? То есть... вы мне глубоко опостытели. Я устал от вас и как-то... переусложнился. Теперь тут с вами я и сам, -

Как беглый каторжник, что мчит (рази вас гром!)

Вдаль, с пушечным, к ноге прикованным, ядром,

И, перескакивая буераки сельские,

Плетёт попутно... кружева брюссельские!

а погоня бьёт его по ногам из огнестрельного оружия... Повторяю: я не боюсь вас. Но я не в состоянии заклинать вас ежеминутно и каждого по отдельности: чересчур мелко для меня это штучное ослепляющее рукоделье. Я предпочёл бы приводить обычные доводы человеческого рассудка, хотя знаю: для вас это недостаточно величаво... Итак: что ждёт эту бедную девушку?

ПИРАТЫ И РЫЖИЙ (*в один голос*). Как - «что»? Натурально - казнь через пытку!

КАПИТАН. Проклятье! Мне - что? - лекаря предписали проглотить дамочкину издѣвку?

СКИТ. Ясно. Вы не похожи на человека, распираемого кровостостью. Ну, что ж... Тогда я вынужден открыть всем вам глаза на одно обстоятельство... Не миновать-стать! *(Пауза)*. Хозяин! Уж вы-то всё знаете! Вот вы тут выразили давеча опасение, что я от вас хочу, дескать, посетителей отпугнуть. Забыли или «не знаете», никогда не подозревали, что все они, все до единого останутся с вами здесь **навсегда**?

ВСЕ. Как? Что он говорит?..

СКИТ *(заметив, что Веста просыпается, - Бойкому Матросу, машинально)*. Уведите женщин и детей!

БОЙКИЙ МАТРОС *(указывая на ведро, где погибла Саламандрагора)*. «Дети» уже в ракете, но дамочки - марш за мной!

Быстро уводит Весту, на ходу что-то ей объясняя.

СКИТ *(глядя вслед ему)*. Таких, как этот моряк и упрекнуть-то не в чем... *(Задумывается)*. Но уж «чему бывать...»

РЫЖИЙ *(сощуриль глаз)*. А ты нам загадки тут не загадывай! Не на таковских напал!

СКИТ. Да я вообще ни на кого не напал. Но... но я должен сообщить вам что все вы... находитесь... на дне.

БОЦМАН *(входя после долгой отлучки в обнимку с Грузчиком и навеселе)*. А чего нам «со-о-общать»? Сами знаем...

СКИТ. Нет. Вы находитесь на дне в прямом смысле слова. На дне морском. Даже на океанском...

ГРУЗЧИК *(не сразу протрезвев)*. А т-ты сам т-тогда где же?

СКИТ *(с печальным смехом)*. Воистину - «Пьяному и море по колено!» Где сейчас я - это не важно. Но меня огорчает, что здесь так мало думают о душе...

Вдали, на стене, появляется - с трезубцем - тень Посейдона.

ВСЕ *(наперебой, Скиту)*. Сударь! Не погубите!

СКИТ. Не в моей власти губить вас или миловать. Даже то небольшое, что я умел, только ожесточало вас. Всё, что могло, если не спасти вас, то хотя бы утешить, вы стремились искоренить. Вы... *(Вопли, рѣв и рыдания)*. Да неужели же никто и впрямь не знал?! Да неужто и не догадывался никто? И тот... где он? - смышлённый матрос? И молодой тот палач в длинном фартуке? - ещё сквозняков боялся... Опять ускользнул? А если и не догадывались, - для чего, тогда, преследовали вы эту девушку? Растолкуйте; как вы узнали, что она чем-то там - здешнему укладу грозит?

Сморкания, всхлипывания отовсюду, хотя Капитан крепится.

БОЦМАН. Нутром учуяли, вот что! Чутьём, если непонятно...

СКИТ. Браво! Скрипочка «пикколо» ты, а не боцман, если - чутьём...

КАПИТАН. Хотя то утешение, что меня теперь не повесят!

Снова - дружный рёв.

СКИТ. Экое наказание! Они и вправду не знали! Я думал только напомнить им... Хозяин! Во-он из-за той большой бочки вы должны выйти и показаться народу.

ТРАКТИРЩИК (*метнув на Скита свирепый взгляд*). Ничего-то я-старик ведать не ведал! (*Хочет уйти, но, спрятав что-то в карман, садится*). Накликала-таки, ведьма, беду на мою седую голову! «Дверь» да «дверь», «дверь» да «дверь»! Вынь да положи дверь перед ней!..

ГРУЗЧИК. Слово «дверь» было для нас как совиный крик по полуночи! Поджилки трясутся, а почему - не сказать...

СКИТ. Ещё одна скрипка «пикколо»...

ГРУЗЧИК. ... не будь я грузчик, который никогда ничего не грузил и грузить не грозил...

СКИТ. Тем лучше для вас, чем больше будет таких признаков... (*С трудом выговаривая слова*). Да. Все вы здесь когда-то утонули: кто раньше, кто позже, но все до одного.

Питер Галантный, который до тех пор, в глубине сцены, привалясь на гроссбух, принимал красивые позы, теперь подходит.

ПЕРВЫЙ ПИРАТ. Что же вы однако нам присоветуете, господин волшебник? Теперь!

Возвращается Бойкий Матрос.

ПИТЕР. Потому - заметно: хоть и водите вы компанию с нами, утопленниками, а сами вовсе не утопленники будете. И цвет лица у вас не такой зелёный...

РЫЖИЙ. Ловко же он вас поддел! Пускай сначала докажет, что мы утонули! (*Заметив у ножки стола морского конька и сунув его в карман*). А я, пока не докажет - не поверю!

КАПИТАН (*вырывая с корнем огромную водоросль, выросшую за его стулом*). Вот-вот! Может статься, наши дела не так уж и плохи?

ПИТЕР (*наколовшись на морского ежа*). ...Мало ли какая у ваших слов цель...

СКИТ. Что ж. Рассказать вам старую легенду? *(Всё и вся принимает вид кругового жадного слушанья).*

Не знаю где, не ведаю когда
Жил на земле трактирщик знаменитый.
Ещё при жизни славою покрытый,
Он вёл своё хозяйство - хоть куда!
А сын трактирщика был плут и мот.
Отец копил, а сын был сильно щедрым
И всё, что мог, спускал с попутным ветром.
Папаша вёл приход. Сын вёл расход.

ТРАКТИРЩИК *(в непонятном возбуждении).* Ай, ай, ай!
СКИТ.

И стал трактирщик старый отходить.
И молвил, приподнявшись на постели:
«Сынок! Я отбываю в царство тени,
Чтоб за тобой оттудова следить.
Но мало слежки: я распорядился
Тебя лишить наследства, милый друг...

(Хихиканье Трактирщика).

Копи! Корпи! Трудись, как я трудился!
Ночей не спи! Жри только хлеб да лук!
Во всём себе отказывай, вампир!
Забудь отца для **собственной** идейки;
Построй трактир на **собственные** деньги!

(В болезненном упоении Трактирщик пускается в пляс и, вернувшись по кругу, вновь усаживается на скамеечку у ног рассказчика).

Тогда-то и получишь **мой** трактир.
В придачу, плут! **Единственно** - в придачу!
А попусту дукаты я не трачу».
Стал бледен сын, как в полдень - привиденье:
«Отец! Не попрекай меня куском.
Хоть тресну, а построю заведение, -
Живой ли, мёртвый, - хоть на дне морском!»

ТРАКТИРЩИК *(точно эхо).*

Живой ли, мёртвый, - хоть на дне морском.

СКИТ.

«На суше, - де, - я пропил всё земное,
Но место на воде - ещё за мною!»

ТРАКТИРЩИК.

Но место на воде - ещё за мной!
Когда не на волне, то - под волной.

СКИТ.

Так юноша, оставшись без наследства,
Пустился добывать повсюду средства.
Что ж... Прыгал он, как угорь на углях...
И, чтобы дело как-нибудь ускорить,
Себя развить и время переспорить, -
Стал плавать... гм... на разных кораблях.

БОЦМАН.

Отцова жила, стало быть, проснулась...

СКИТ.

Но шхуна, на которой он летал,
Под бурей, как-то в ночь, перевернулась
И вдребезги о зубья острых скал
Рассыпалась...

(Общий вздох).

Вот с этого-то шага,

По сути, и начнётся наша сага,
И к нашей тайне тут отличный ключ!
...Сын старика и в мёртвых был живуч.
Маячный сторож в час ночного бденья
Видал: по скалам бродит привиденье;
В одной рубахе длинной, босиком...

ТРАКТИРЩИК *(в странном забытии, потирая руки).*

И говорит: «Построю заведение,
Живой ли, мёртвый, - хоть на дне морском!»

СКИТ.

То под волну провалится - нырком,
То чайкою взлетит над серой мелью, -
И всё живое прячется окрест,
И мчатся вдаль расстроенной метелью
Другие чайки - прочь от гиблых мест...
Взметнётся чайкой - значит в лапах щепка;
Нырком крутнётся, - в кловике заклепка;
Бесплотным духом выступит из вод, -
Ан - на плечах бесплотных - целый плот,
Вещественный, из самых прочных брёвен...
(Не знаешь, где потопнешь, - час неровен!)
Всё духу впрок: доска, забор, загон...
Всё - от вельботов до бочарных створ!
Так привиденье страшное, бывало,
Суда с пути разумного сбивало
И - разбивало! Дабы заодно
Обломки уволакивать на дно...

Беги, о лощман, вод необычайных!

(Поведа спиной, Трактирщик настораживается).

А из обломков, - чёрных, склизких, тайных,
Накопленных за несколько веков
(Нептун ли его чести удостоил, -
Но...) страшный сын трактирщика построил
Трактир для утонувших моряков.

Общий стон ужаса.

ТРАКТИРЩИК *(бросаясь на рассказчика).* Ложь! Ложь! Тут тебе не кабачок «Обознатушки»!.. Гляди-ка, и сам здесь останешься!..

СКИТ *(увернувшись, отбрасывает его).* Руки прочь! «Истина рождается в споре», но опять погибает - в драке... *(Вытирая кровь с лица).* Впрочем за истиной здесь и не гонятся...

ТРАКТИРЩИК *(поднимаясь с полу).*

Я вспоминал... Я думал - это сказка,
Которую от нянек детки ждут,
Которую... и сам я знал... А тут -
Прямой донос! И дел чужих огласка!

СКИТ.

Итак я продолжаю свой рассказ,
Хоть он и не устраивает вас.

(Ходит в раздумье, затем останавливается).

Трактирщик наш, едва корабль потопит,
(А он доньше топил корабли!)
Утопленников сам же и торопит,
Чтобы в трактир «на чарочку» зашли.
«Вот, вот сюда...» Где эль да шашлыки,
Где «отдохнуть бы, сударь, вам немного!»
И сам, собственноручно, у порога
Снимает с мёртвых ног колосники.
Не все, конечно, шли с колосниками:
Тех топят, а иные тонут сами.
Но, между прочим, след колосников
Не сходит с ног в течении веков.
Зачем вы на ноги свои глядите?
Что? Больно? Разомнитесь... Походите...

(Все трут себе ноги, затем начинают ходить широким разлаженным кругом, всё глубже задумываясь и натываясь друг на друга в странной рассеянности).

Смелей... Смелей... Вот так... Вот так... Вот так...

(На миг закрыв ладонью глаза).

Что в глаз мне залетело? Соль? Табак?

(Пауза. Скит, прижав руку к сердцу, следит за идущими мимо него по кругу).

Вы всё забыли. Начисто забыли!

(Указывая на притаившегося Трактирщика).

Забыли, как на рифах вас топили,
Как потопили; как поволокли,
Крутя, по остриям утесов донных,
И наконец - навеки - в грёзах сонных
Забыли дверь, в которую вошли!

Трактирщик снова нападает на Скита.

СКИТ. Руки прочь, предатель! С мёртвыми я не дерусь!

ТРАКТИРЩИК *(бросив нож в него).* Сейчас помертвее меня будешь! *(Скит перехватывает нож).* Так, ты опять про дверь, да? Потопить меня хочешь? Море сюда выпустить хочешь? Эй, сыночки, голубчики! Вы что - не видите и не слышите? Осквернитель могил перед вами! Да ведь он погибших в живые люди вербует! Эй-ка, - на помощь мне - против заклятого!

Но эти слова оказывают вдруг обратное действие. Все начинают поглядывать на Скита с какой-то надеждой. Иные, робко приблизившись, глядят его или сдувают пушинки с его рукава. Сложное смятение на лице Скита. Никто не обращает внимания на Трактирщика.

БОЙКИЙ МАТРОС.

Жестокий путешественник! Зачем
Ты разбудил нас? Для какой забавы?

ТРАКТИРЩИК.

Вот видишь сколько мёртвых ты наделал
Из только что живых!

СКИТ *(обращаясь к Трактирщику).*

Кровавый Лис!

Я мёртвых воскрешаю. Ты живых
Изводишь! Повторяю: сто судов
Ты потопил...

ТРАКТИРЩИК.

Так вот же и не сто,
А только девяносто девять! Пльонь

На рассказы матросов суеверных,
Так верящих в меня, что даже лестно...

СКИТ (*Бойкому Матросу*).

Я чары снял. Отныне корабли
Не станут пропадать на ровном месте.
Скрой правду я от вас, - они и дальше
Запропадали бы в Бермудской прорве...

БОЦМАН.

Изрядно, сэр. Но вы не всё сказали.

СКИТ.

Скажу. Для экспедиции своей
Искал я здесь действительных людей.
Никто не помогал мне. Все мешали.

БОЦМАН. Вон что! Стало быть, одни вам действительные,
а другие вам - недействительные?

СКИТ. Действительны все, кроме сверхчеловека и пошляка.
Что, впрочем, одно и то же.

ПЕРВЫЙ ПИРАТ (*играя поодаль в карты с Капитаном*). ...Я-то сразу понял, что за фрукт сюда к нам на дно свалился...

КАПИТАН (*Скиту*). А коли по-вашему настоящих такие прорвы, как же вы столько порченных здесь открыли?

СКИТ. Сам не знаю. Но, чем больше на свете достойных людей, тем реже они нам встречаются.

РЫЖИЙ. И выходит, - одних нужных ищи и одних только нужных - спасай. Так ли я говорю, господин водолаз?

СКИТ. «Нужных» или «не нужных», а главное, что безоружных. Ты же - не садись на людей верхом да не лупи их по башке кирпичом, а то никто не заметит - в какой ты опасности находишься.

ГРУЗЧИК. Чего толковать, когда всё равно уже нас по сортам раскидали...

СКИТ. Просьба не путать: это не я, это вы людей сортируете! Одного убили, загубили другого, и уже третьего человека порешить приготовились! Не подоспел бы я... Поймите: я не имел другого средства остановить вас, как только - открыв вам глаза на ваше собственное, - ...скажем так, - не блестящее положение.

РЫЖИЙ. А тебе не едино - кто кого здесь порешит, если мы уже и так (*цокает языком*) порешённые?

СКИТ. Не совсем едино. Совсем не едино. Наверху говорят: «Двум не бывать - одной не миновать». Правильно? А когда одному лицу вы учиняете погибель №2... Словом, я не уверен, что человека о двух кончинах можно спасти. То есть, это гораздо труднее, чем...

БОЙКИЙ МАТРОС. Ловлю вас на слове! Значит и нас ещё не поздно спасти?

СКИТ. У нас, у медиков, есть присловие: «Я врач, но я не Бог». Но даже если... я не утратил здесь окончательно свой прежний спасательский дар, всё равно я не смог бы вызвать... каждого из вас. Признаюсь: я не мог бы спасти пошлака - это неизлечимо. Я не мог бы, повторяю, спасти «сверхчеловека» (потому как в нём-то и сидит погибель во все концы!) В остальном... (*Ходит большими шагами*). Что ж! «Попытка не пытка»... (*Останавливаясь*). И, кстати, что до господ пытателей, а изъясняясь вежливее, **естествоиспытателей**, то им не спастись **никогда**. Пытать, как видим, ещё опасней, чем быть пытаемым. Ибо, заметьте; увлечение этим почтенным занятием тоже входит в состав сверхчеловека... И когда вы учинили над этой девушкой самосуд, ведь - это вы свою, а не её душу бессмертную подвергли...

ПИТЕР (*шурясь, грызёт перо*). Тем раскалённым дитятей, господин чародей, мы просто рассчитывали занять ей руки. Чтобы меньше вредила. (*Небольшой фальцетный раскатец из уст Галантного*). Она не устаёт напоминать нам, - откуда мы все явились в эту обитель и куда мы должны...

ГРУЗЧИК. Только-только забудешься, - а уже она тут! Как тень какая... неотвязная...

БОЦМАН. И это уже становилось опасным, сэр.

СКИТ. Не опаснее, чем творить самосуд. (*Пауза*). Но что же мне с вами делать? (*Пауза*). Войти сюда можно, но выйти отсюда нельзя.

ВСЕ. Нельзя...

СКИТ. Потому что за грешной душой, сюда входящей, никогда не врывается море.

ВСЕ. Море...

СКИТ. Но грешная душа, пожелавшая бы **выйти** отсюда, непременно впустила бы море, едва приоткрывши дверь.

ВСЕ. Впустила бы море... в помещение.

СКИТ. Казалось, вам нечего терять, но... Вам доступно было забвение!

ВСЕ (*как эхо*). Забвение!

СКИТ. Море, - впусти мы его сюда, - разрушило бы этот - печальный, - но распорядок. Сама погибель не едина; она бывает и лучше и хуже. Здесь вам... лучше. (*Помолчав*). Следите же за дверью, чтобы никто и вправду... не успел приоткрыть её.

Вбегает Работник.

РАБОТНИК. Господин волшебник, тут вас всё какой-то человек спрашивает! С глазу на глаз переговорить желает...

СКИТ. Кто бы это мог быть? (*Уходит за Работником*).

КАПИТАН (*бросив карты, извлекает откуда-то гитару. Обращаясь к Бойкому Матросу*). Спой-ка ты, слышь, ту свою старую песню! Непонятная песня, - ничего не скажешь. Но всё равно спой.

БОЙКИЙ (*взяв гитару*).

...Джим, Джим, Джим,
Куда ж мы теперь поспешим?
Надо ли ехать в Испанию,
Данию,
Швецию,
Грецию,
Рим?..
Если там -
Желанный твой причал, -

Тихо опускается занавес. Перед занавесом появляется Джим Форсетфул из Клондайка. С бутылкой в одной руке и толстым стаканом в другой, прислушивается к звону струн за тканью занавеса.

ДЖИМ (*подхватив песню*).

Дальше, дальше,
Ах, дальше, дальше, -
Сумрачно Джим отве...

(Оборвав песню, неприступно смотрит на бутылку и, помолчав, произносит).

Бог-виноградарь Дионис!
Куда ведёшь от виноградной грозди
Свой древний род?
Вверх или вниз?
К унынию или к восторгу в гости?
Вино. Винцо... Винище! В нём
Как будто гром катящегося кома!
Глотнёшь - и рот набит огнём,
Как девять пастей дряхлого дракона!
Как ястребиное крыло,

(Наливает).

Его струя ударит в дно бокала,
И станет видимым стекло,
Что без него едва существовало.
От первой грозди - с Богом! В путь!
Знакомство с чарочкой - шут знает, как приятно!

(Как бы собирается выпить).

Но... далее ни шагу! Будь
Ты трижды клято! Тьфу! Кати обратно!
Куда пришло? На праздник ртов?
Здесь ряженных не принимают.
Не здесь за ряженных шутов
Заряженные ружья принимают!
Прочь! Прочь!

(Выплёскивает вино).

Пускай паду в глазах моих коллег,
Благодаруем, как бесом, обуянный,
Но вырвусь, Господи, на воздух и на снег,
И с первым поездом - в Клондайк обетованный!
В трактирах должно пить. А так как я не пьяный, -
Одно спасение осталось мне: побег!

Быстро уходит. Занавес поднимается. Там же. Те же. Входит Скит. За ним, на четвереньках - Встречный. Шестые замыкает Работник, вертящий пальцем у лба.

СКИТ. Похоже, что этот малый принёс нам какие-то вести, с воли. Жаль, из-за его странной позы с ним довольно трудно беседовать на равных... Встань, четвероногий друг мой!

БОЙКИЙ МАТРОС. А по-моему, он четверорукый.

СКИТ. По преданию существуют люди «прочно стоящие в этой жизни на обеих ногах». А на всех четырёх, как видно, ещё прочней получается? Встань же!

ВСТРЕЧНЫЙ. Не могу - и всё тут.

СКИТ *(обращаясь к Бойкому Матросу).*

Не стоит подымать его. Мошенник

Обязан сам подняться с четверенок, -

Без кранов, рычагов... Без помощи планет

И звёзд... Эй, там, внизу! Ты встанешь или нет?

ВСТРЕЧНЫЙ. Я, конечно, об этом ещё подумаю. Но так как вставать всё равно приходится всё реже и реже, то не лучше ли мне раз и навсегда остаться в этом естественном положении?

СКИТ. «Естественном»? Так, может быть, на четвереньках ты ходишь из принципа?

ВСТРЕЧНЫЙ. Ага.

БОЙКИЙ МАТРОС. Та-ак... Четыре руки и... или... четыре ноги. Итого - осьминогое. У японца Иссё Тёго в аквариуме сидел точно такой же... Слушайте, а может, ему якорь бросить?

ВСТРЕЧНЫЙ. Не встану я, да и только.

ПОСЕТИТЕЛИ *(наперебой).* Тогда, зачем пришёл? Зачем беспокойство принёс? Иди отсюда, эй, ты! Без тебя тошно...

Не разговаривайте с ним, сударь, у него времени много - вот он и развлекается...

СКИТ. Нет. Он что-то знает. Ну-ка!

Фея Мелузина!

Фея Шелестина!

Поддержите под руки

Кукишева сына!

Раз, два, три, -

Фонари!

(Встречный встаёт).

Тьфу ты, на что приходится тратить энергию волшебства! Садись... рассказывай - что там такое?

ВСТРЕЧНЫЙ (*озираясь*). Повстречал я тут одного человека. И объявил он мне под строгим секретом, что сошёл он дескать...

ГОЛОСА ПОСЕТИТЕЛЕЙ. С чего? С чего сошёл?

ВСТРЕЧНЫЙ. С вывески. П-при... входе. (*Ропот и гул*). Давно, говорит, был я тут нарисован, но краски мои потусквели. И я так легко, говорит, сошёл со своего портрета, потому что меня... позвали!

СКИТ. Позвали?

ВСТРЕЧНЫЙ. Кто позвал, говорит, не знаю, но, только, был мне голос. И двинулся я навстречу этому зову...

РАБОТНИК. Ясно мне, - это она!.. Откуда же ещё и сквозняку проистечь можно?! Дозвольте мне, сударь, пойти, и связать её, и привести на верёвке!

СКИТ. А вот посмей мне только! (*Задумывается*). ...Она ищет дверь. А человек с вывески уже идёт ей навстречу... Нет, нельзя допустить, чтобы они увиделись... Ну - час настал! Скорее ступайте все и расставляйте посты! Не вздумайте обижать (я это быстро узнаю!), но всеми правдами-неправдами отвлекайте их друг от друга! (*Все живо расходятся. Счит к Работнику*). А ты - постой-ка! Не уходи! Будь добр, поддержи мою трость... а я свой платок поищу... Спасибо.

РАБОТНИК (*ухмыляясь*). Сударь, ведь, пока я держал трость, вы проделали надо мной штуку!

СКИТ. Ничего особенного: просто - ты взял мою трость - и с этой минуты уже никого отравить не сможешь. Вот и умница. Молодец! Человеку и самому выгодней, когда у него благородная цель.

РАБОТНИК. Это глумление над личностью! Это ущемление людских прав и свобод! Я буду жаловаться!

СКИТ. Не благодари. Чем могу... Пустяки! Мне это ничего не стоило. Ступай же... (*Оставшись один*). ...Я укрыл их одним плащом. Я отгородил это место... Я так и оставил их, - как

были... Неужели я всё ещё надеюсь?! (*После молчания*). Б-р-р! Здесь так и свищет по ногам холодом небытия... Занесла меня сюда нелёгкая! Как ярко было утро, когда я сюда сошёл!.. (*Вновь помолчав*). Считается дикой мысль, что Вселенная сотворена. Но ведь если бы её никто не сотворил, если считать, что она сама появилась, - разве не было бы это ещё дичей, ещё удивительней?! Но что это? Опять кто-то идёт? Стоило спускаться на дно морское, если и тут не дают покоя! (*Входит Веста*).

ВЕСТА. Сударь! Это вы! Господи, неужели я вам и «спасибо» не сказала? (*Робя*). Ведь вы спасли мне жизнь...

СКИТ. Пустяки, сударыня. Никого я не спас.

ВЕСТА. Это вы из скромности так говорите. (*Молчание*). Сударь, как я вижу, ни у земли, ни у неба нет тайны от вас. И... и... это мелочь, но вы один мне подсказать можете: куда они спрятали мой узелок с сухарями? Так проголодалась, что...

СКИТ. Сударыня! Ночь молчит насчёт узелка и звёзды впервые не в силах помочь смертному! Но мы сделаем прощ... Эй! (*Ударяет тростью об пол. Из-под пола выныривает столик, на котором индейки, фазаны, бараны, - всё целиком*). Прошу к столу, сударыня!

ВЕСТА. Иногда мне начинает казаться, что всё это - сон...

СКИТ (*в сторону*). Занятно!

ВЕСТА. Но... такая досада! Всякий раз, как во сне захочется есть, - мне снится еда.

СКИТ. Логично. Но отчего же «досада»?

ВЕСТА. Видите ли, деньги, чтобы всего закупить, - никогда не снятся.

СКИТ. Ну, это, знаете ли, шепетильность уже - чрезмерная. Неужели же и во сне, - гром рази, - нельзя наесться бесплатно?!

ВЕСТА. Постараюсь вам объяснить... Даже если это сон... Даже если и всё на свете только сон, - **свой** сон я хотела бы проспять по-джентльменски.

СКИТ (*в сторону*). Небо! Вот человек для моей экспедиции! Но... Нет! Нет! И тебе не поверю. Эх, Алонсо! Зачем ты меня обманул? (*К Весте*).

«Проспать по-джентльменски»? Вот так да!

Неужто вы... не лгали никогда?

ВЕСТА.

Лгут все. Но разделяются подспудно

На лгущих с лёгкостью и лгущих трудно.

СКИТ. Но что же вы не едите? Никаких денег! Я, просто, угощаю вас!

ВЕСТА. Широта вашей природы здесь налицо. Но... трудно-вато мне будет откусывать от целого барана.

СКИТ. Ах, да! Я так завален был мелкой работой, что загрузил по размаху... Но ведь всё это можно измельчить... (*Достав меч из своей трости, замахивается на снесь*).

ВЕСТА. Спасибо, сударь, спасибо!

СКИТ. Спасибо, - да, или спасибо, - нет?

ВЕСТА. Спасибо, - нет, конечно. Иной раз поглядишь на припасы, - и как будто уже сытно поужинал...

СКИТ (*в сторону*). В самом деле, - сиди, дурак! (*К Весте*). Итак вы и во сне хотели бы сохранить человеческое достоинство? Но с вами-то в этой местности, которую вы называете вашим сном, не очень считаются. Кстати, зачем вы всё время разыскиваете дверь? Вы же этим всех против себя восстановили!

ВЕСТА. К-как - «зачем»?! Неужто и вы... (*Явно приуныв*). Ищу дверь, чтобы выйти отсюда. Это ведь очень просто!

СКИТ. Был у меня друг, испанец Алонсо. Он был мне как сын. Так, тот тоже, между прочим, считал, что из трактира надо когда-нибудь выходить... Это была у него удивительная черта! Помнил даже, куда ему дальше ехать... Хотя, по правде сказать, дальше ему ехать было некуда. Эта его ребяческая, но твёрдая, вера меня так подкупила, что, несмотря ни на что, я поверил в его реальность...

ВЕСТА. Я... не понимаю - о чём вы?

СКИТ. ...И что бы вы думали? Этот-то действительный, этот-то настоящий, - возьми и умри давеча от руки призрака! Возьми и загни (вместе с одним сиротой - мальчуганом), от руки... смутного, да, да! - ведь даже не очень ясного, не совсем даже отчётливого призрака! Что ж. Стало быть, то, что он выйти хотел (это я об Алонсо) и единственный из всех верил в существование дверей, - ничего особенного не значило?

ВЕСТА (*подумав*). Настоящий, а пропал, говорите, от руки привидения? Но ведь только так и происходит на каждом шагу! Настоящий настоящего не убьёт, а между тем, - куда в прорву деваются все настоящие? Кто же их истребляет, если не призраки? У кого у другого рука подымается? (*Помолчав*). Да; а какая связь между вашим другом, призраками и мной?

СКИТ. Ведь я сказал: он тоже искал дверь!

ВЕСТА (*с обидой*). Ну, значит, и меня скоро обязано докопать какое-нибудь привидение! Прощайте. А вашу помощь я всё равно не забуду.

СКИТ (*шутливо*). Но только просьба: чёрного человечка вспоминайте отдельно, а меня - отдельно! (*В сторону*). Вот так - заронят сомнение, а сами бегут... Нет! Я не позволю им дурачить меня так долго, и так безнаказанно... Я... я запутаю тебя вопросами... Я заставлю тебя открыть твоё подлинное лицо! О проклятые духи! Лиси-

цы! Оборотни! Но некоторые... так правдоподобны! Это наконец невыносимо. (*Вслед Весте, которая из-за натёртой ноги, не успела ещё скрыться из виду*). Пойдите! Вернитесь же! (*Веста возвращается*). Давно... хочу спросить вас. Вот вы всё благодарите меня... А... что вам стоило самой управиться с этой компанией?

ВЕСТА. Как же бы я могла?

СКИТ. Н-ну-у... Вылетели, допустим, в дымоход - и поминай, как звали!

ВЕСТА. Я не в совершенстве владею помелом. А вы... Зачем в моих глазах вы стараетесь быть грубее, чем есть?

СКИТ. Гм... А как вас зовут?

ВЕСТА. Веста.

СКИТ. Ну... а другое, - вы только не обижайтесь! - другое, нездешнее ваше имя?

ВЕСТА. Меня и наяву зовут Вестой. А вас как звать?

СКИТ. Скит моё имя. (*В сторону*). Не вдруг-то его собьёшь. Эх, забыл, видно, я, как духов запутывают! (*Громко*). Значит вы думаете, что это ваш сон, Веста?

ВЕСТА. Теперь я готова и к этому.

СКИТ. Оригинально! А где же и кто же, тогда, по-вашему я?

ВЕСТА. Вы? (*Сильно подумав*). Вероятно... вы мне снится.

СКИТ. Витязь, витязь, вы мне снится? Нет, сударыня. Если это и сон, то мой сон. И значит это вы мне снится.

ВЕСТА. С самого начала вы внушаете мне, будто меня и на свете нет. Зачем? Я могу назвать вам свой город наяву, номер дома и квартиры... Подъезд описать, лестницу...

СКИТ. Да хоть бородавку на носу дворника! Но один и тот же сон двоимниться не может. И если спящий - один из нас, то другой - только сон его, только сон! (*Становясь прямо перед ней*). Не обманывайте себя и меня. Я вижу, как побледнели вы перед рассветом... Да, да! Все вы - призраки, все, - двойники!

ВЕСТА. Если я только сон - зачем вы спасли меня?! (*Ходит вперёд и назад*).

СКИТ. Зачем спас? Привычка к добру... от чистого умозрения... (*Наблюдая за ней, в сторону*). И хромает, как те... Нет! Жалость - прочь! Болван! Ты всё ещё не изучил их повадки?!

ВЕСТА. Ах, «привычка к добру»? Ничего себе - «добро»! Вы... вы... вы самое, оказывается, трудное сновидение из всех моих страшных снов! Моих? Да нет, это чужой сон! - мне онниться не может! Чужой сон! Который снится кому-то другому... А я нечаянно встряла! Потому я и рвусь так отсюда! Смотрите! - сейчас я проснусь и мой чужой сон исчезнет! И вы исчезнете вместе с ним! Смотрите; я тру глаза! (*Отвернувшись, платком трёт глаза и долго не оборачивается*).

СКИТ. Но он дьявольски правдоподобен! (*Пауза. Самому себе.*)
Оставь! Ты устал и разучился сдерживаться. Ну чего ты к нему привязался? (*Вдали слышна какая-то мелодия.*) И с привидением следуешь обращаться, как с человеком, пока оно не вредит... Пока... Но что это? (*Гитара, кастаньеты, приближающийся голос.*)

ГОЛОС.

...Не как фат, не как мошенник,
Не как наглый похититель,
А люблюсь я Пресьесой,
Сердца пыл сдержав смиренно,
Как поэт, и как влюблённый...

Входит Алонсо, придерживая за плечи Юнгу, облачённого в предлинный - до полу - плащ.

СКИТ (*с трудом приходя в себя*). Алонсо! Ты... ты жив? И юнга... Живы оба?!

АЛОНСО. Разумеется, живы, сеньёр! Но воистину «мёртвым сном» я спал, и он - тоже... (*Юнга чуть не падает. Скит бросается на помощь*).

СКИТ. Что с мальчуганом?!

АЛОНСО (*смеясь*). Ничего. Запутался в большом плаще и проснуться не может!

Веста, подоспев, вытутывает Юнгу из плаща, Скит и Алонсо укладывают его на лавку. Скит, прослушав дыхание Юнги, широко улыбается.

СКИТ (*выпрямляясь*). А вот теперь - пускай спит, сколько хочет! (*К Весте, которая хочет потихоньку ретироваться*). Веста! Не уходите! Простите меня!

ВЕСТА. Что я должна простить вам?

СКИТ. Веста, - вот это Алонсо. Алонсо, - это вот Веста. Тоже наш человек!

АЛОНСО. Горжусь и счастлив знакомством с вами, донья Веста!

ВЕСТА. Я очень рада.

СКИТ. Веста! Я посмел усомниться в вас! Простите мне это! Простите! - и... и - вступайте в мою экспедицию! Это как раз та экспедиция, которая выявляет действительных и спасает их! (*Бросив гордый взгляд на спящего Юнгу*). Как замечательно спит этот парень! Теперь мы его без труда разбудим... Веста! Пойдёмте с нами! Взрослых нас будет пока только трое, но со временем...

ВЕСТА. Больше я, сударь, и не сержусь, что вы усомнились во мне. Ведь никто вам не говорил, что я настоящая. И вообще меня здесь не знают... Но потому-то я и не могу войти в экспеди-

цию вашу. Сейчас у вас всё хорошо и я... я так рада за вас! Но - первое же затруднение у вас, - и я опять потеряю ваше доверие.

СКИТ. Веста, я осёл! Но умоляю: не рубите канаты сразу! (*Быстро склоняется перед ней*).

АЛОНСО: К просьбам моего друга я присоединяю свои!

Так же, как Скит, преклоняет перед Вестой колена. С дубиной и с вилами, с криком - «Где она?!» - врываются Грузчик и Рыжий. Бегом вползает Встречный, за ним идут Капитан, Питер и остальные Пираты. И пятеро этих последних, при виде галантной сцены, немедленно хватаются за оружие.

КАПИТАН. А-а! Так вот они где, мои птички! Гляди, как трогательно, Питер! Видишь, пока мы с тобой зевали...

Скит и Алонсо встают с колен.

СКИТ. Что всё это значит?

ПИТЕР. Что мне в ней? При первых же звуках моего единственного комплимента она горько заплакала! А когда, очертив дугу, её отпрыск полетел в пламя, я...

КАПИТАН. Знаю, Питер, знаю. (*Скиту*). У вас опека над ней или опала, господин чародей?

ПИТЕР. То есть - опекаете вы её или опаляете?

Алонсо, со шпагой, заслоняет Весту.

РЫЖИЙ. А я всё жду, господин волшебник: когда же вы нас уважите за наше каторжное терпение? Сами нам стоять на вахте велели...

ПЕРВЫЙ ПИРАТ. ...а никого на смену караула нам так и не шлёте!

ВТОРОЙ ПИРАТ. Дело ясное: наличие бабы на корабле не может не угрожать гибели!

Встречный, грызя соломинку, выглядывает из-под стула и переводит глаза с одного лица на другое.

СКИТ. У вас есть мечи, - к чему ещё вилы?

РЫЖИЙ (*хотя он как раз без меча*). Не пойду я с мечом против бабы!

ГРУЗЧИК. С женщинами не воюют. Иначе, как дубьём или кирпичиною.

СКИТ. Ваши высокие принципы делают вам честь! Но чего же вам нужно от этой дамы?

КАПИТАН. Даже изображение женщины грозит изображением гибели...

ПИТЕР. Изображению корабля...

КАПИТАН. А коли всё по-настоящему - так это ещё опасней!.. Вы обещались, господин чародей, обезвредить её, но что-то не очень торопитесь... Вам нехорошо обманывать моих молодцов! Да, да, - вот этих. А как я есть их доблестный капитан, то мой священный долг распалить их на правое дело!

АЛОНСО (*Скиту*). Сеньёр, этот шут мне кого-то напоминает...

СКИТ. Так-то вы держите караул? (*Глянув на спящего Юнгу*). И нет у меня смены для вас. А вас, всё-таки, много. Но главное, - я не обещал вам поддерживать смертоубийство. Пеняйте же на себя!..

ПЕРВЫЙ ПИРАТ. Куда ветер, туда и принципы ваши, сэр!

СКИТ. О да, я очень изменчив... А посему - сейчас же сложить оружие! Во-он в том углу... (*Указывает тростью*). Вы не ослышались и я жду.

Пираты вновь лунатически подчиняются Скиту. Грузчик и Рыжий следуют их примеру. Капитан, при виде картины разоружения, нападет на Скита.

КАПИТАН. Ну, господин волшебник, не обессудь! На золотую магию всегда найдётся (*выбив трость из руки Скита*) - чёрная!

АЛОНСО (*Капитану*). Сначала ты будешь биться со мной! (*Бьются*).

СКИТ (*успев подобрать трость*). Алонсо! Ты не можешь драться вместо меня! Будь я даже уязвим... (*встречает меж противниками*) ...я рисковал бы... только жизнью, а ты...

АЛОНСО. (*ранив Капитана, которого тут же отводят в сторону Пираты*). Чем же - я?

СКИТ. Бессмертием! Пора. Пора тебе узнать об этом, Алонсо!

АЛОНСО. Всякая душа бессмертна, сеньёр! И поэтому все должны рисковать на равных. (*После молчания*). Или «Союз действительных» осуждает решимость, поощряет робость и запрещает свершение?

СКИТ. Ну вот уж нет! «Союз действительных» требует от тебя решений, свершений... и всей, всей выдержки, которая понадобится тебе сейчас. Крепись же и слушай.

(Тихонько входит Бойкий Матрос и, скрестив на груди руки, становится между грудой оружия и Пиратами, Грузчиком, Рыжим. Но сейчас это, видимо, уже излишняя мера. Питер в глубине сцены перевязывает Капитану раненую руку. Остальные ходят мимо них задумчивой вереницей, порой накло-

няясь и потирая ноги, - как тогда, при упоминании колосников. *Весты* давно уже нет на сцене. *Алонсо* стоит. со *шпагой*. *Скип* начинает ходить по авансцене, заложив руки за спину).

Пять веков назад или чуть поменьше из Англии через Бискайский залив шёл торговый бриг «Сегура». На борту его находился в числе прочих и молодой Алонсо де Гутьеррес... (Твой тезка и однофамилец). Он вёз в Толедо важную бумагу из Англии. Но поднялась буря... Долго «Сегура» не могла пристать к берегам Испании: с изодранными снастями, с пробитой обшивкой всё носилась она по заливу... Пока, невдалеке от Льянеса, не была взята на абордаж, а затем потоплена пиратской бригаantinoю «Акушер», ходившей под командованием капитана Джона Шарпа по прозвищу Акула...

АЛОНСО (*рванувшись в сторону Капитана*). Так вот кого он мне напоминал! (*Но Скип удерживает его, а Капитан ретируется. Крадучись, гуськом уходят за ним Пираты, Рыжий и Грузчик*). Я даже чуть не забыл, что мерзавец ранен... Я...

СКИТ. Стой! На том судне ведь никто не спасся.

АЛОНСО. Знаю, дорогой сеньёр.

СКИТ. Зна-аешь?!

АЛОНСО. Кому, как не мне и знать об этом, сеньёр, если Алонсо де Гутьеррес - это я, письмо вёз - я, и...

СКИТ (*с трудом произнося каждое слово*). ...и утонул ты, Алонсо!

АЛОНСО. Знаю. Я давно уже это заметил.

СКИТ. Так, какого же рожна ты скрывал это от меня?!

АЛОНСО (*улыбаясь*). Это вы скрывали от меня, сеньёр, а я всегда знал. Тайна моя состояла в том, что в первой моей жизни я был заклят. По особенному условию этого заклатья, совсем пропасть я не мог, я просто **перешёл**, сеньёр, то есть... как бы даже... легко перешагнул. Да. Об этом долго рассказывать и в это трудно поверить, но... Через каждые девятнадцать лет моего бесконечного бытия, в ночь на двадцать третье декабря мне непременно кажется, что я... всё тот же Алонсо, который спешит в Толедо...

СКИТ. Так, ты потому и рвался в Толедо?

АЛОНСО. Толедо как раз и являлось одним из испытаний моего бессмертия, сеньёр. Не сумеи вы тогда удержать меня, я и уехал бы... в Толедо! Но вы остановили меня и этим продлили моё бессмертие... Ещё на девятнадцать лет!

СКИТ. Алонсо, значит твоё бессмертие и всегда будет подвергаться сомнению?

АЛОНСО. Через каждые девятнадцать лет. Но это ведь и не такой малый срок! Не каждому удаётся прожить его даже единожды.

СКИТ. Дружище, а что это за ощущение - бессмертие? (*Входит Веста*). О, где вы были? Веста, вы всё обдумали? Вы пойдёте с нами?

ВЕСТА. Сударь, я всего лишь домохозяйка. Я только вот здесь, в трактире - и научилась говорить по-интеллигентному. Более-менее. Да и то потому, что съела особенный огурец... Я вам буду обузой...

СКИТ. Вот тебе, Алонсо, тема для стихов! Домашняя хозяйка, которая съела таинственный огурец и потому не может войти в Союз действительных!

АЛОНСО (*смеясь*). Тема достойная! Но я не могу обратить это сразу в чистое золото поэзии. Как Мидас, - который, - на что ни глянет - всё золотом станет! Донья Веста! Пойдёмте с нами! Прозой прошу! До стихов дойдёт - хуже будет!..

ВЕСТА (*колеблясь*). Я... Мне... (*Входит - на четвереньках - Зелёная Шляпа*). О, здравствуйте! Это вы?! Как давно я вас ищу! Но... раньше вы были ведь нарисованы?! (*Идёт ему навстречу*).

Вслед за Зелёной Шляпой вбегают почти все действующие лица.

ВСЕ (*наперебой*). Это он! Это он! Держи! Лови! Он прорвал нашу цепь!.. Кто допустил до этого?! Караул!..

ГРУЗЧИК (*ошалев*). Полный задний вперёд!

ЗЕЛЁНАЯ ШЛЯПА (*К Весте*). Так это вы звали меня? Так я и вправду нужен? (*Встаёт с четверенек*).

ВСЁ ТРАКТИР. Он встаёт! Он встаёт на ноги! Эй, ты, не смей! Слышишь?! Он встал! Он встал! Он встал! Дожили!

БОЦМАН. Это уже само по себе гибель для трактира «Четвереньки»!

Между Вестой и Зелёной Шляпой встречается большая при- танцовывающая толпа. Подняв руки и растопырив пальцы, она словно ловит Весту и Зелёную Шляпу. Слышны крики:
«Не давайте им встретиться!»

АЛОНСО. Санта Мария! Сколько же здесь негодяев!

СКИТ.

Людей достойных много в наши дни,

Но редко нам встречаются они.

БОЙКИЙ МАТРОС. Как же это, всё-таки, получилось, а, господин волшебник?

СКИТ. Всё шло к тому старина. Морские звёзды разгулялись по дому задолго до того, как мы их впустили. (*К Алонсо, рванувшемуся к толпе*). Стой, куда ты, Алонсо?! Час ещё не пробил...

АЛОНСО. И теперь не пробил?! Тогда, когда же?! (*К Бойкому Матросу*). И всё-таки хорошо, что вы отволокли отсюда оружие...

ВЕСТА. Где человек с вывески? Видите, сударь, сколько народу не хочет, чтобы я попала домой...

ЗЕЛЁНАЯ ШЛЯПА (*плутая*). Где я? Этак они опять меня с ног собьют!..

БОЙКИЙ МАТРОС. А вот как накроет сейчас всех нас волной... (*К Скиту*). А ведь не все мы, сударь, пугатели!

ГРУЗЧИК. И не все мы здесь - одни только чистые люди с верхней палубы!

БОЦМАН. И получается так, что не все - пошляки!

СКИТ (*стоит, скрестив руки на груди*). Подумаю, что сделать для вас.

ТРАКТИРЩИК (*резво вползая на четвереньках*). Когда думать? Уже сделал! Благотетель, каких свет не видал! Караул! Режут! Ату его! Ату-шень-ки-и-и!..

ЮНГА (*просыпаясь*). Свистать всех наверх!

СКИТ (*Обращаясь к Трактирщику*). Не вопи! Уж ты-то всплывёшь!

ТРАКТИРЩИК. Всплыву - снова нырну! Чтобы тебя не видеть!

СКИТ. Ныряй! В сторону падения совершенствование бесконечно.

АЛОНСО. Сеньёр! А по-моему... час... всё-таки... пробил!

Скомкав свой плащ, Алонсо бросает его в середину расплывшейся толпы. Толпа разбегается.

СКИТ. Ах, хорошо! А ведь того я только и ждал - как всё-таки, поступит сам Алонсо?!

АЛОНСО (*со смехом*). Не полно ли, сеньёр, опекать «юнца» полутысячелетнего возраста?

*На освободившемся от плясунов пространстве вновь -
Веста и Зелёная Шляпа.*

ВЕСТА (*вытирая слёзы*). Вы пришли показать мне дверь? Скорей, скорей покажите!

ЗЕЛЁНАЯ ШЛЯПА. Да. Наверно я для этого и пришёл. Хоть на ногах я и нетвёрдый... Стар я, стар... Палку бы мне какую...

СКИТ. Возьмите, отец, мою трость. Она мне больше не нужна. Она, правда, волшебная, но это её единственный недостаток.

ЗЕЛЁНАЯ ШЛЯПА. Спаси тебя Бог, сынок!

ВЕСТА. Спасибо и вам, Алонсо! Вы так защищали всех нас! (*Низкий поклон со стороны Алонсо. Пауза*). Скит! Скит! Прощайте!

СКИТ. Никаких прощаний! Или мы ещё встретимся или...
Зря спускался я на дно морское.

ВЕСТА (*пробуя грунт ногой*). Значит правду говорят, что здесь дно?! (*Понизив голос при виде расступившихся посетителей*). А теперь мне их стало жаль, как будто и они настоящие! Прощайте! Прощайте! Поидайте!.. Поидаём, дедушка...

БОЦМАН (*очнувшись, как после шока*). Сто-о-ой! Откуда они взяли, что мы их выпустим?!

СКИТ. Оставьте их, - пусть иду.

БОЦМАН. Ну, так, они сейчас море впустят! Вам хорошо рассуждать! Море же впустят!

СКИТ. Боцман боится моря? (*Опуская руку ему на плечо*).
Всё равно это должно было случиться, старик.

Через сцену проводят лошадь.

БОЦМАН (*вдруг успокаиваясь и обращаясь к Алонсо*). Ваша, сударь, лошадь-то?

АЛОНСО. Нет, не моя.

БОЙКИЙ МАТРОС. Зачем же её здесь прогуливают, если она ничья?

СКИТ. А это - так... Вместо эротики. Заменитель. Потому что эротики совсем в нашей пьесе не было.

БОЦМАН (*у стола*). Дайте-ка и мне, тогда, горчицы.

ВЕСТА (*уходя за Зелёной Шляпой*).

Даже ботинки не вымочит мне
Море, которое снится во сне,
Только во сне.

БОЦМАН, БОЙКИЙ МАТРОС, ГРУЗЧИК (*у стола, где Бойкий Матрос делает какой-то салат*).

Сможет ли сделать нам новое зло
Море, которое нас погребло?
Было - прошло.

ЗЕЛЁНАЯ ШЛЯПА (*оглянувшись на них*).

Верится нам, что и вам не во зло
Море, которое нам помогло;
Вишь как светло?!

СКИТ (*к собравшимся*).

Моря не бойтесь! Быть может, как раз,
Сон коллективный мы видим сейчас.
И, отряхнувшись от горести злой,
Живы и здравы проснёмся с зарёй...

РАЗНЫЕ ГОЛОСА ИЗ ТОЛПЫ. Как же, «проснёмся», - если вода высокая!.. Это если б сейчас отлив был... По отливу-то - и по камням перебраться можно... Где и вплавь, где как... Ясное дело!..

Зеленоватые тени волн. Всюду морские звёзды, - вертящиеся, светящиеся. От всего и вся поднимаются тонкие пузырьки. Музыка. После того, как расползлись куда-то последние паникёры, каждый из оставшихся на сцене занят каким-либо делом. Или толкует с приятелем. Или просто курит. Тихо восходящие окольные лабиринты, коими уводит Весту Зелёная Шляпа, так долги и замысловаты и так затруднённо передвигается сам старик, - по этим зигзагообразным переливам как бы преувеличенного перла открывшейся перспективы, - что курильщики, среди которых теперь находятся Джим Форгетфул и Джек-Вентилятор, - ещё долго могут смотреть путникам вслед, пуская кольца дыма.

СКИТ (*вслед Весте*). Веста! Веста! А всё-таки вы подумайте над моим предложением!

Веста оглядывается. Свет гаснет.

ЗАНАВЕС

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*На тёмно-синем занавесе несколько ночных звёзд, крупных
и малых.*

ГОЛОС.

Одни ли книги их усыпляли?
Или куранты с похожим боем?
Друг друга не знали,
В глаза не видали,
Но сон
единый
приснился обоим.

Дрожали звёзды от норда и веста...
Под молотом ночи их сон стал коваться...
Во сне повстречались Волшебник и Веста,
Но в вихре снов не смогли столкнуться.

А что если лгут эти сонные грёзы,
И сон за спящих ручаться не вправе?
Бежали из тьмы, от облав и угрозы,
И вот - проснулись. И встретились - **в яви!**

*Занавес поднимается. Виден зимний утренний город. Слышны звуки многих шагов. С кошёлкой овощей входит **Веста**. С другой стороны появляется - **Скит**.*

ВЕСТА. Ой! Неужели это вы?!

СКИТ. Простите, но, что-то, я не припомню...

ВЕСТА. А экспедиция? А «Союз действительных»? И, знаете, я всё обдумала! Я согласна! (*После недоумённой паузы, ликуя*). Ну что? Довольны вы мной теперь?

СКИТ. Простите, но я впервые вас вижу... Это какое-то... недоразумение.

ВЕСТА. Нет, это вы - простите. Это я впервые вас вижу. Наверно. И трактир тот... шумел, видно, под вывеской «Обознатушки»... У меня на лица память плохая. Но особенно быстро я забываю всё, в чём не было толку...

СКИТ (*сдержанно улыбаясь*).

Кто забыл бесполезное прошлое,
У того, значит, память **хорошая!**

ВЕСТА.

Что вы! Память моя - хуже нет:

Помнит всё, чего помнить - не след!

СКИТ. Только что вы говорили иное... (*Но Веста уже ушла.*)

Со странностями! (*Идёт - и, вдруг вернувшись, глубоко задумывается. Смутно, как дуновение, до него вдруг доносятся обрывки песен Алонсо, укоризн Бойкого Матроса, угроз Трактирщика, разглагольствований Капитана... Похожий на далёкую настройку множества музыкальных инструментов, подымается шум снов.*)
Экспедиция? Что это?.. Я, кажется, что-то вспоминаю... Догнать её и вернуть! (*Устремляется в переулок, где скрылась Веста, затем возвращается*). Эх, поздно!.. Нет, не помню... Было что-то, а что? Было, но - что? Что это было?

Скит стоит, глубоко задумавшись. От шума снов отделяется негромкий поющий голос Весты. Он всё усиливается, делаясь ясным и внятным.

ГОЛОС ВЕСТЫ.

Вечер картину зноя
Перьями пальмы смажет;
Ночь поперёк порога
Чёрной овчаркой ляжет;
Голову вдруг на лапы,
Вслушиваясь, уронит...
Сердце
Свои печали
Скоро забудет опять.

ЗАНАВЕС

Июль - декабрь 1968 года.

АЛИСА В ЗАКУЛИСЬЕ (от автора)

Очень сложную судьбу пьесы «Предсказание Эгля» чрезвычайно близко принимал к сердцу мой муж - поэт Иван Киуру, и, кстати, во многом благодаря его героическим усилиям она была поставлена на сцене Московского Центрального Детского театра. Правда, несмотря на очень большой успех (не знаю: если уж не пьесы, то, значит, постановки?) её вскоре столкнули с подмостков разные ревнивицы от Мельпомены, Талии и прочих муз, а предлог - тогдашний сухой закон; ведь некоторые картины в пьесе - о страх! - происходят в трактире! И всё же так называемый «свет рампы» успел перед этой пьесой мелькнуть... Тогда, как с «Трактиром «Четвереньки», - первым моим драматургическим опытом, - и того не бывало.

Возвращаясь к «Предсказанию Эгля», напомним, что, при всей дикой свободе сочинения этой вещи мною, всё же, она восходит к **мотивам**: к Александру Грину со знаменитыми его «Алыми парусами».

Тогда, как «Трактир «Четвереньки» ровно ни к чему и ни к кому не восходит, являясь уже совершенно единоличной и самовольной выдумкой лица, пишущего и эти строки гоже. Если угодно, «Трактир» - это собрание досужих бредней трудящегося человека!

И всё это побуждает меня посвятить «Трактиру «Четвереньки» несколько более обстоятельный рассказ, нежели «Предсказанию Эгля».

Вообще-то некий протообраз у «Трактира Четвереньки» был. Выражаясь ещё дичей, - **ПРОТОВЕЩЬ** - была. Но то была тоже досужая! фантазия, а точнее - рукопись собственного моего романа «Союз Действительных» Рукопись эта - в свою очередь - претерпела множество и, кажется, совсем не заслуженных, горестей, потому что, не будучи никогда и нигде напечатана, она не успела и провиниться!

Перевозки её и переброски; подачи её (в надежде на лучшее!) различным лицам в виде отдельных глав и друзьям - в виде целых пачек листов («друзьям», впоследствии оказавшимся жгучими ревнивицами от Феба!) - вот далеко, далеко не полный список её мьгарств! В результате коих многие листы, охапки листов и целые тетради моего заветного сочинения были мною

навсегда утрачены! Впрочем некоторые его образы, фразы, большие сколки метода в целом, фабульные ходы и прочая, по закону превращения веществ, пропав в одном (тоже, конечно, **не в одном!**) месте, неожиданно всплывали в других местах... И под чужими уже именами... Но если бы это могло истинного автора как-то утешить, истинный автор бы не роптал!

«Есть от чего в отчаянье прийти!» - как сказал бы Ростан. Фактически готовая (в 1958 году начатая, а к семидесятым завершённая) книга вновь лежала в развалинах!

Убивало даже не столько исчезновение материалов, пошедших (пользуясь образным выражением Екатерины Второй) на «усушку, утруску и мышеед», сколько покража у меня тетрадей с большими фрагментами романа. Но, собравшись с духом, я решилась... всю рукопись **восстановить!** По черновикам - пусть бледным; по отдельным уцелевшим тетрадям...

Независимо от качеств романа (я ведь так и не знаю на что он похож, - критики не было) сама работа эта сильно напоминает собрание рассыпавшейся мозаики в пользу воссоздания, разрушенной варварами, фрески! Бог весть - закончится ли когда этот, почти каторжный, труд... Но, по счастью для меня (а как для читателя - не могу знать) существует «Трактир «Четвереньки», - вещь в которой, как в Ноевом Ковчеге, СПАСЛОСЬ несколько важных линий романа.

Предлагаемый вариант пьесы является первым и, думаю, самым верным. А ведь было время, когда, под влиянием людей (связанных если уж не с Огнями Рампы, то с Занавесом Милосердия, но - казавшихся мне почти исполинами театральной мысли), я шла и на доработки и на смелые переработки её. Ибо они клялись поставить её, но многое в ней их не устраивало; к примеру то, что в ней фигурирует только одна женщина: Веста! - Почему? - удивлялись они, причём я была пожалована быстрым взглядом искоса (разумеется, - страсть до чего «проницательным!»)... Вот тогда-то, - испугавшись ли кривотолка или (на самом деле!) пожалев премногих актрис, остававшихся-де по моей милости без работы и куска хлеба («чёрствого» куска! обязательно - «чёрство-го!») я и пересмотрела своё поведение.

(Боже мой! Можно было подумать, что вот сейчас «Трактир «Четвереньки» в ста театрах поставят! А ТРИДЦАТЬ ЛЕТ с тех пор прошло - и ничего; все «умиравшие» по моей вине артистки - живы! Если, конечно, ничего с ними не сделалось от совершенно иных причин. Зато пьеса - ни с места).

Итак, согласившись на усиление женского персонала в пьесе, я опять потревожила тени «Союза Действительных»; вызвала из его недр, так и быть! - дополнительные женские образы. На «сце-

ну» одна за другой вырулили тогда: и Анна Карловна (врач-психиатр), и Двоюродная Сестра Милосердия (уже не только в упоминании, а живём), и заветная моя романическая находка - Женщина-Вышибало (которой людей вышибать некуда!) Это такая толстая дама в красном коротком платье с метлою и в шляпе со страусовыми перьями. На руке у неё красуются часики- не часики, а своего рода башенные куранты на ремешке! Чуть только не сам Большой Бен с, устрашающим по таинственности и силе, башенным полуночным боем, при каждом ударе которого дама высоко подпрыгивала! И не только она! - весь Трактир.

(Тогда, к концу 1960 годов, - когда с так называемой «вечной» женственностью ещё не до конца расквитались, - моя второстепенная персонажица Женщина-Вышибало должна была - по моим предположениям, - показаться зрителю в диковинку)...

Словом, дописки «Трактира», вроде бы столь кому-то необходимые, увлекли меня самоё! В пьесе, наряду с новыми лицами возникали новые диалоги, сцены, стихи... Скит у меня, к примеру, говорил:

Возьмём генетику; без дружеской руки -
Всё Мироздание наклонится к закату:
Людскими генами займутся дураки
И станут их распределять... по благу!

Зная слово «генетика», я тогда и не слыхивала таких слов, как «клонирование». Не было ли в слове «наклонится» некоторого предчувствия будущности генетики и предхарактеристики слова «клонирование»? «Клонировать» - «клонить»? Правда, и сюда примешивались варианты: «Всё Мироздание она **пригнёт** к закату»...

Другими словами - пьеса моя уже выкипала из своих прежних размеров: выростал - с неизбежностью! - замысел продолжения под названием «Сон с продолжением» или «Алонсо Бессмертный». (Сохранились и заготовки). Как вдруг мою разбежавшуюся руку остановило нечто. Я поняла вдруг, что вечный голод театров по «материалу»; вечный крик режиссёров: «Где пьеса? Даёшь новую пьесу!» - ко мне не относится. Тому ли интересоваться моими «продолжениями», кому и начала-то не нужны?! Я в этом успела уже убедиться. О моём-то, правда, материале и кричали тогда: «Это **новый** театр!» Но кричали шёпотом и на кухне. Или опасались чего?

И вот я восстановила «Трактир «Четвереньки» в его прежних правах и обязанностях, то есть - в этом первоначальном виде.

Одна за другой, понурясь, вернулись в родную стихию «Союза Действительных» и Анна Карловна, и Двоюродная Сестра Милосердия и Женщина-Вышибало. Никаких суфражистских со-

браний! - Веста снова осталась одна. Впрочем... одна ли? Самое интересное как раз в том, что женские роли, невидимые дотолле, уже и с самого начала - находились в пьесе! Да: в этом вот - первом её, изначальноейшем варианте! А разглядеть их, очевидно, мог лишь тот кто хотя единожды подошёл бы к «Трактиру «Четвереньки» с честными (для разнообразия!) намерениями.

Веста - одна? Не совсем так. А кто же, если не женщина, будет играть, например, Юнгу?

Вот вам и Вторая, не такая уж малая, роль!

А когда Скит (хлопнув наверное в ладоши) зовёт: «Фея Бериллона, Фея Мелузина!» - неужели на зов должны прикослапнуть... двое дюжих бородачей? Будь режиссёром - я, конечно, я так бы и сделала эту сцену! (Впрочем, феи у меня, как персонажи, не обозначены и простому глазу не видны). Но тот, кому так сильно не хватало женских ролей, что и сказать невозможно, волен был вывести и **обеих фей** (оба раза) в виде двух таинственных женщин! Разве не так? Вдобавок - уже чисто режиссёрски развить их роли и. участить выходы...

И, наконец - **Голос!** Голос, говорящий стихи «Всё неясное днём разъяснилось» и стихи «Одни ли книги их усыпляли» - ведь же у режиссёра, (не у меня), это бы мог быть не обязательно Голос, а целый человек! **Женщина! Ведущая!** Перед началами действий она могла бы стоять у складки занавеса или выпшагивать по авансцене, читая эти (и не только эти) стихи...

Конечно, всё это не такие большие женские роли как Первая и Вторая, но ведь больших ролей и нигде не бывает в избытке. Что? Взять да нагнать их в пьесу откуда-нибудь **просто так?** Без определённой надобности?

«Женщина на корабле завсегда к погибели» - оглашает старинную примету один из моих героев. Так сколько же, - если послушать моих благодетелей из шестидесятых годов, моих меценатов, довольно многочисленных и без зазрения совести заставлявших меня работать впустую, - сколько же следовало мне сочинить кораблей и сколько соответствующих «погибелей», чтобы хватило их на все женские роли, требуемые кому-то там по ранжиру? «Десяток женщин на десяти кораблях - к десяти погибелям?» - так, что ли, должен был высказаться мой суверенный пират? Одно же судно десять раз потонуть не может. (Тем более, что в предлагаемой пьесе и одного-то утлого судёнышка не будет: все - на ремонте в доках стоят!)

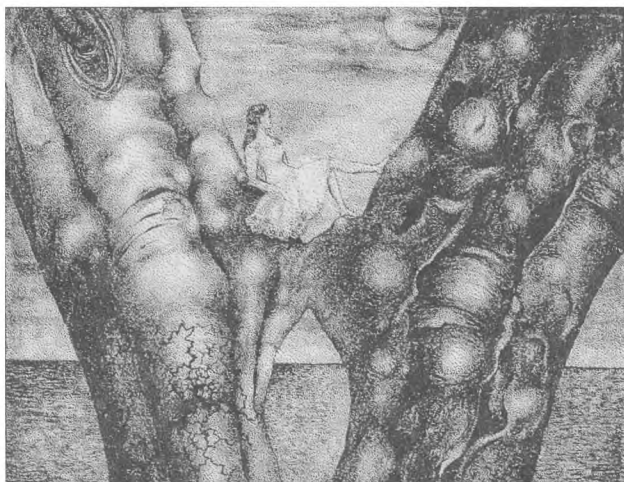
Как видим, (относительно прочих женских присутствий) подчеркнутое одиночество Весты на сцене было вызвано некоторой необходимостью.

Декабрь, 1997 г.

ДАМА- БРОДЯГА

Рисунок Новеллы Матвеевой

Новелла

Рисунки Новеллы Матвеевой
и Роальда Матвеева

Но сей пожар в груди - тому залог,
Что некий Карл тебя услышит, Рог!
Марина Цветаева

Как ни старайся автор быть суровым, свободным и персмешливым, - всё равно, - если рассказывает о детстве, - нет-нет - да и увязнет в умиительностях, нет-нет - и запугается в ползунках телячьих нежностей, не тех, так других. Что до читателя, то ведь и он наверняка устаёт от этого безостановочного пряничного бильярда с непрестанно катающимися в его (читателя!) глазах, колобками чистого ребячества. К тому же и улыбающимися, если так можно выразиться, одинаково пеклеванно и - с ямочками на щеках... Никакого разнообразия! И хотя простодушнейшие колобки эти, то направляемые кием билиардера, то вновь ускользающие от всякого умозрения, на поверку оказываются подчас глубокомысленнее, чем от них ждали, и даже, как заметил о других героях Иван Киуру, «хитрее, умнее, -

Могло ли - что видено ими - хитрому греку
Даже присниться?» -

всё же мне захотелось приостановить нахлынувшие образы детства, отшагнуть временно в сторону от их колобковых позиций и от их пеклеванных улыбок, дабы затем, оборотясь и воротясь, взяться за старое с новыми силами.

Итак беру себе отпуск от непрошенных воспоминаний полумладенчества, признаюсь, осаждавших меня в последнее время, а в качестве законного *отдыха* от них избираю пока что путь по ограниченным пространствам взрослой жизни... Хотя, впрочем, и то верно, что в трудовых буднях человек (иной раз) - что сыр в масле! А на отдыхе-то, на курорте - ему, наоборот, - денно и нощно тачку с камнями толкать приходится, подвергаясь к тому же издевательствам доброго десятка надсмотрщиков! Нарочно кем-то подобранных по признаку самой что ни на есть изобретательной лютости и почти что ненатуральной беспощадности!

Во всяком случае именно такой сюжет подсказывали мне всегда мои сны, (разве сон не сокровищница сюжетов?), но, как

Все стихи, входящие в этот рассказ без ссылок на их названия относятся к циклу «Зарисовки».

это ни странно, в точности также было с нами и наяву... О сновидении, странно-последовательном сновидении из взрослой жизни и пойдёт здесь, если позволите, разговор. Но сначала - два слова о той *действительности*, что навеивает сны, какие бы наверняка не могли «хитрому» (древнему?) «треку даже присниться»!

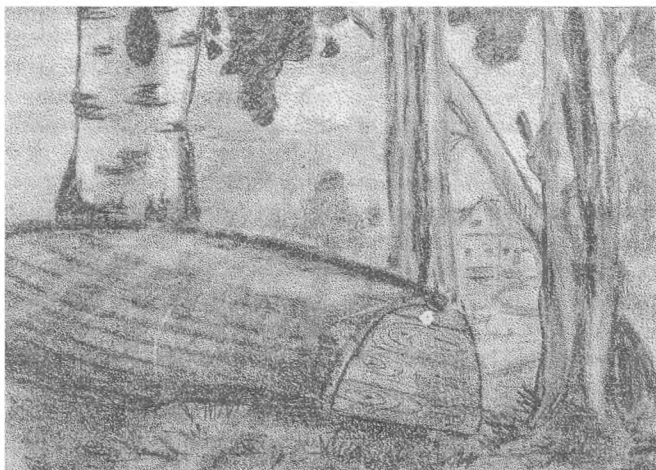

Рисунок Рюальда Матвеева

В Доме отдыха злейшие надсмотрщики это те, которые вам отдыхать не дают. А в Доме творчества лютейший тот, который, наоборот, надсматривает, чтобы вы ни в коем случае не поработали. Чтобы вам *работать* даже в голову не пришло. Нужды нет, что вы за это вперёд заплатили и даже, никак, приехали специально для этой цели?

У нас с Иваном Семёновичем в распоряжении одних только *основных* брежневистских соглядатаев (мелких и рассыпчатых я уж и не считаю) - всегда было до дюжины голов на сезон. «Богат и славен Кочубей!..»

(Не забудем, кстати, что действие происходит всё ещё наяву - я просигнализирую, когда сон начнётся).

Не будем (также) ни на кого пальцем указывать и дадим нашим принуддобрвольцам условные клички.

Господин Грегор Идельфонсе Отребьев (от слова «отребье», а не «тряпье», потому - с тряпьем у нувориша всегда всё в порядке), держатель подпольных гаремов и воспитатель подрастающих поколений, (подросли уже!), возглавлял благородное движение боевых дружин против меня и моего мужа.

Рисунок Новеллы Матвеевой

Верный ленинец и сталинист-хрущёвец по брежневизму, подобно новому Ариону, всплывший, взлетевший (правда, никогда не тонул!) на гребне новых дней и, с возгласом «Наконец-то!», радостно шлёпнувшийся в самую серединку реки Перестройка, этот-то вот Отребьев (он же - князь Тьмышкин) производил те взлёты свои буквально из-под земли! - подобный причудливой череде нефтяных фонтанов, и неожиданный, точно оклахомская скважина... А ведь так-то - весь век ползком: от большевистского подполья и до подпольного бизнеса с, примыкающими сюда же, личными подземными домами свиданий, о которых мы здесь уже сказывали, и, - как подытожил впоследствии Иван Семёнович, «с личными подпольными курортами»... Но то-то я и дивлюсь: да неужто же там, под большими почвами, не нашёл этот бедный ребёнок Подземелья ничего лучшего для своих наблюдений и - политически - ничего подозрительнее, чем такие легко обозреваемые «объекты», как мы? К тому же ведь и ходили-то мы всегда по земной поверхности, а не под нею, почему и подземельщикам с нами бы не должно было быть интересно!

(Всё это странно? О, понимаю. Но нет: это ещё не сон. Это всё ещё ЯВЬ продолжается. Когда будет сон, - я свистну, себя не заставлю я ждать!)

Приспешники Гришки Отребьева, коим характеры, кажется, заменяла их святая общая цель, были под стать своему начальнику и что ни должность, то синекура! Теперь они дружно изображают существ и созданий, якобы претерпевших от всех режимов. Они сделались вдруг так мило аполитичны, что и не вспомнят небось; а по какой же это такой политстатье (совсем почти что ещё на днях!) вели они охоту на человеков? И так преданы капитализму (тут они, впрочем, впервые правдивы), что и сказать невозможно. Но если наживаюсь вдруг почему-нибудь станет невыгодно, они и этому своему кумиру, - знаю! - изменят, потому - им не привыкать-стать!

Ах, боюсь: меня опять посчитают злою! Что, по мнению некоторых людей, слишком не соответствует моему, творчески-беззащитному, облику и нежной, как фиалки, манере письма... Что ж. Если я так беззащитна, как это кажется, - почему никто не вступился за меня? Почему никто не защищал меня от номенклатуры с той же силой, с какой номенклатуру защищали от меня?

Гром и молния! Не довольно ли с кафкианских Проходимцев - («*Проходимец*» - гениальная миниатюра Кафки - не выходит у меня из головы!) - не довольно ли с них и того, что я не называю их прямо?! Чем не бережное отношение к неприятелю? - чем не навывисшая необязательная учтивость? - чем не фиалковое письмо на японского шёлка подкладке?! Сейчас вы убедитесь: я даже клички отребьевцам подобрала почти нежные! А именно: Аспид. Випера. Сатир. Уголино. (Не от *углей* дантовского ада пока что, а всего лишь от *уголовщины* пока что). А также - знаменитый пушкинский Фарлаф и с ним - Контрабас-Панталоний.

Ах! Негр суеверен,
Моряк суеверен,
А я суеверна... -
как негр-моряк!
Вздрагиваю
И от скрипа двери,
Не начертав перед тем на дверях, -
На косяке, и сыром и вздутом,
Невыносимый враждебным духам
Знак.

С нами Крестная Сила! В предлагаемое время перечисленные чиновники ведь промышляли делами, о которых только Сам Пресвятой, - многотерпеливый до поры - Господь наш на небесах ведал, а в здешней юдоли, - по-видимому, только тёмная ночь, да мы с Иваном Семёновичем. Почему именно мы? Да потому

что гнусную летопись деяний своих люди Вандалитета записывали прямо у нас на шее.

Даже любопытно иногда становилось: а с чего, собственно, проходимцы взяли, что бедные наши загровки суть самое тайное место на свете? А значит их почтенные записи никогда-де не будут найдены, ни должным образом оглашены? Ведь, к примеру, я в рисуемый период была на литературной арене несколько даже нашумевшей фигурой. Так как же они, всё-таки, догадались, что за меня им ничего не будет?!

Впрочем, они уж постарались убавить и шум, производимый лилипутскими тиражами небольших книжек моих. А Ивана Киуру - и вовсе не допустить до печати с её *спасительной гласностью*. Теперь никакая наша жалоба на завистливых проходимцев не прозвучала бы авторитетно. Так, заведомо приготовив нам отнюдь не такие места, где нас будут выслушивать, они заранее давились от смеха.

И вместе с тем... они явно боялись нас! Казалось, они нутром чуяли, что мы разгадали бы их *в любом случае*. Ну, так ведь и то сказать!

За одно лишь выраженье
на лице его, - под стражей
Продержала бы я шельму
всё оставшееся лето!
Пусть он, лучше, не выходит,
пусть не портит мне пейзажей...

И однажды отребьевцы вкупе со своими аляповатыми мамзелями и трепетными прихлебателями заплели против нас с мужем здоровеннейшую кознь, - очередную, не первую и не последнюю, но тоже очень внушительную. Им, должно быть, опостылело наблюдать, как мы, даже на ходу, на прогулках, всё что-то *сочиняем!* Статочное ли дело - *для Дома творчества?*! И на этот раз захотелось им (для разнообразия) на веки вечные лишить нас путёвок - сразу во все Дома творчества, сколько их ни есть.

Сказано - почти сделано. Для начала по кругам и округам был пущен слух о наших с Иваном Семёновичем якобы широких буйствах на почве пьянства и наркомании! А лекаря (для отребьевцев *свои в стельку*) сидя в Москве и радостно потирая ладошки, заведомо поддержали эту удачную мысль странствующего туда-сюда клуба «весёлых и находчивых». Для этого предприимчивым эскулапам даже не обязательно было встречаться с нами. И - «пошла писать губерния!» Тут в пору было последнего юмора лишиться, а не то, что сна, аппетита и охоты к творчеству! Но -

* - «В том лесу...». 1980-е гг.

Не поддавайся опасным бредням;
Спи ты, спи, неусыпный страж!
Двери же старые
Утром бледным,
Чтоб не скрипели, -
Смажь!

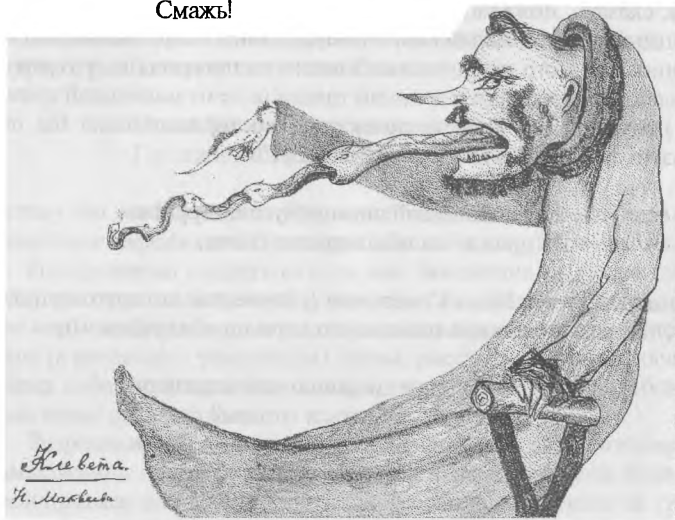

Рисунок Новеллы Матвеевой

В жизни, пожалуй, не видывала такого мужского типа, который бы выпивал меньше, чем Иван Семёнович! Ведь же любой *на его месте* запил бы, как лошадь Мюнхгаузена! И осудил бы зафлажкованного человека за это разве что распоследний палач. Вообще-то и мне полагалось бы давно уже спиться с кругу! Но моя транспортная болезнь с её неизбежными укачиванием и плывучестью заведомо исключает всякую возможность, (к тому же и неприличного для нашей сестры!) поклонения Бахусу. И, кстати сказать, *антивакхическую* природу болезни Меньер (*моей* болезни!) лучше всех должны были знать развесёлые обманщики Гиппократы, - те, в стельку свои для отребьевцев, медики, что так смешливо согласились увязать и меня с «Пьяной горечью Фалерна»! Как всегда, плуты скрыли от общества, что именно им, а не мне «председательница оргий» Постумия что-то такое «велела»! И ведь это именно о них, - в стельку-стёклышках, стеклянных огурцах и непробудных трезвенниках, - я даже стих в ту пору составила:

Возвращаясь в родные шпинаты,
Не пинай в огородах томаты!

Что же до Ивана Семёновича, нервы его были уже настолько расшатаны, что даже маленькая рюмка коньяку или пива могла бы привести его к срыву, коего от него и так слишком нетерпеливо ждали. И даже, можно сказать, требовали! О, ему никак нельзя было пойти навстречу этому скромному соцзаказу или, так сказать, пожеланиям трудящихся! К тому же, если бы загнанный человек съездил кого-нибудь из них по физиономии (хорошо, что этого не случилось!) никто не поверил бы, что это от маленькой рюмочки и великой травмы (а не от маленькой травмы и полуведра!) и клевета полностью восторжествовала бы под лозунгом: «Ага?! Что мы вам говорили?!»

Нерв звенящей натянут тугою струною
И дрожат на нём горькие слёзы, -

записывал тогда Иван Семёнович (разумеется, по другому поводу, так как *презренные* поводы его перо не обслуживало);

...То не Лорки ли песню они отразили
И трепещут, сорваться готовы?
Не сорвутся. Вы соли их не раскусили.
И подумали вовсе не то вы.

Срывы бывали. Но, конечно, значительно реже, чем их *малевали*. Я могла бы пересчитать их - за долгие времена - по пальцам одной руки. Но они были очень *страшны*, так как вызывались каким-то *совсем* особенным случаем... Так было, когда мою книгу «Река» отпечатали мелким *комментаторским* шрифтом. (Тщетно я заверяла Ивана Семёновича, что это не есть ещё *шрифт расправ*, что это случайность!) Так было, когда в уютном домотворческом клубе мы просмотрели с ним американский фильм «Лихорадка на белой полосе» и когда он справедливо углядел в этой киноистории разительное сходство с нашими с ним обстоятельствами.

...Боссы-коррупторы и разложенцы по ходу сюжета фильма всей *кодлой* преследовали двоих, ни в чём не повинных, молодёжён. (Вот только в *честности*, правда, повинных: что было, то было!) По окончании фильма Иван Семёнович встал и, не думая об опасности, с этим связанной, степенно, большими, графически чёткими, шагами, направился прямо в презренный (потому что отребьевский!) бар. Лицо его было бело, как мел. Я никогда не забуду *ужаса* этой минуты.

*А будете слишком строптивы, -
Ну что ж? -
Произведём нажим!
...И прямо на этом слове
Кончился тот режим.*

Разумеется, мы периодически и возмущённо жаловались на террор в разные писательские инстанции.

Но не было в мире такого угла,
Где жизнь из удачно сложиться могла,

потому что «от Москвы до Бреста» не было «такого места», где неугомонные кафкианские Проходимцы не побывали бы раньше нас...

Нескрываемо надвигалось на нас выселение (а лучше сказать, так целое *выдворение!*) - *ни с того ни с сего и ни за что ни про что!* - из Дома творчества; только потому, что гласно-чиновным (а негласно - уголовным) типам, расстреливающим поселковых собак и считающим всякую территорию своей, требовалась новая развлекаловка.

Встречая нас (без свидетелей) на дорожках писательского сада, тьмышкинцы неинтересно, негибко паясничали, шутовски-близко засматривали нам в лицо, почти профессионально играли на губе и чуть только язык не выказывали (о, милые крошки!), чтобы, миновав нас и обернувшись, загоготать нам вслед громко и нагло. «Не вздумай с ними связаться, - потихоньку предупреждала я Ивана Семёновича при их приближении. - Им ведь того и надо!» «Выпрямись! - отвечал мне он. - И не вздумай уступать им дорогу!» Их же - одаривал таким взглядом, что (надобно отдать им должное!) не выдержав, они отводили взоры...

А жизнь в Доме творчества текла своим чередом. Все здесь видели нас постоянно, - никому и в помысел бы не взошло, что мы какие-то «буйные»... (Разве *про себя* «буйные»? Мысленно? По секрету от всех?) Повторяю: кроме преступно упорного желания *работать*, мы ни в чём не были виноваты. А вместе с тем в нашей истории было что-то болезненно препятствующее жалобе и огласке.

Общий, жеманно интонированный, гул в столовой за трапезой не впускал в себя истинную реальность с её возможным неожиданным ропотом. Возмущение, негодование, (если по живому, а не по книжному поводу) воспринимались, как бестактность. Люди так боялись уронить своё достоинство, словно оно у них было стеклянное! При том, что непристойность какая-нибудь вообще не считалась у них нарушением правил светскости; даже дамы

(очень многие!) встречали явную сальность воркующим благосклонным смешком... При случае же и сами не прочь были запустить в оппонента увесистым утюгом матюга! ...Словом, наше положение походило на один из тех сиротливых кошмаров, в которых вы, вроде бы, и на людях находите и, в то же время, одни.

И вдруг ... нас с Иваном Семёновичем осенила идея! Господи! Да ведь не все же такие, как Тьфу-Кха-пхчинг или Аделаида Секир-Башка! Даже здесь, в писательской среде, обретались, всё же, и порядочные люди! Так почему же мы не обращаемся к ним? В «Лихорадке на белой полосе» за тех двоих вступился наконец Профсоюз, - долой же страх последнего отвержения! Правда, я давно поняла: чтобы тебе помогали, надо делать вид, что тебе хорошо... Или, хотя бы, не до конца плохо. (Кто станет помогать, например, бродяге, замерзающему на мостовой? Никто!) И всё-таки огласка наших бед - назрела! И где же «наша не пропадала»? Как шутил (цитатно) Иван Семёнович: «Пролетариату нечего терять, кроме своих цепей!»

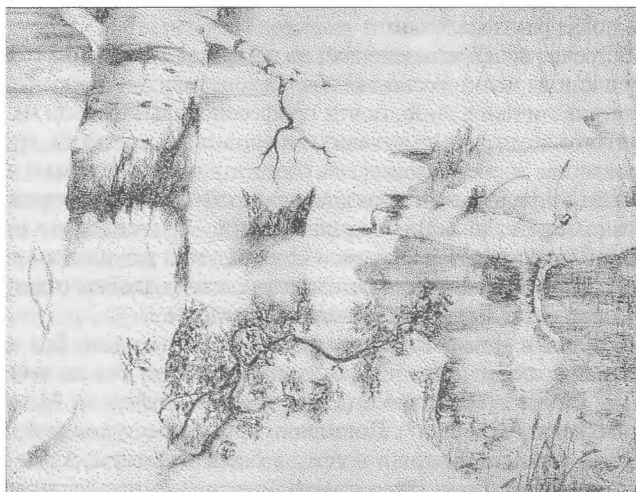

Рисунок Новеллы Матвеевой

И вот мы с ним создали специальный лист (по его слову - «Да-цзы-бао») вопрошающий напрямик: замечались ли за нами когда - наркомания, пьянство, буянство? А так же другие какие поступки, несовместимые с нашим пребыванием в государственных учреждениях? И что же? Документ этот, подкреплённый множеством подписей изумлённых, возмущённых, негодующих, гневных; подписей, почти восхищённых неожиданностью аб-

сурда, происходившего с нами; подписей, порою снабжённых смешливыми и развёрнутыми комментариями, - документ этот, будучи подан в Союз писателей, - вдруг развеял параноидальные мифы, разбил злые чары. И, глядишь, поотстал от нас наш неустанный, перемигивающийся и пересмеивающийся, непрошенный и кривоногий конвой.

Но долго воздухом свободы нам дышать не пришлось. «Правда неправдоподобна», сказал Мопассан. И для нас продолжалась реальность, которая зыбче, но и шибче, уродливее, дичее и невероятнее всякого сновидения.

В недрах брежневизма люди, видевшие и фашизм, почему-то перестали верить, что на негодных-то и теперь можно *наезжать*, что можно сталкивать их (упаси Бог!) на полном ходу с поездов или, на «слабо» заманивая за углы, устраивать им «тёмную», (после которой *светлой* уже не бывает)! А ведь с человеком уже и тогда что угодно могли проделать, например, *покончить его с собой!* Потому - «не возникай!»

Таким сюрреалистом будь,
Таким кубистом,
Чтоб не покончили тебя
Самоубийством!*

В моём истерзанном воображении Иван Семёнович, - как человек бесстрашный и слишком неосторожный, - при всякой его отлучке из дома погибал тысячу раз! Всего не обскажешь и всего не обхватишь, но дело усугублялось тем, что, по отсылке письма, здесь названного, в Союз писателей нам с Иваном Семёновичем дали *беспрепятственное продление любых путёвок в любые дома творчества!* Недолго же довелось нам пользоваться и этой льготой, - за нами она осталась лишь на бумаге. Но весть о ней преобильно ударила по головам весь всполошившийся отребьевский стан. Она не могла не задеть Проходимцев, не подлить масла в огонь их ярости. Как?! Всем коллективом, усерднейше пробиваться к единой цели, а прийти - к другой, и даже к совсем противоположной?! Куда в прорву ухлопали столько трудолюбия?! И других добродетелей? Словом, я не могла не знать насколько опаснее против прежнего сделалось для нас ожесточение негодяев, потерпевших фиаско, но остающихся на свободе...

Вот почему - из Москвы ли на Сходню, из Сходни ли в Москву, или в Дом творчества, или из Дома творчества или - куда бы то ни было, я - в мирное для всех время - провожала Ивана Семёновича как на фронт! Как на войну, видную, каза-

* - «Выбор профессии», 1971 г.

лось, *нам одним*, слышную - *нам одним*, тайно объявленную - *для нас для одних*. Я боялась, что его... *покончат с собой!*

Вандалитет «уходит в горы»? Как бы не так! - вандалитет разделяется. Одна половина его всё ещё усмехалась, - всё ещё знала, что лжёт. Другая - уже не совсем осознавала это. Почти верила уже и сама в собственные басни. Потяжелевшим взором следила за нами. И, помрачнев, более не усмехалась.

Вот как боятся маленькой струйки
Мощные воды!..

...- ***ОНИ ИЩУТ МОЕЙ ПОГИБЕЛИ***, - так, всё-таки, признался однажды вслух долго беспечный (или... долго молчаливый?) Иван Семёнович.

3 октября 1996 г.

И странный же сон привиделся мне однажды в 1983 году! Сон, который записать мне удалось - в два приёма - только в 86-м и окончательно - в 89-м. В чём-то был он, конечно, совсем ни на что не похож, но в чём-то причудливо-обобщённо напоминал мои обстоятельства. Ну так, -

*Неужто ускользнуть дозволим мы ему?
Ну нет! Как протокол, мы разбираем сказку
И страшным снам даём такую же огласку,
Как преступлениям, свершённым наяву.**

Рисунок Новеллы Матвеевой

Ноябрь, 1996 г.

* - из сонета «Эдгар По». (1973 г.)

*Я всеми принят,
изгнан отовсюду.
Франсуа Вийон*

Снилось мне, будто - неведомыми судьбами - оказалась я на улицах города, где с той минуты мне и жить предстояло.

Для первого обзаведения я спрятала в коричневую тумбочку с плохо затворяющейся дверцей какие-то деньги.

(Деньги? К чему бы это? Или *после чего*? Было, правда, что на заснеженной Беговой лица, пожелавшие остаться неизвестными, стянули у меня ридикюль. Но это было так давно, что, не отснившись вовремя, теперь-то уж могло бы и не сниться!)

Тумбочка, стоявшая на тесном, начинающем заворачивать куда-то влево, тротуаре одной из улочек, по условию этого сна тоже была моей и когда-то стояла в моей комнате, как привычная вещь обихода.

Спящие - что пропащие: «сраму неймут», и прятала я деньги (правда, свои, - не чужие ведь!) без угрызений за этот вульгарный жест, а только со страхом за день грядущий. Так что, позору не было, но была нелепость; она состояла в том, что я пробовала спрятать сбережения в столь ненадёжном месте. (Хотя, впрочем, не выстроена ещё такая тумбочка, из которой любую сумму не сумела бы выудить первая же инфляция или замена денежных знаков!)

Улочка, к моему счастью, была именно улочкой: было бы слишком трудно начинать приручать сразу проспект или - одной обживать городскую площадь! Выказывая только один поворот-изгиб, она (улочка то есть) вся пропадала, как было уже сказано, где-то впереди; в громоздящейся по-китайски пёстро и лоскутно, в беспорядочно тесной и ржавой, но не лишённой своих уютёмокостей, перспективе. В перспективе, где этажи (не то - маленькие ярко захламлённые балконы) казались полувыдвинутыми ящиками старых комодов.

Прямая помесь Шанхая с Генуей!

Назад же, на исток улицы и оглядываться лишний раз не хотелось, ибо там слишком знакомо угадывалась Москва с её не лучшими (в этом сне) местами, с её растеканием «мысью по

древу», со множествами уходов её в бесприютницу размаха, в «размах» обыденности; в «модность» и в серость, в безобразии их возмутительной и необъяснимой круговой поруки...

И ведь там, в Москве, начинавшейся почти сразу же за спиной, зачин моего бездомного обитания мог броситься в глаза каким-нибудь знакомым, гораздым на мстительное злорадство! А в этом вот, - правда, тоже не закрытом от вторжений, - проулочном рукаве, как ржавая самоварная труба, изогнутом, было как-то, всё же, укромней.

Мне хотелось бы дойти
До каких-нибудь мостков
И в Голландию, - страну окороков,
Через серенькую Клязьму перейти, -

сочиняла я ещё в конце пятидесятых, потому что пейзаж-монтаж из нескольких разных, (иногда взаимоисключающих!) местностей всегда был моим коньком. (Не зря Берестов* приписал мне даже некий «пейзаж земного шара»!)

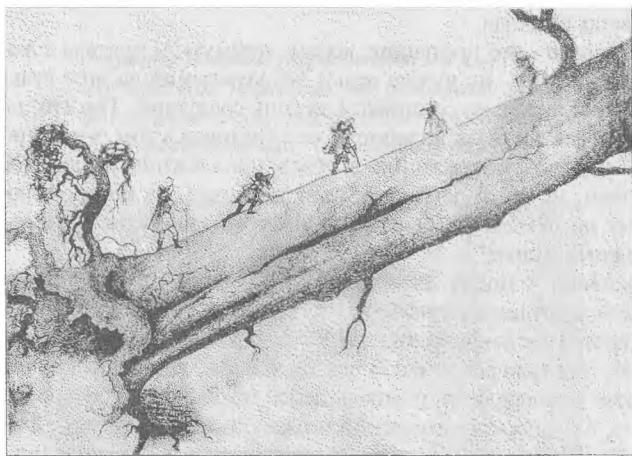

Рисунок Новеллы Матвеевой

По счастливому совпадению и у Медведя* в стихах то и дело встречается составной, так сказать, пейзаж! - и как раз на днях мы с ним обсуждали этот наш общий «заскок». Что же до городских видов моего сновидения, - были в этих, громоздящихся над самоварным локтем моего убежища, массивах не только гибриды Шанхая с какой-то сухопутной Венецией; не только Москва-Пекин здесь

* - Берестов Валентин Дмитриевич, известный поэт и историк.

** - «Партийная», так сказать, кличка мужа в нашем быту.

шли вперемешку, но и некое обще-старинное, западно-европейское общежитие горожан здесь мелькало, да жаль, что мало...

Недоставало чего-то существенного, чтобы ярче прорезалась в чертах домов, например, Франция, - а ведь это бы могло обеспечить мне безопасность житъя на улице! Небось для того и не прорезалось, чтобы не обеспечивать! - знаю я эти сны... Наволочки, чулки и рубашки были просто *обязаны* сушиться здесь на верёвках над ветхими шкатулочными балконами... Ах, это навело бы мне свободу! Как видно, (знаю я эти сны!) - для того и не сушилось, чтобы не навевать.

Словно бы забавляясь недоверчивостью безочарования во мне, мой сон дерзил мне и вредничал. И, не являя ни в чём завершающего штриха, дышал холодом, - увьи! - бытового, а не приключенческого неустройства. Ведь если и надобны ему были для чего-то те шанхайские городские теснины, те полудома-комоды с полоумной резьбой и с лестницами, ныряющими промеж них, как выдры; если и устраивало его это забавное сходство по-японски полураскрытых жилищ со смешанными посудно-книжными полками, то ещё пуще ему (то есть сну моему) требовалась моя бесприютность. Это-то уж было жёстко запланировано! И не стоило привередничать, и ни к чему было спящему человеку сетовать, что ему показывают *не то!*

Благо, скоро я и сама догадалась не держать в этом сне даже *курса* на радость.

Не к лицу бродяге капризы туриста!

Спрятав деньги и уныло решив, что «Здесь я теперь жить буду», я направилась было уж по другим делам моего устройства на улицах (и в чём-то это было вроде игры, ребячества, а в чём-то и не было!) но тут мне пришлось поспешно вернуться.

Я увидела, что какая-то очень сутулая баба (не то в платочке московском, не то в чепце европейском - явно где-то за мельницами далёкими выуженном из жижи) присевши, выхватила из тумбочки мои капиталовложения! Полмига назад, собираясь уйти, я только и успела заметить, как эта карга - в переднике аж до мостовой! - переметнулась вдруг по-мышьиному с противоположного тротуарчика на «мой», - как тут же она скрючилась возле тумбочки и жестом ненавистнического остервенения и превосходства, глядишь, обокрала меня до нитки! Да, да! - она проделала это с видом даже *наставительным*; а чего я дескать, ждала? «Так в высшем решено совете!» Историей самой предрешено, что всё к «народу» перейти должно! (Хотя воровка из городского отребья к народу никак не относится, если, конечно, не считать домашнюю стирку на самоё себя - за *народный промысел*).

Я!- вот именно я теперь - из настоящих низов, - так могла бы

я подумать, не будь самая мысль моя в параличе от бессильного гнева. Было от чего и в паралич войти! *Взгляды* воровки, видимо, в аккурат совпадали с её нуждами, а убеждения её - с потребностями, и потому свою вылазку она рассматривала, как подвиг. Собственная подлость в её глазках-точках выглядела, конечно, как бичующая сатира в действии! То есть революционно. То есть почти величаво. Нужды нет, что сама почтенная мятежница была похожа на крысу и только-то. Главное, что, обкрадывая меня, она, вроде бы, *выводила меня же на чистую воду*, (ах, если бы ещё и на хлеб!) как зарвавшегося прислужника Чистогана или, лучше, как родную племянницу заокеанского дяди Сэма. Пафос воровства заключался, одним словом, в том, что надо мной, так сказать, склонилась Немезида, верша революционную казнь через маленькую национализацию моих примерно ста пятидесяти р. - и пусть я только попробую что-нибудь в этом нарушить!

- Зачем, - спросили бы у меня герои моего «*Союза действительных*». - Зачем с приснившимися связываться, как с настоящими?

Рисунок Новеллы Матвеевой

А я и не связывалась. То есть бросила их, как только заметила, что они - *сняты*. Но, может быть, находясь где-то на грани пробуждения, а то и почти наяву, я не удержалась, чтобы не застенографировать всего, что могла уловить из мелькающих смыслов сна. И всё-таки в руках у меня осталось уж слишком беглая летопись *чего-то!* сводящегося всего лишь к чему-то. Вроде крысьего согбенного улепётывания с ношей, о коем не бывает ведь ни трактатов, ни стихов, - разве в два стишка уложиться? -

Свершилось:
Я кошелька решилась!

Но, кроме шуток, - ведь я не об этом! Да: вслед мегерушке, вновь мелко перебежавшей на свою сторону улицы, я готова была послать множество страшных античных проклятий, но ведь только потому, что во сне и сам бываешь смешон, - смешней, может быть, всего, что тебе же и прирезится... Но и не об этом я! И пусть - во избежание путаницы - наяву останется (наяву авось и пригодится) мысль, что все попутные внушения зряшны; что состоялось, всё-таки, *воровство*, а не что-то другое, присочинённое сбоку. И что убегание с награбленным - оно и есть убегание с награбленным, как ты его там ни вращай и как ни пытайся найти солнечную сторону у, несколько мрачноватого, этого явления.

Несмотря и не глядя на всевозможную гордыню присвоенный (а ненормальные, составляющие, видимо, основную массу землян, *воруют из гордости*, - я это давно заметила!)- непоследовательные гордецы эти всё же всегда *убегают*, и убегают, с нежностью прижав к себе похищенное барахло, - а не застывают же они на месте в позе бронзовых статуй! И убегают-то всегда *согнувшись*, а вовсе не выпрямив с вызовом стан, - как можно было бы ожидать от таких выдающихся личностей! (А ведь очень следовало бы ожидать! Особенно после того, как сами хитители и властные их суверены-скупщики краденного придумали этому делу столько кривоблестящих философических оправданий!)

Ну что же мне теперь было делать? Видя, как быстро уносится, взвившись и воспарив по лесенке, всё моё благополучие, - а унеслось оно, воистину, как на крыльях! - я всерьёз приуныла. Ожесточение сдавило мне горло! Но желание догнать воровку и отбить у неё свои кровные не было долгим и прочным. Конечно, в деньгах иногда таится спасение от некоторых невзгод. (Любопытно! - чтобы наконец догадаться об этом, мне понадобилось сонное, - сновидческое, то есть, - прозрение!) Но я слишком хорошо видела, как надёжно защищена от взысканий отвратительная соседка! А чем - от неё и не только - защищена я сама? Разве тем, что с меня больше взять нечего?

Я бросила взгляд направо, за изгиб мостовой, на красноватое нагромождение построек затейливой архитектуры. Слепленный из неправильных ярусов, сплетнический массив уже наперёд грозил мне чем-то давно знакомым. Повяло памятью детства, идеей всех так называемых *красных домов*, витающей неуловимо-насмешливо теперь и над этими развалинами. Кто притаился там? Что им всем нужно от меня?! В каждой местности, где жила когда-либо наша семья, тоже непременно был *красный дом* - обязательно, как перчатка взрывчаткой, начинённой враждою и сплетнями. Отсюда была мне даже идея нового

цвета радуги; сплетнически-красного! Но, конечно, в радугу бы я его помещать не стала. Впрочем, цвет само по себе живописный: старого, рябинового с сизым, иногда малинового с копытю, кирпичика! Но под этим великолепным констеблевским* цветом, - повторю, - непременно почему-то скрывалась угроза гонения, страдания для нашей семьи. Навсегда памятной редкостью, изысканнейшей диковиной всех *красных домов* являлись люди, питавшие к нам симпатию.

Бывает, что сновидение как бы листаешь назад. В слабой надежде успеть в нём что-то поправить! В свете упорствующего воображения лестничный взлёт воровки, вроде бы уже законченный, теперь сызнава был виден мне, *как новый!* Догадливые и многоопытные люди из моего «Союза Действительных» давно бы уж постарались вернуть и замедлить *кадр!* Видно, их наука пошла мне не впрок... Впрочем, сейчас я лишь смутно помнила о них, о их удивительной кинотехнике, но, подсознательно руководимая ими, стремилась - по удержанному пунктиру собственных мыслей, - вновь проследить траекторию того воровского взлёта.

Узкая лестница, коленчатой молнией пронизывающая розоватый мусорный сумбур условных домов-напльвов, домов-черновиков и домов-дописок; домов, как бы материальных и домов рисованных, стремившихся составить в целостной опёнковый пень или замок-улей, - лестница эта, ныряя и выныривая, видна была - сразу - и внутри и снаружи массива. И опять я увидела, как воровка сутуло возносится по её наружному отрезку, минуя ступени, перед тем, как сызнава скрыться в одной из буреньких дверец, подобно бутылке скверной наливки, убравшейся в поставец. Я вновь увидела, крутя рукоятку сна назад, как, ещё до этого, ещё у подножия лестницы она движением неподкупной ненависти спрятала краденое в карман длинного фартука и, дерзко окрысившись на меня через плечо при помощи быстрой оглядки, послала мне молчаливую угрозу. После чего и нырнула, грозно удирая, в эту свою *квинтэссенцию красных домов*; в этот свой красный соус моих тревог; в этот, достигающий мощи символа, архитектурный экстракт склочности...

Ну что ж? Можно было бы и дальше крутить картину назад, чтобы узнать, к примеру, как я оказалась на улице. Но зачем? Ведь я поняла уже главное: я поняла не только всю безнадежность, но даже наказуемость, но даже опасность возможной погони своей за исчезнувшим «капиталом».

Если бы и во сне классификаторский жар был мне свойственен, как наяву, я сказала бы: *итак*.

Итак в этих руинах, - явно злобно и специально, заведомо и изначально построенных в виде руин - для того, чтобы прита-

* - Джон Констебль. Выдающийся английский художник-пейзажист прошлого столетия.

ить всех кряду скупщиков краденого, - воровка была защищена от меня стенами с грозно присевшими там, за ними, сплетническими кланами, - пальцем задень - и хор грянет, - грянет по всем регистрам!

Итак за одну только мысль бездомного бродяги отвоевать свои кровные ему самому же здесь и отместят, как единственному виноватому. Ибо в Сплетническом массиве все Красные Дома всех времён и народов воплотились как в фокусе. И даже со всеми, встарь так болезненно мне известными, мегерами внутри (которые прежде были, всё-таки, разрознены и в этом заключалась их единственная добродетель)!

Итак всего этого было бы предостаточно для отказа от погоны за «наживой». А тут ещё - внезапная мысль о каком-то административном гонении за неуместную бродяжью строптивость заставила меня остановиться прямо на середине узенькой мостовой!

Во сне *тьнь* угрозы уже и есть угроза! И я даже на воровкин тротуар переходить не стала. Я только и успела, что... заплакать!

О срам! Я плакала, «как дитя, у которого отняли любимую игрушку» или как загребущий человек Чистогана!

Рисунок Новеллы Матвеевой

Прав Гойя: «Сон разума рождает чудовищ». Но как, - хотя бы и во сне, - могла я докатиться до такой низости, как слёзы из-за денег?! Уже и то подлость, что они мне вообще приснились. И оправдать меня... разве только то может, что и во сне деньги явились мне - сразу! - в форме безденежья. Конечно, безденежье тоже - какая-то сторона денег, но, уж скорее, сумеречная, а не солнечная их сторона! Теневая, так сказать, экономика!

И ещё одно самооправдание. Не так досадила мне, надеюсь, пропажа денег, (правда, необходимых мне для первого обустройства), как *возмутительные* жесты и позы, с какими было произведено это дерзкое хищение! На каком дне жизни я очутилась, если меня даже обворовывают высокопарно и назидательными движениями рук! Если же в потоках, мчавшихся из глаз моих и таилась одна какая-то капля, посвящённая истинной меркантильности, то не следует ли даже это простить человеку, которому предстояло, может быть, голодать? Голодать же хотелось начинать не сразу; голодать хотелось начинать *постепенно*, - а тут получалось, что начинать надо уже сейчас! И даже если я по всем этим подлым причинам заплакала, - согласитесь; ведь это *причины* подлые, а не я!

Всё равно из-за подлостей плакать не стоило? Верно. Но ведь мало ли чего ещё не стоило предпринимать! Не стоило, например, проживать на улице, когда другие живут в домах. Не стоило сберегать сбережения в слабой тумбочке без замка. А там, *далеко наяву* (или это не очень далеко?) не стоило подвергаться глумлению завистливых *проходивцев*, которые, правда, что-то никак *не проходят!*

Всхлипывая, брела я теперь куда-то дальше по городу, - кажется, на восток, - по проулку Тумбочки, загибавшемуся влево.

Теперь я ни о чём не думала. Даже о касетах снов, когда-то отснятых мной (неожиданно не криво!) для «*Союза Действительных*» (который сочинился и остался давно уже весь наяву); о касетах снов, которые, помнится, тоже должны были (в количестве двенадцати кассет и одиннадцати катушек) храниться в нижнем отделении той же уличной тумбочки. Их наверно даже ещё раньше, чем деньги, украли, но я смутно надеялась, что всё-таки не пропали они, а спрятаны мною наяву в более надёжном месте. (Скорее всего даже в этой же тумбочке, потому что, как я уже обмолвилась выше, она ведь и наяву должна была стоять в нашей старой комнате в качестве старшего двойника или полномочного представителя). Ибо, как гласят мои заветные «*Вещи в доме*» (в книге «*Страна прибой*», выпущенной в 1983-м году): «Сам хлыстик наяву, / А рукоятка - *снится*». (По совпадению, страница - тоже «83», как год!) Это, то есть, там же, где «Наполовину есть - наполовину снится». И там же, где «действительный рисунок нанесён / Не на действительную вазу, а на сон». И другие, тому подобные, экскурсии в свой же - (десятилетиями целыми, увы, - невестребованный!) «*Союз действительных*»...

- Как летит время! - сказала бы я наяву. Однако во сне время кажется неподвижным, а потому и проблемы наши выглядят непреодолимыми. Тем более странным является отчаянное борение спящих с окаменелыми невзгодами. Но, может быть, ещё удивительней была моя унылая беспшашность в летописуемом сно-

видении. Не только забота о хлебе насущном; не только всегдашняя тревога о кассетах (катушках) снов, но и постоянная горькая мысль о многолетнем растаскивании плагиаторами моего романа в целом и моих (тайно известных, по закуткам прошумевших) пьес вдруг испарилась, улетучилась из моего обихода и растворилась в каких-то особо горячих *слезах-вообще*. Обо всём сразу! О да: «Тетради выкрали, находки захватили / И в свалку общих мест мой метод обратили», - могла бы и сейчас воскликнуть странствующая Третья Коринна.* Однако не думая более о напастях, не помнишь ведь и об утешительностях, вроде: «Верный черновик нам будет помогать, - / Старые чернила не дадут солгать». Да. И все остаточные недоразумения выяснятся, и всё уладится в том мире, которого мы не знаем, но о котором догадываемся. И получают мзду свою, исходя из юдоли, все открытые и сокрытые виды зла. И не отвергнет Господь обездоленных и обманурых!

Боюсь, впрочем, что миг, переживаемый мной, был почти святотатственный по своей безнадежности. Шагая вперёд, наугад, вдоль низенького заборчика, не помышляла я, повторяю, ни о гибели, ни о спасении. А просто шла и шла, омывая собственную физиономию при помощи двух безотказных ключей, - собственных глаз моих. Из которых всё изливалась и изливалась холодная безнадежная влага...

Рисунок Роальда Матвеева

* - Название и цикла стихов, и замысла прозы.

*Видали многое глаза мои, де-Во;
Уже их удивить не может ничего.
Дю Белле (перевод с французского - В.Левика)*

В подобном неправильном состоянии духа можно бы и не замечать ничего кругом! Но всё же я заметила, например, что заборчик, сопровождавший меня слева, был лишь намёточный, поставленный - явно какими-то шабашниками, причём, прямо среди и вдоль узкого тротуарчика, - (это - чтобы то есть ходить было неудобно. А то - ходят тут всякие!).. Вообще же это место напоминало мне одну из сторон Тишинского рынка, - все остальные стороны которого, впрочем, всегда казались мне *тоже обратными, тыльными!* Должными бы выходить на обширные пустыри, но, по заведённому недоразумению, упирающиеся как раз в самые многопроездные улицы.

И тут остановилась я на углу какой-то площади. Сумеречной, как - я не знаю что, и серой, как безобразие!

Если я скажу, что на открывшемся моим глазам пространстве танцующие части большой толпы, - не попадающей почему-то на площадь, но обрамляющей, обтекающей площадь, порой выпрыгивали из нетанцующей массы вверх, как пружинки форелей, подбрасываясь над ней и снова в неё заваливаясь; если я скажу, что по краям площади перед толпой ходили какие-то распорядители с авторитетными взмахами рук и что в полумгле припозднённого дня шли какие-то съёмки - не съёмки, а большие приготовления к действию, - наверно это будет неточно. Но нечто подобное несомненно происходило и не только здесь, но и дальше, - много дальше; аж за окраины и во все стороны - расходящимися кругами...

Бог ведь кто мне успел шепнуть об этом на беззвучном наречии снов, но теперь я знала, что мглистое движение (вкруг площади и по всему городу) происходит по случаю репетиции оперы «Ясон», которая ставится почему-то прямо на улицах! Но улиц, проулков и площадей было ей, этой опере, мало, и, разливаясь, она перекидывалась уже на окраины и перехлёстывала за окраины, - дальше их... (До меня донеслось, что дальше «Ясон» идёт уже и по деревням, с той разницей, что там, по

пути, он превращается уже в «Оперу нищих»!) Вот ведь какого размаха, выйдя вдали из-под контроля, достигал режиссёрский замысел! И, не знаю - как в провинции, а в городе, сказывали, уже не было места для не-устроителей и не-артистов (вроде меня).

Рисунок Новеллы Матвеевой

Дерзко-неряшливое изделие лжестроителей - небрежный заборчик вышел теперь, ковыляя, почти на самую площадь и, клонув асфальт, оборвался. Я тоже остановилась. И стала шагов за двадцать - за тридцать от поучительнейшего зрелища!

Где кисть Франсиско Гойи?! Где перо Лескова?! Слишком уж много воздуха набрать нужно в лёгкие; слишком уж издалека разбежаться надо, чтобы приступить к живописанию; до такой степени диким и перепутанным было существо, видневшееся передо мной на площади.

Начнём же издалека. Прежде всего там передо мной находилась, (примелькавшаяся каждому, конечно, и наяву) железная крышка люка подземной - не побоюсь этого слова! - канализации. Никогда, между прочим, не могла понять: для чего на таких канализационных дисках так отчётливо, - прямо, как на гравюрах, бывают вырезаны даты тех годов, когда тот или другой люк был создан? «Труд всякий, труд любой / полезен нам с

тобой и нами уважаем». Но ведь во всяком разумном действии должен быть смысл! И как часто, с невольной грустью глядя на эти изделия, мы недоумеваем: **что** именно мы должны - на их счёт - запомнить себе в назидание?

Что мне

Тут надо вспомнить, а что забыть?

Нет воспоминаний у меня...

Не знаем мы и того - что же, так сказать (не побоюсь и этого слова!) провалилось в них столь несправедливо-безвозвратно, если теперь даже даты проставить понадобилось? Или я тут просто чего-то не понимаю, и не должна говорить за всех? Особенно, если на этих люках бывают записаны *не их* (не люковы) именины? Но тогда... что это за непонятные, вообще, календари? Почему так немногословны? И где у них находятся комментарии? И как далеко? И, главное, с какой стати мы должны глядеть на них, как на непреходящую ценность? А разве не к этому нас призывают чёткие даты?

Но ещё больше меня (как бродягу) интересуется, для чего эти железные крышки так часто бывают предательски полуоткрыты и *хлябают* у прохожих под ногами? Не в силах будучи ответить ни на один из этих проклятых (не побоюсь *вообще* никакого слова!) и вечных вопросов, я только добавила бы, что такие добродетели, как тщание, прилежание, усердие и рачение, благодарную память и увековечение, хочется мне встречать - хотя бы изредка, - и в других местах тоже, а не только во внешней отделке клоак и в художественно-филигранно выполненной датировке чего-то на клоачных люках, - достойной дат коронаций и величайших сражений. Ведь если я (чего я добиваться, конечно, не стану!), если я туда, чего доброго, провалюсь (имею в виду - в клоак, а не в коронацию и не в сражение), то дата моей гибели может ведь и не совпасть в чём-то с числом, неподвижно выставленным на железной заслонке!

И всё же - не сам люк и не задвижка его приковали на сей раз к себе мою любознательность. А тот, кто с непонятной целью, вдали от толпы, - обтекающей площадь кругом, как заколдованную землю Тома Гидлера, - одиноко сидел на этой ржавой, если можно так выразиться, скрижали.

То был зрелый молодой человек, - не то, чтобы статный, но плечистый и не хлипкий, однако же сидел он как-то странно; по-детски ёжась, по-стариковски горбясь, по-сиротливому подвернув ноги и, вдобавок, накрывшись какою-то идиотической мешковиной!

Тогда как мог бы разом
Накрыться медным тазом!*

Сидел он боком ко мне, - ах, уж на том ли ржавом, почему-то полудразинутом сейчас, люке! И рот его, довольно большой, был тоже - странно, невесело разинут, точно у великовозрастного некормленного птенца мифологической птицы Рок. Сидел, как бы не имея шеи и пытаясь - откинутым резко назад - затылком выпереть - что ли? - до блеска собственную спину! А кисти редких, но жирных фиолетовых волос его напозлали сзади на мешковинную драпировку, и весь вид у него был невыразимо страдающий и самоотречённый!

(Нарочно не придумаешь!)

Можно было бы и посочувствовать ему, как всякому изовравшемуся до муки и слабому человеку, если бы не дюжесть его, если бы не *совершенно исправное*, повторяю, здоровье незнакомца! При такой крепости всей комплекции другие бы наверное постеснялись сидеть в столь разбитой позе, изображая какую-то возвышенно-скорбную канализационную улитку! Но мошенник, похоже было, твёрдо вознамерился напроситься на самое деятельное народно-общественное сочувствие, силясь ещё и ужаться телесно до карликового состояния! Частично, осколочно - это ему почти даже удавалось. Но было откуда-то ясно, что всёж-таки, он не гном, не калека и не урод (в обычном смысле этого слова), а просто - сидит на своих ногах таким хитроумно-изобретательным образом, чтобы выходило на карловость и на юрдовость - вместе.

Наяву - к чему только не привыкнешь! Однако же сон одаряет человека новой способностью: тихо, беззвучно, таинственно поражаться, приковываясь надолго к месту и видя в охапке даже обыкновенных незадачливых хитростей, явление непостижимой природы... Но и то ведь непостижимо, - в самом деле *непостижимо*; как мог сей неизвестный страждущий держать голову заломленной назад так *безиейно*, раз шея у него была в полном порядке? *Непостижимо*; как это можно; осев назад (полный назад!) податься в то же время вперёд (полный вперёд!), да ещё и как-то вбок, что ли! Это как возможно? - завязавшись морским узлом (он же Гордиев!) одновременно изображать разбитую - на тысячи осколков - вазу! Как может получиться у человека такая манипуляция с собственным естеством? - ума не приложу! Или это из-за кистей (когтей!) волос на затылке мнилось, что голова откинута дальше, чем доступно смертному? Или - из-за того, что вопрос шеи был нарочито скромкан и затуманен, казалось, что шеи нет, а в то же время - она... выгнута вперёд, и вдоба-

* - из старого стихотворения «Порицание скромности». (Автор)

вок - совершенно наподобие гусиной? Хотя... - как же это? Шея вперёд, а голова - назад? Казнённый он, что ли? Словом, ну его! Он меня совсем запутал! Ведь язык сломаешь - его описывать, - не то отшельник, не то акробат!

Кстати же, не всякий неописуемый, по-моему, вправе этой неописуемостью гордиться! Гордиться, что вы, ловя его главное очертание и сильно застряв на этюдах, изломали об него копыя всех кистей, карандашей, перьев?..

Не всякая неописуемость от добродетели, - подчас она от порока и даже от невменяемости происходить может.

Берясь пересказать значенье их прямое,
Не наломать бы дров! - *

говорит, например, Медведь. Но что если у них (у явлений иных и созданий) вообще прямого значения нет? (Хотя косвенного иногда, может быть, - даже сколько угодно!)

Тьме колдовства
Поэзию
Ни в коем разе
Не уподоблю я однако... *

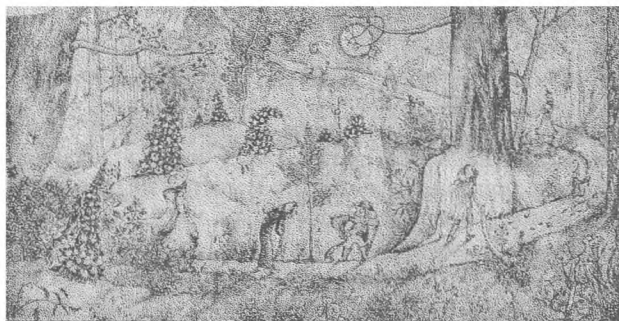

Рисунок Новеллы Матвеевой

По цвету лица и тряпиц ловкач был выполнен (именно выполнены были и голландские купцы из пропавшей тетради моего «Союза действительных»! - купцы, как сейчас помню, «всюду таскавшие с собой, наподобие сложенных за спиною крыльев, живописный колорит своего государства») так вот: ловкач был выполнен в бурых, серых, чёрных и лиловатых тонах. На этом я... Но не тут-то было! Нелегко, оказывается, отделаться от прощельги с его портретом! Нельзя не вернуться хотя бы раз к от-

* - Иван Киуру. Из стихотворения «Творчество». (Книга стихов «Каштановые тропы»).

дельному отображению широкого рта его! Я и заметила-то его, я и поразилась-то - сразу, с угла площади - на него, молчаливо-изнывающим плём сидевшего на ржавой крышке люка, - начиная не с фигуры его в целом, а начиная с его рта, разинутого безотрадно... Рта, грубая щель которого, образующая унылый просвет в площадь, сбоку напоминала серп концом вниз!

И эта-то, грубо-изнемогающая, серповидность пасти; и это-то древесно-тёмный зевающий расщеп - всё это получалось как бы в результате подавляемого неслышного детского рёва!

Как возмутила бы меня наяву подобная неподвижная слабость в таком взрослом и здоровенном борове! Но здесь, во сне...

Томительно, беззвучно протекало неподвижное зрелище. Пыгливо, тихо и напряжённо вглядывалась я. По-сновиденчески простодушно дивилась на этот, столь беспомощно разинутый, зев, действительно - так похожий в профиль на диковинный расщеп извилисто-сложного пня! И явная приписка себе - этим заматерело-недоразвитым существом - какого-то вундеркиндства, беззащитности, мировой скорби и (абсолютно никем у него не прошенного) всепрощения, - должны бы не на шутку разозлить меня наяву; и нетрудная бы *для яви* догадка - что такой большой, взрослый и широкий рот как-то даже нехорошо держать так долго открытым, - всё это (здесь и сейчас) было для меня, повторяю, непосильно. И я глядела на дремучего притворягу доверчиво, как на витрину реальных редкостей, - как на засушенное морское чудовище, которое скорее уж странно, чем возмутительно.

Я конечно понимала, что вкуса у него нет. (У кого? И у морского чудовища и у разявы прожжённого!) Но удивительное простодушное сна (гораздо в другой раз и на прозрения!) заставляло меня *сейчас* принимать за чистую монету любое кривляние.

Конечно, озадачивала меня и манера некоторых сидеть над железными люками с таким гениальным и самоотверженным видом! Но критического чувства не было. И я, скорее, сочувствовала, чем наоборот, всем угнетённым должностям при испорченной технике.

- А может быть, его сюда усадили стеречь канализацию? - глухо подумалось мне.

Работа, конечно, не из приятных, а всё ж не причина для космической тоски! - могла бы добавить я. Но не добавила.

Так стояла я и взирала на него с некоторого расстояния; на-стоящая бродяга - на бродягу искусственного.

Я так и не успела разработать какое-либо отношение к этой унылой подделке. Да и к самому виду на это многозначительное недоразумение, открывшемуся мне как бы из неожиданного окна. Я просто не понимала; что бы всё это могло значить?

И вдруг до меня каким-то образом донеслось, что сидящий на люке есть никто иной, как... Ясон! Не совсем, конечно, Ясон, но актёр на роль Ясона! Недаром же ставилась тут - прямо на улицах - и одноимённая опера, уходящая аж за окраины и там облетающая уже название «Оперы нищих»! Теперь, вроде бы, всё становилось на свои места, непонятные, но ясные. Однако человек (из бродяг даже который, а значит не избалованный) никогда не бывает доволен. «И эта железная тюря - Ясон? - вдруг обретая сознательность бодрствования (и почти такими словами!) подумала я. - Эта непостижимая клетка (непостижимая потому, что и постигать в ней нечего) - Ясон? Кто же тогда, спрашивается, не Ясон? И неужели постановщики хуже найти не могли?!»

Пускай сначала сыграет артиста,
Который сыграет... артиста,
Который сыграл бы артиста,
Умеющего играть,

а то пока что он в силах только *отсимулировать* героя, но - никак не *сыграть* его! А режиссёры - пускай себе «переосмысляют» древние мифы, но всё же не опрокидывают их впоперёк замыслу! И это-то у них - Ясон? Значит истинной той Медее в древности не повезло. Будь её Ясон таким-вот, как этот оперный пень, - это бы спасло её от безумств и удержало бы от ходьбы на великие преступления!

Гм... Конечно же, я немного жульничаю... Я не посягала во сне на столь воинственное и почти последовательное красноречие, - да ведь и никакое реалистическое «красное слово» не заменит тех изошрённейших, изящнейших ходов мысли, какие бывают только во сне и остаются там навсегда. И всё же одной ногой в тот миг я стояла наверное наяву, потому как рассуждала уже критически.

И одного - там, во сне, я понять не могла; чем так притягивал оперно-театрального деятеля холодный (и наверное даже склизкий!) железный люк? А ведь лучшего местонахождения он и сыскать, вероятно, не мог; отсюда ему не надо было далеко ходить за осуществлением актёрского *провала*! Здесь можно было оформить его на месте; в прямом смысле и «не отходя от кассы»!

А постановщикам современным был бы урок: впредь выбирайте актёров как-нибудь посообразнее. Но разве вы им втолкуете, что *сама по себе нелепость* какой-либо фигуры ещё никак не доказывает её гениальности!

И, одним словом, прояснение вопроса должности незнакомца как-то развеяло в моих мыслях дурман непонятного лже-

мистерийного благоговения перед ним. Ну и ещё кое в чём я оставалась (как выражается Медведь - и, к счастью, не обо мне!) «недоумённым человеком». Например, мне ни разу не вспомнилось, что в опере ещё и... *поют!* (Догадывались ли об этом сами постановщики?) Во всяком разе - в этом беззвучном сне - я арий не слышала. Нет, не взревели нигде белуги вислоуглыми ртами. Не повернулся из них никто лицевой стороной к возможному зрителю. Не помню и зрителя. А только помню, что и сама вдруг решила покинуть площадь. На кой мне хитрые рохли и чья-то оперная неприкаянность, когда у меня своей - вон сколько! И не оперной, а настоящей.

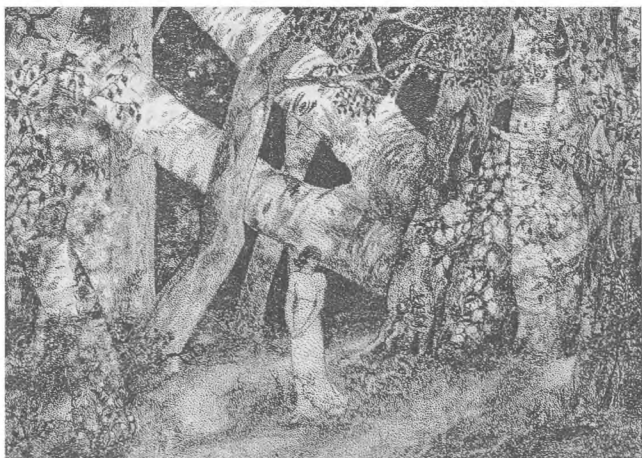

Рисунок Новеллы Матвеевой

*Бобину киноплёнки сносной
Я прячу - на ночь - под подушку.
Сплю. И во сне мотаю сон свой
На эту верную катушку,*

*Как нескончаемую стружку
Большого фильма! Постособствуй
Мне в этом, Ночь! Не дай мне лоб свой -
Разбить! Погоням за полушку*

*Не выдай! Подскажи украдкой:
Как мне прокрасться в явь с укладкой
Снов? (Красочных и безмолвных),
Их откровеньями пылая?
Чтоб наяву - для залов полных -
Свой сон раскручивать мог(ла) я!*

3-5 сентября 1963 г.

Сонет этот наверное настолько же слаб*, насколько сама я была молода, сочиняя его в шестидесятые годы. Зато он есть один из тех немногих сонетов, кои слегка приоткрывают завесу, за которой... здоровым богатырским двадцатишестилетним** сном (я-чай на зависть самому Рипу ван Винкло, проспавшему всего каких-то жалких двадцать лет!) спит-почивает мой роман «Союз Действительных». И во сне продолжает претерпевать всё то же здоровое, богатырское, двадцатишестилетнее** разворывание, - пиратское разграбление моего и поднесь невостребованного метода. (Наверное - не очень плохо: двадцать шесть лет растаскивают - никак растаскать не могут)!

Господи, защити!

На так называемые «катушки» в стане Действительных издавна навёртывалась, в основном, изобразительная сторона сновидений (как частных, так и коллективных. «В дивный

* - особенно по кинотехническим терминам (Н.М.)

** - теперь уже тридцатидвулетним (Н.М.)

вступила я сон коллективный...»*)). К семидесятым годам к катушкам прибавились и *кассеты*, на которые мои герои пустились записывать главным образом звуки, *голоса снов*. Сии съёмочно-записывающие устройства Действительные могли перетаскивать в явь только лишь контрабандой, обманывая посты (так же, как вещи из яви - в сон).

И вот катушки и кассеты снов начали мне уже сниться! - притом в настоящих снах (не литературно-вымышленных!) И - словно бы - они переброшены уже, - но, только, мне негде их спрятать. То были мне, конечно, болезненные отражения пропажи наяву нескольких тетрадей «Союза». Поэтому в снах я эти катушки и кассеты то и дело теряла, искала, недосчитывалась их, прятала и перепрятывала... Особенно боясь за катушки! Которые вдруг в моих руках превращались в тетради, - но уже осквернённые, перепачканные в глине, в грязи, и я уже не могла разобрать в них свой почерк, а некто уже успел «украсить» их гнусными непристойными изображениями!..

Но этот вот сон, сон о Ясоне, был какой-то странный и, во всех моих сериях - *новый!* Лишь *единожды* вспомнила я в нём о спрятанном кладе, да и то - с дотоле небывальными в моей практике снов беспечностью, беззаботностью. Другое, иное, какое-то обобщённое *всё вместе* взятое донимало меня теперь.

Я уже об этом говорила, но не повторить не могу.

Рисунок Новеллы Матвеевой

Через некое условное «время» сна я увидела себя направляющейся по уже знакомому тротуарчику - назад - от невиданной площади.

Уже заметнее вечерело.

Я знала, что постепенный изгиб пути вёл туда, где я уже

* - «Вещи в доме». Поэма. Выходом - 1983 и 1991 гг.

днём побывала, где горделиво мнила устроиться на улицах уютней и откуда взяла разбег.

Расставшись теперь и с этой мечтой, я не сильно спешила, а просто брела, уставившись вперёд, - в сумрак, преисполненный всяческой неизвестности, и от нечего делать... вновь начала всхлипывать!

Каюсь! Кажется, по плакливости, проявленной мной в течение всей этой истории, я могла бы уже опередить самого диккенсовского Джоба Троттера, которого изумлённый Сэм Уэллер назвал «пожарным насосом»! Но разве не отличает меня от мистера Троттера то, что мистер Троттер плакал от ханжества, навязанного ему природой, а я - от нервов и от невзгод?

О, понимаю! Такая потеря бодрости всё равно предосудительна. Но разве не падал духом иногда и сам Франсуа Вийон? С которым я теперь, - заметьте! - почти сравнялась! Если уж не по стихам, то по *жилищным условиям* во всяком случае.

Отчаявшийся, опустившийся,
В ругне, в осквернениях уст...
На злато чужое польстившийся?
Так что же карман его пуст?

Он был, говорите, стяжателем?
Но суд ему «дал по рукам»?
Зачем же сложил он, - не скажете ли, -
Анафему «Клеветникам»?

Не верьте суду современников:
Ему справедливость - пустяк!
Он славит вельможных мошенников,
Но травит он нищих бродяг!

Простится предательство,
Скряжничество,
Убийств и палачества смрад,
Но гиблое дело - бродяжничество.
Его и в веках
Не простят.

«Франсуа Вийон» (1964 - 1978 гг.)

- Что ещё может ждать меня впереди? - тихо шагая и проливая слёзы, думала я. А сумерки становились всё мрачнее, мрачней... Они, эти устроители празднеств, - мысленно продолжала я, - конечно, тоже находятся у меня в недругах и эту оперу «Ясон», (в даях постепенно переходящую в «Оперу нищих») - тоже обязательно направят против меня! (Мания преследованья?

Просьба не тревожиться. Было бы преследование - Манья приложится!) Разве не затем, - силами якобы одного лишь художества, - оцепили и обхватили они уже весь город, чтобы человеку бездомному и к постановке оперы непричастному не только «головой поклонить», но и ногой ступить было негде?!

Ну, что я говорила? - вот оно уже и оцепление! Вот уже и начинается опера-мятеж! - так мысленно заклопочила я, потому что впереди, в надвигающейся мгле, уже стояло несколько фигур с отгалкивающе набельёнными - почти серебряными! - лицами и пакостническими красными ртами! То были, - и я это знала! - так сказать, *естествоиспытатели*, точнее - пытатели естества людского, а ещё точнее - убийцы, заgrimированные под жрецов богини Кали! - усердных прислужников страшного Джагернаута!

Во всё убыстряющихся сумерках от их личин, ненормально продолговатых, да ещё с длинными подбородками; от их, почти синеватых, масок с кровавыми как шрамы, ртами, уже явно несло беззаконным артистизмом истязательства и расправ и разило неумолимостью, точно от известковой стены, безмолвно участвующей в кошмаре. Казалось, *пока* они просто совещаются, - как бы о мизансценах и декорациях. Но они были так отвратительны, что я... ещё горше заплакала!

Свернуть бы? Да было некуда. Промедлить? Не имело смысла. У меня уже выработалась походка бродяг, - людей, которым спешить некуда, но и остановиться нельзя. И вот - походка эта теперь планомерно несла меня прямо к тигру в пасть! Потому что и *архитектурно* этот сон мне выходов не подсказывал.

Меня и наяву порой не шутя занимает устройство (пока ещё не спасение, а только *устройство!*) души человека (того или иного), воздвигшего для нас дома, слившиеся в *монолит*, - без единого зазора меж ними! И остроумнейшие постройки - об одном выходе в одну сторону... И улицы, которые, находчиво предполагая погоню, заведомо исключают побег. Где вы? - дышащие, сквозные, - не угрожающие, а прекрасные! - перспективы с выходами на просторы или высоты? Или все они теперь превратились в одну сплошную «проезжую часть», то бишь в объединённое «ни проехать, ни пройти»? Москва моего сна с её системой незащищающих тупиков и безвыходных «выходов», была уже и яви подстать и подстать «душе» строителя *позднейшего*, строителя «чудотворного», - не один строил, а, как всё одно, один! И тот невменяемый! И что сны, коли и наяву то и дело набредаешь на улицу, из которой не выйти, пока - с перепуганной административной исполнительностью - не пройдёшь её всю до конца! Ибо арки боковые, если и есть они, страшны, как ворота в ад и чаще всего никуда не выводят. Ибо дом, который ты мирно рассчитывал обойти, вообще-то уже не является домом в традиционном смысле этого слова, а является, собст-

венно, лишь продолжением предыдущего «строения» и началом следующего. Такие, с позволения сказать, «дома», пешеход или оптом бери или от всех сразу отказывайся!

Такова действительность.

Вот и здесь, во сне, ни отступить было, ни свернуть... Даром, что знакомый по яви Грузинский вал позади начинался с... Лондонского Двора Обьедков! Конечно, и то было благо, что *неопознанные*, так сказать, *Летающие Обьедки*, не были запущены вслед мне, когда я там проходила, но теперь сей отрадный факт грозил стать моим последним утешением... «Везде бичи, везде железь!» Опера «Ясон», как гроза, обложила уже кругом всю Москву, - и ничего тебе - чтобы «из другой оперы»!

Остановиться всё же и чего-нибудь подождать? Но - *чего?* «На время - не стоит труда; а вечно (стоять) невозможно». Вот и шла я «куда глаза глядели», куда ноги несли вместе с несущим течением улицы, да и... слёзы из глаз, как это ни глупо, действовали почему-то как мотор, не дающий остановиться... Парусник работает на ветру, паровоз - на пару, экспресс - на электричестве, прогресс - на пощёчинах, раздаваемых пошлякам (все задержки за тем, что пощёчин мало, а пошляков много), меня же неодолимо влекло вперёд дерзновенной энергией слёз! Но... вместе с тем, что-то и удерживало меня здесь, на серповидном лихом повороте, - неужто я уже успела его до такой степени *обжить*?

Ведь *географически* это была та самая горловина, где давеча я учредила тумбочку для кассы и кассет и откуда, обкраденная, ринулась в погоню за «чистоганом»... Однако, при всей её внешней скромности, улочка тоже была из тех, чьи «выходы» безвыходней тупиков, ибо нагромождения по бокам - в три месяца не объедешь!.. Вот наверно почему, «обойдя дом» в сновидении, я так часто оказываюсь... в другом государстве! Иногда даже не в смежном и не в соседнем, а... через океаны! (Между прочим, в *этом* сне - и неплохо бы! Оказаться бы - вот именно *сейчас!* - как можно дальше от мерзких масок в конце серповидного поворота!) Но некогда мне было *обходить дома кругом* - то есть *путешествовать!* «Скольжение по обрыву не полёт»*, - как сказал Медведь. А улочка, обжитая давеча на бегу и ставшая мне почти *домом*, так и не стала *моей крепостью*.

И опять повело меня вперёд - как бы самим течением улицы - на двигателе слёз. Настоящего страха (этакая молодцеватая плакса!) я более не испытывала. Где наша не пропадала?! Как вдруг одна мысль заставила меня спохватиться и опомниться; ведь люди Джагернаута не просто палачи: это же *истязатели!* - донеслось вновь...

И вот то, что называется нынче «поток сознания» (а Медведь переназвал это в «потоп сознания») устремилось в моей бедной голове по новому руслу.

* - «Чулым». Из книги стихов Ивана Киуру «Каштановые тропы».

*Вырваться в наполовину реальный,
Наполовину приснившийся сад.
«Язык детства»*, 1985 г.*

Известное самоистязательство жрецов богини Кали так мало относилось к истинным планам ряженных, совещавшихся в устье улочки на фоне наступления ночи, что я о нём ни разу даже не вспомнила. «Как плохо, что Медведя нет дома!» - только и подумала я, - забыв, что и сама - не дома,

Или там, далеко наяву,
Я чуть-чуть по-другому живу? -

как сказала бы моя персонажица Веста в пьесе «Трактир «Четвереньки»...

Было мгновение, когда я готова уже была вернуться и попытаться обойти Красный дом, - даже если окажется, что одной стеной он выходит в Сукманиху, другой - на станцию Соколовскую, а задним фасадом - в Северный Ледовитый Океан. Но... Могла ли я знать: с какой стороны и когда будет возвращаться в город Медведь?! - Ах, как бы не напрямую мимо «жрецов»!

Будь он сейчас «дома» - он и насчёт беззаконности нашего выселения на улицу и насчёт всего - обязательно бы обратился к Пустынину, к участковому! Я не сумею, - расстроилась бы и всё перепутала, - а Медведь сумеет!

Он, участковый-то, конечно, немного *жавер*** , и жар веры часто посвящает клеветникам анафемским! Его тоже уже натравливали на нас. Но Медведь ему всё объяснит...

Появился ли, степенно зашагавший, Пустынин от этих моих мыслей или наоборот - эти мысли явились, когда я его заметила, - трудно сказать. Но это именно он неспешно шёл теперь по другой стороне улицы, - видный со спины и одетый в синюю форменную шинель. На довольно большом расстоянии от меня он двигался в кирпичной тени вала при, заживавшихся уже вдаль, отдельных фонарях - встречу группе жрецов-неформалов. (Очевидно, не догадываясь, что их не мешало бы арестовать!) А я - не близко и не прямо, но - следовала за ним, колеблясь, приостанавливаясь и заливаясь слезами...

Да, да! Медведь бы с ним сейчас толково переговорил! И о

* - Из книги стихов «Хвала работе», 1987 г.

** - Жавер, полицейский инспектор из романа Гюго «Отверженные».

«жрецах» здесь, во сне, и о Проходимцах кн.Тьмышкина наяву, и о сговоре тех и других против нас - на грани сна и действительности! И Пустыни, если он сам не иллюзия в ряду других иллюзий (*сейчас-то* он только *мысль*, я это знала), *обязан* будет разобраться в этих вопросах, и, в частности, в том - кто тут призрак, а кто - человек...

Мечтая таким образом о защите со стороны участкового, я могла бы снова поймать себя на лёгком жульничестве! *Мне*, дескать, *мне* самой нужна защита! - но это была, если так можно выразиться, *верхняя* мысль - над *нижней*, даже и от *себя* спрятанной. Нижняя же, спрятанная же - гласила: нет, не мне одной! - нам *обоим* нужна защита! Медведю - даже ещё нужнее! Его положение даже ещё страшней моего!

Мне казалось однако, что страх за Медведя даже от себя мне надо скрывать, - так скорее придут к нам на помощь...

Но где же он? Уже наступила ночь, а его отсутствие угрожающе затягивалось... А вдруг его и подстерегли уже?! В совершенном отчаянии, в ослеплении страхом я даже и не заметила, что Пустынин и Медведь, о серьёзном разговоре которых я мечтала, как бы о высшем уюте, - с некоторых пор уже идут рядом, - впереди меня, вдоль повечеревшего крепостного вала, и Медведь ему что-то рассказывает, говорит... Не отличая своих упования от того, что вижу «на самом деле»; передумав жаловаться участковому на притеснения от злых духов и «сном разума» порождаемых чудовищ*; озверев от слёз, я глядела на двоих, шагавших впереди, всё ещё как на свою мечту, на свою мысль и пожелание... И не верила, что вижу их *вправду*, пока не проснулась.

Был поэт. Ночь была.

Да разверзся рассвет.

(Как не быть над Севильей рассвету?!)

А кого - за обочиной - ищет рассвет -

Уж того под рассветами - нет.

...В струях Тахо, в ночи,

отражаясь, луна,

Зелена, - так же катится мимо,

В бубен бьёт,

По-цыгански дика и вольна,

Линчеватело - недостижима.

Иван Киуру «Песни Лорки»

Снилось - в 1983 г.

Записано в сентябре 1986 - апреле 1989 гг.

* - Франсиско Гойя: «Сон разума рождает чудовищ».

Культ личности
30 сент. 1956г.

Рисунок Новеллы Матвеевой

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Рисунок Новеллы Матвеевой

НЕПОЛНЫЕ СТРАХИ

Светлой памяти Миши Ноделя

Как румяный домик пряничный
Надкусила бы Яга,
Ночь у Дня отъела краешек, -
Стали тусклыми стога.

Ветром пугало наполнено -
Рукава оживлены;
Шелестят; по грядкам ползая,
Испитой ботвы вьюны...

Я заклею рамы в комнатах,
Наколю сухих дровец;
Я построю - из наколотых -
В печке огненный дворец.

Улетайте, гуси-лебеди!
А я дома отдохну,
Чтоб не слышать, как в трубе гудит,
Уши пальцами заткну.

Но ольхи листва оборвана,
А с берёзы сорван лист...
К ним участием ободрена,
Выйду смело - в белый свист.

Чтобы снова Безоружное
Сердце враз оборвалось;
Через поле, поле вьюжное
Чёрной тенью - скачет лось!

Март 1965 г.

ЧАГА

Ид бочагов - из очагов,
Где вместо жара мгла и влага,
Из тех дождистых облаков,
Откуда пух роняет гага,
Из бесконечного зигзага
Ручьев, оврагов, берегов,
Из ветра в гриве тростников
Скроился гриб древесный - чага.

Он как бы взялся от пещер.
Он как бы трясся в их обозе.
Он как бы нёс давленье сфер,
Пока не вырос на берёзе.
Как только выткалась она
Из нежных нитей волокна,
Уж вид придал древесный гриб ей
Лесных морщинистых реликвий.

И вот на чагу - бурный спрос...
(Спаси лесов остатки, Боже!)
И этот спрос - гроза берёз.
И чаге, значит, гибель тоже.
И вот берёзовый атлас
Ножом срывает перочинным
Прохожий... (Вроде, в этот раз
«По уважительным причинам»)!

Но для того ль древесный скрип
Так долго шёл к нам издалёка,
Чтоб лес под пытку погиб
У пересохшего потока?
В последний раз подняв высоко -
Молитвенником землекопа -
Тебя, о чага, чёрный гриб!

В ТОМ ЛЕСУ

*Там, где коней купанье,
Там где стволов по бликам
Видно переступанье...*

В том лесу,
где мы болотце по бревну переходили,
Мы конца бревну искали - и концов не находили:
В тех краях бревно тонуло, где не видно было края
В зарастаньях, застреваньях и в дурманах Иван-чая.

Волчья ягода, орешник, белый гриб, Иван-да-Марья
Всю дорогу занимали наше бодрое вниманье;
Папоротник (уходящий - сам - неспешно в завитушку)
Нас привёл к воде просвета на душистую опушку.

Шлюпку озеро украло и опять к песку прибило;
С мелодическим журчаньем, с плеском привязь теребило,
Гипнотически зубрило заклинания... Купавы,
Сдержанны и желтоглавы, нам кивали из канавы.

Ряд китайских мандаринов, -
кукол с водяным заводом
Их цветы напоминали, принудительно кивая,
Знаками изображая путешествие по водам,
Но приветствиям поверить поводи не подавая.

Там была какой-то странной, слишком толстой паутина -
Из капроновых, нежданно-современно-жестких нитей...
Как боялась я увидеть этой сети господина!
Тоже слишком современный - да не выйдет из укрывтий!

Зверобой златомедовый плавал в мареве от жара.
И, задумчив, у излуки, видный близко через реку,
Там стоял (как я решила) «дом безумного Эдгара», -
Добрый сруб американский девятнадцатого веку.

Как других нельзя отвадить от пиона и от флокса,
Так - от диких трав смиренных оторвёшь тебя едва ли!
На стихи о зверобое в это время ты отвлёкся,
А меня - лесного дома чары к месту приковали.

Что-то в нём от пуританства наблюдалось. И от ловли
Счастья вечной...

Но не столько в брёвнах стен, в архитектуре,
Сколько в дымке, трепетавшей на волнах рифлёной кровли,
Словно к нам его пригнали откатившиеся бури.

- Автор «Ворона», вы дома?

Кто-то скрипнул: «Не надейся!»

Это ворон, пролетая, снова крикнул: «Здесь нечисто!»

Как боялась я увидеть настоящего владельца!

Как признать я в нём страшилась местного авантюриста!

За одно лишь выраженье на лице его - под стражей
Продержала бы я шельму всё оставшееся лето!
Пусть он, лучше, не выходит!

Пусть не портит мне пейзажей,
Так как занял незаконно дом великого поэта!

1982-86 г.г.

Рисунок Новеллы Матвеевой

ЧУТКОСТЬ КОТА

А у кота у моего - как будто рация!
Вот он прислушивается...Усы во лбу - локаторы.
И уж видны ему вдали, где спит акация,
Жуки-лазутчики и мухи-провокаторы!

Вот так оказия! Теперь оказывается,
Что он отслушивает (как вулканов кратеры!)
Цветки тишайшие! Что даже крапины
На них - грубят ему когда он с ними связывается.

Он по-охотничьи ступает...Он принюхивается,
А из травы ему клопы лесные — на-ко-ся!
И морщась, он себе скроит старухино лицо
От оскорбительно НЕПРАВИЛЬНОГО запаха!

Он, как фактуру, видит вещи, в чём-то МНИМЫЕ.
В тиши ночей - со стороны - он видит сны мои.

1968-83 г.г.

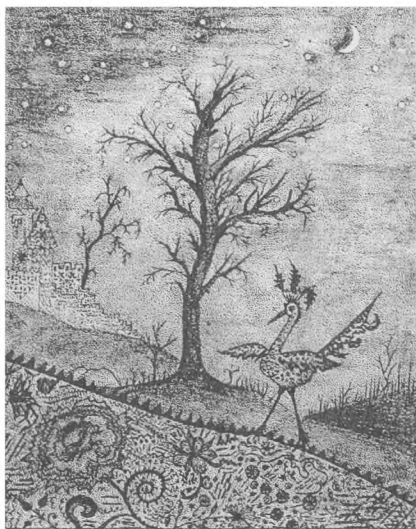

Рисунок Новеллы Матвеевой

ПОЖЕЛАНИЕ СКРОМНИКУ

*Это был стеснительный нахал...
(Из прозы Ильи Эренбурга)*

О нет! Он не нахал не вор,
Не пикнет вам наперекор
И даже рот бывает
Ладонью прикрывает!

Скажи пожалуйста, на кой
Он прикрывается рукой,
Тогда как мог бы - разом! -
Накрыться медным тазом?

Не тем,
С которым дон Кихот,
(Приняв его за шлем) в поход
Летел с восторгом дивным,
А... самым примитивным;

Таким, в каком
(то от тоски,
То от похвал пьянея)
Стирала жуликам носки
Альдонса-Дульсиenea.

1972 г.

ЧТО ЕСТЬ ГРЕХ

Перед неграмотным блеск знаний обнаружить -
Вот грех! Божиться - грех. Но грех - божбу и слушать.
Грех - клясться клятвою. (Особенно тогда,
Когда заранее решил её нарушить).

10 сентября 1992 г.

Рисунок Новеллы Матвеевой

ЭККЕРМАНУ

Когда бы, Эккерман, для лучезарной чести
Сквозь время прошагать с бессмертный Гёте вместе
Явились бы не Вы, а кто-нибудь другой,
(Сравнимый мелкостью с подсолнечной лузгой!);
Когда б на свой Олимп - на Веймара высоты
Не Вас - кого-нибудь другого поднял Гёте
В друзья, в советчики свои под старость лет, -
Донёс ли бы другой до нас живые речи,
Остроты старика? Гнев? Смех его при встрече?
Находки для стихов? Догадки? Притчи? Нет.

Вы! Только **Вы** один достойны были чести,
Какой не вынес бы никто на Вашем месте;
Другой бы осмел великие черты,
От зависти ослеп, от гордости взбесился,
В соавторы к творцу (посмертно) напросился
Иль просто выкрал бы священные листы.
По нашим временам сужу. Ах, не по вашим!
Их не вернуть. А ты, о муза, ты воздашь им
Простое должное? Иль, уж теперь, как все,
Забудешь облаков божественные лики,
Германских ясных утр на красных креслах блики,
И ночь? И лес Дриад? - весь в звёздах, весь в росе!..

Я книгу распахну, как с музыкой шкатулку,
Чтоб Вашу с ним найти в ней дальнюю прогулку;
(О, здесь не упустить так важно - ничего!)
Его больших шагов тяжёлую крылатость
И Ваших добрых глаз чуть-чуть подслеповатость,
И то, как слушали Вы жадно речь его!

...Он ВСЁ обожествлял. (Жука не обезбожил!)
Он Вам показывал места, где юность прожил,
Стол, где работал он, и, в землю врытый, стул...
Весна ещё едва курилась, не одета.
И столько тишины скопилось в рощах света,
Что Гёте произнёс: «Должно быть, Пан уснул».

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ

В.А.Жуковскому

Вы Утешитель.

Вы, как патер Браун!

Дыханье Ваше в Вышних Бога славит.
И скорби здешней, слишком тяжкий мрамор,
Как снег долин, под Вашим солнцем тает.

Вы - Утешитель. Вроде чуждый Мому
Достоинством простым и монолитным.
Хотя порой смеётесь несмешному,
Как добрякам присуще беззащитным.

Да, это очень красочная мета! -
Когда звучит - не демона, не фавна, -
А чистый честный детский смех Поэта
Над шуткой, что не всякому забавна.

Не так ли горесть Ваша (совокупно
С отвагой Вашей!) многим недоступна?
За карликовый вензель на эмали
Стих Ваш парнасский, движущийся крупно,
Иные принимали!

Не Вы стояли в позе над толпою -
Толпа пред Вами в позу становилась.
Та, что, подняв кумира над собою,
Им «снизу» помыкать приноровилась.

Всегда Вы что-то «предали»! То скотство,
То Идеал... То - старое знакомство...
Чужой природы с нашею несходство
Считать привыкли мы за вероломство.

Будь ты хоть гений - разве вправе Гений
Владеть самостоятельностью мнений?
Во лбу семь пядей?

А на дню семь пятниц
Сменить изволь, как семь бумажных платиц!
Другие - всей толпой идут на это,
Лишь ты один упёрся против света!

Но думам вольным не закрепоститься.

А рожь цветёт,

А лютик золотится,

В плюще бурлят речные ветры, вея...

Не странно ли, что новый век родится

Не из твердынь, а из «Беседки Грэя»?

Где лист баллады камушком прижатьй;

(Баллады без балласта - улетають!);

Где, преданные Вам, как медвежаты,

Две девочки у Вас в глазах читають.

Дар Ваш высокий грустен без юродства.

Свободен, - но Отечеству любезен.

Содружествен. Но в рощах первородства

Лишь соловей - соавтор Ваших песен.

...Так

счастью учит Феб, а жизнь - терпенью.

За трудолюбьем гордым - год из года -

За божеством сплящим - ходят тенью

Пустой досуг, постылая свобода.

Но Вы прозренью брат:

Вы патер Браун.

Раденье Ваше в Вышних Бога славит!

Пловцам открыта Ваших песен гавань

И примет всех, кого судьба оставит.

Октябрь-декабрь 1992 г.

МНЕ КАЖЕТСЯ...

Мне кажется порой, что умерли стихии -
Такие, как Земля, Огонь, Вода и Воздух.
А заменили их...какие-то другие -
Из приготовленных на незаконных звёздах;

Что до сих пор трава, наш друг многовековой,
Напрасной зеленью сияла перед нами;
Что кто-то изобрёл закон природы новый,
Повелевающий расти ей - вверх корнями!

Что в джунгли отпустил шарманщик обезьянку,
Но джунглей больше нет; их царственное платье
Сорвали, вывернули, с криком, наизнанку!
Мне кажется, о них - век буду горевать я,

И плакать буду я (счастливым на потеху)
По истинным слезам и подлинному смеху.

5 октября 1961 г.

***

Когда Вселенная открывает нам
добровольно
Явления, о которых скептик твердил:
«Крамольно!», -
При чём тут я и чему я радуюсь так -
не знаю,
Какая польза мне в том - не знаю.
Но я - довольна.

1990 г.

Рисунок Новеллы Матвеевой

Содержание

Предсказание Эгля (пьеса)	3
Трактир «Четвереньки» (пьеса)	85
Алиса в Закулисье (от автора)	176
Дама - бродяга (повесть)	181
Стихи разных лет	
НЕПОЛНЫЕ СТРАХИ	220
ЧАГА	221
В ТОМ ЛЕСУ	222
ЧУТКОСТЬ КОТА	224
ПОЖЕЛАНИЕ СКРОМНИКУ	225
ЧТО ЕСТЬ ГРЕХ	226
ЭККЕРМАНУ	227
ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ	228
МНЕ КАЖЕТСЯ...	230
«Когда Вселенная открывает нам...»	231

Литературно-художественное издание

Матвеева
Новелла Николаевна
«Кассета снов»

Редактор - И.И.Столяр

Подписано в печать 31.07.97
Формат 84x108/32 Тираж 1000 экз.

Издательство «АПАРТ»

